

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ
IX Международной научной конференции

30–31 октября 2014 года

Харьков
ООО «НТМТ»
2014

УДК 93/99
ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)
П78

Художник С. Е. Кулінич

- П78 Проблемы истории и археологии Украины: Материалы IX Международной научной конференции (Харьков, 30–31 октября 2014 г.). — Харьков: ООО «НТМТ», 2014. — 84 с.
ISBN

УДК 93/99
ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали IX Міжнародної наукової конференції

30–31 жовтня 2014 року

Відповідальний за випуск С. В. Д'ячков
Художній редактор С. Е. Кулінич
Комп'ютерна верстка Ю. І. Читковська
Коректор І. Л. Д'яченко

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004
Підписано до друку 16.10.2014. Формат 60×84/8. Папір офсетний.
Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 10,76. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ
ІХ Міжнародної наукової конференції

30–31 жовтня 2014 року

Харків
ТОВ «НТМТ»
2014

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *C. E. Кулинич*

П78 **Проблеми історії та археології України: Матеріали IX Міжнародної наукової конференції** (Харків, 30–31 жовтня 2014 р.). — Харків: ТОВ «НТМТ», 2014. — 84 с.

ISBN

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали IX Міжнародної наукової конференції

30–31 жовтня 2014 року

Відповідальний за випуск *C. В. Д'ячков*

Художній редактор *C. E. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *I. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 16.10.2014. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 10,76. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN

© Колектив авторів, 2014

ПРОГРАММА
IX Международной научной конференции
«Проблемы истории и археологии Украины»

30–31 октября 2014 года

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Бакиров Виль Савбанович — ректор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Дьячков Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея

Посохов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Цитковская Юлия Ивановна — исполнительный директор Харьковского областного историко-археологического общества

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА:

Аксенов Виктор Степанович — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Харьковского исторического музея

Берестнев Сергей Илларионович — кандидат исторических наук, доцент Харьковской государственной академии физической культуры

Буйнов Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент

Колода Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды

Литовченко Сергей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Мартемьянов Алексей Павлович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Мызгин Кирилл Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Скирда Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Шрамко Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, директор Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

30 ОКТЯБРЯ, четверг

- 9⁰⁰–11⁰⁰ — Регистрация участников конференции.
11⁰⁰–11⁴⁵ — Отчетно-выборная конференция членов ХИАО.
11⁴⁵–12³⁰ — Кофе-брейк.
12³⁰–14⁰⁰ — Пленарное заседание (*ауд. 2-49*).
14⁰⁰–15⁰⁰ — Обед.
15¹⁵ — Возложение цветов к памятнику Б. А. Шрамко.
16⁰⁰ — Выставка-презентация результатов археологического полевого сезона 2014 г.
(Музей истории университету)

31 ОКТЯБРЯ, пятница

- 9³⁰–13³⁰ — Работа секций.
11⁰⁰–11²⁰ — Кофе-брейк.
13³⁰–14³⁰ — Обед.
15⁰⁰–16⁰⁰ — Пленарное заседание (*ауд. 5-58*).

Регламент работы конференции

На пленарном заседании: доклад — 20 минут
выступление — 10 минут

На заседании секции: доклад — 15 минут
выступление — 5 минут

Рабочие языки конференции

- украинский;
— русский;
— английский.

Конференция проводится:

Исторический факультет, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина,
площадь Свободы, 4, г. Харьков. Телефон 707-51-66 (деканат факультета).

30 ОКТЯБРЯ

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

членов Харьковского историко-археологического общества

11⁰⁰–11⁴⁵

1. Отчет Правления ХИАО о работе в 2012–2014 гг.
2. Выборы членов Правления ХИАО и ревизионной комиссии.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

12³⁰–14⁰⁰

1. Приветственное слово участникам конференции.
2. Сергеев И. П. (*Харьков*). Об участии гражданского населения Римской империи в политической жизни государства в период кризиса III века.
3. Дьячков С. В. (*Харьков*). Использование метательного оружия гарнизоном генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).
4. Плещивенко А. Г. (*Запорожье*). Памятнико-охранная деятельность Б. Н. Гракова на Каменском городище.
5. Презентация ежегодника Харьковского историко-археологического общества «Древности 2013». (Выпуск 12).
6. Презентация «Нартекс. Byzantina Ukrainensia». 2014, т. 3.

30–31 ОКТЯБРЯ — РАБОТА СЕКЦИЙ

Секция: ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Руководители секции: С. И. Берестнев

А. Е. Кислый

Секретарь секции: И. А. Снежко

Берестнев С. И. (Харьков). О символике красного цвета в археологическом материале.

Горбенко К. В. (Николаев). Топография и структура городища Дикий Сад.

Дмитриев В. А. (Харьков). Медные украшения в погребениях эпохи ранней бронзы.

Ісліяров Е. М. (Сімферополь). До питання історіографії дослідження оздоблення кераміки енеоліту—бронзи степів Північного Причорномор'я.

Кислій О. Є. (Сімферополь). Нові пам'ятки зображенальної культури енеоліту-ранньої бронзи з Криму.

Коваленко П. П. (Луганськ). Результаты археологических разведок у с. Обозное Славяносербского района Луганской области.

Красильников К.И., Красильникова Л. И. (Луганск). Образ катакомбных древностей спасательных раскопок кургана 2 могильника у г. Червоноартизанска Луганской области.

Попова Л. В. (Київ). Проблеми комплексної реконструкції природного середовища в голоцені Придніпров'я та Побужжя і мікротеріофауна.

Пробейголова А. С. (Луганск). Погребения финала бронзового века в бассейне Северского Донца.

Сніжко І. А. (Харків). Десять років дослідження стоянки біля с. Кам'янка.

Секция: РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Руководители секции: Ю. Б. Полидович

И. Б. Шрамко

Секретарь секции: О. В. Лифантий

Бабенко Л. И. (Харьков). О составе пластинчатой аппликации из кургана Верхний Рогачик.

Гречко Д. С. (Киев). Особые виды погребений VII в. до н. э. у с. Медвин в Поросье.

Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. (Кам'янець-Подольск), Могилов О. Д. (Київ). Курган ранньоскіфського часу в Позбруччі.

Дьяченко А. Г. (Белгород). Новые памятники скифского времени в бассейне Ворсклы

Задников С. А. (Харьков). Северный участок Восточного Бельского городища: итоги и перспективы исследования.

Каравайко Д. В. (Киев). О термине «местонахождение»: поселения скифского времени на Сейме.

Кашуба М. Т. (Санкт-Петербург), Левицкий О. Г. (Кишинэу). Погребальные обряды гальштатских (карпато-дунайских) культур Восточного Прикарпатья: задачи систематизации, классификации, изучения.

Крютченко А. А. (Харьков). О городищах-убежищах в бассейне р. Северский Донец.

Ліфантій О. В. (Київ). Золоті платівки скіфського одягу з зображеннями птахів.

Махортых С. В. (Киев). К вопросу хронологии раннескифской культуры.

Пелященко К. Ю. (Харьков). Ритуальный сосуд из Циркуновского городища.

Полидович Ю. Б. (Донецк). Находки скифских изваяний на территории Донецкой области

Полтавець В. І. (Чигирин). Просторове співвідношення поселень і курганних могильників у Потясминні в скіфські часи.

Попандопуло З. Х. (Запорожье). К вопросу об этнической принадлежности грунтовых некрополей Нижнего Поднепровья.

- Радзиевская В. Е. (Харьков).** Неизвестные артефакты жаботинского типа из Среднего Поворскляя.
- Чурбанов М. О. (Ростов-на-Дону).** Тамги Танаиса и сарматов Левобережной Украины: связи кочевого населения региона с античным городом.
- Шелехань О. В. (Київ).** Еволюція клинкової зброї «класичної Скіфії».
- Шрамко И. Б. (Харьков).** Землянка раннескифского времени из зольника № 28 Западного Бельска.

Секция: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Руководители секции: К. Н. Колесников

О. А. Ручинская

Секретарь секции: В. В. Котенко

- Bragvadze Zurab (Tbilisi, Georgia).** Greek imports of the V—IV centuries B. C. from Sairkhe and some questions of the trade-economic relations.
- Козленко Р. А. (Николаев).** «Киммерийские укрепления» Геродота (к возможной локализации Hdt. IV. 12. 1).
- Колесников К. М. (Дніпропетровськ).** Зовнішньополітичні відносини та статус Херсонесу Таврійського в 170–110-х рр. до н. е.
- Котенко В. В. (Київ).** Особливості облаштування західної башти з поселення Маслини у Північно-Західній Таврії.
- Мезенцева І. В. (Київ).** Письмові приладдя з розкопок античних міст Північного Причорномор'я в збірці Національного музею історії України.
- Николаев Н. И. (Николаев).** Хронологические квоты — новая особенность эпонимных каталогов античного мира.
- Новичихин А. М. (Анапа).** О роли климатического фактора в истории Синдики VI—IV вв. до н. э.
- Ручинская О. А. (Харьков).** Система рекреации в представлении граждан античных городов Северного Причерноморья (I—III вв. н. э.).
- Сорочан С. Б. (Харьков).** К вопросу о местоположении рыбного рынка в Херсонесе Таврическом.
- Строков А. А. (Воронеж).** Фанагорийский склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского.
- Шейко І. М. (Київ).** Ручки-петлі від світильників з Ольвії.

Секция: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Руководители секции: О. М. Петречко

И. П. Сергеев

Секретарь секции: А. Н. Токарев

- Казаров С. С. (Ростов-на-Дону).** Некоторые проблемы истории Додонского оракула.
- Квашнин В. А. (Вологда).** Центр и регионы: «федерализм» и «сепаратизм» как вызовы Ганнибаловой войны.
- Литовченко С. Д. (Харьков).** «Эра Помпея» в Великой Армении.
- Мартемьянов А. П. (Харьков).** Об участии ветеранов римской армии в самоуправлении сел Малой Скифии во II в. н. э.
- Нефедов К. Ю. (Харьков).** Культ основателя города и культ правителя в эпоху раннего эллинизма.
- Петречко О. М. (Дрогобич).** Damnatio memoriae у добу принципату.
- Синицын А. А. (Саратов/Санкт-Петербург).** IMAGO BARBARORUM—I: о восприятии облика при-черноморскихnomadov в греческой художественной традиции.
- Смыков Е. В. (Саратов).** Римский империализм и современный мир (к 100-летию выхода книги Т. Франка).

- Сулейманова А. Б.** (*Белгород*). Предпосылки галльского и пальмирского сепаратизма в период кризиса Римской империи в III в.
- Токарев А. Н.** (*Харьков*). «Республиканцы» или Rompeianae partes? К вопросу о названии политической группировки Брута и Кассия.
- Чередниченко А. Г.** (*Белгород*). Античная традиция об одном из древних названий Дарданелл — Βορυσθέντης.
- Янко А. Л.** (*Полтава*). Етрус *Фелсна*: з Ганнібалом чи проти нього (до інтерпретації напису TLE, № 890).

Секция: СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ В VII—XVII ВВ.

Руководители секции: **В. В. Колода**
М. С. Сергеева

Секретарь секции: **М. В. Хоружая**

- Аксёнов В. С.** (*Харьков*). Пряжки-пуговицы из раковины в катакомбных погребениях аланского населения Подонцевья.
- Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю.** (*Москва*). Керамический комплекс салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (Керченский полуостров).
- Володарец-Урбанович Я. В.** (*Київ*). Нові знахідки фібул VI — початку VIII ст. з Полтавщини.
- Горобець Л. В.** (*Київ*). Птахи в побуті східних слов'ян.
- Голубєва І. В.** (*Харків*). Скарб золотоордынських монет з поселення «Стromoухово».
- Кожушко А. В.** (*Луганськ*). К истокам монголо-славянского межэтнического противостояния в освещении арабской энциклопедической традиции XIV—XV вв.
- Колода В. В.** (*Харьков*). О хозяйственных ямах со стандартизованными наборами предметов на салтовских поселениях.
- Корнієнко В. В.** (*Київ*). Нові знахідки графіті з зображенням тризубів у Софії Київській.
- Желтобородов А. Н.** (*Харьков*). Особенности борьбы с татарскими набегами на территории Слободской Украины во второй половине XVII в.
- Пуголовок Ю. О.** (*Київ*). Житла-майстерні літописних сіверян.
- Сергеєва М. С.** (*Київ*). Сировинна база давньоруської деревообробки (за матеріалами Південної Русі).
- Терещук О. М.** (*Київ*). Відображення середньовічного вітчизняного світогляду в давньоукраїнській літературі (на грунті аналізу «Києво-Печерського Патерика» 1661 року з колекції НМІУ).
- Хоружая М. В.** (*Харьков*). Бронзовые подвески в виде коней из катакомбных захоронений салтово-маяцкой культуры (из коллекции Харьковского исторического музея).
- Шеломенцев-Терський С. В.** (*Львів*). Південні зв'язки галицько-волинських земель у X—XII ст. за даними археології.

Секция: ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Руководители секции: **В. В. Майко**
С. Б. Сорочан

Секретарь секции: **А. А. Роменский**

- Бардола К. Ю.** (*Харьков*). Основные проблемы изучения истории византийской дипломатии.
- Болгов Н. Н.** (*Белгород*). Город Гиппос (Суссита) в ранневизантийской Палестине.
- Болгова А. М.** (*Белгород*). Ритор Хорикий Газский в византологии последнего десятилетия.
- Вус О. В.** (*Львов*). О попытке локализации «страны Дори» Прокопия Кесарийского на Европейском Боспоре.

- Господаренко О. В., Смирнов О. И. (Миколаїв).** Рельєфні зміни на Дніпровському-2: до питання археологічного дослідження замку Леріче.
- Домановский А. Н. (Харьков).** Социально-экономическая природа Византийской цивилизации в свете теоретических построений Л. С. Васильева и Ю. И. Семенова.
- Домановська М. Є. (Харків).** Візантиністика у наукових студіях та навчальних курсах В. І. Савви.
- Дьячков С. В. (Харьков).** Новые данные об использовании арбалетов гарнизоном генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).
- Кобзева А. В. (Белгород).** XIII—XIV книги «Хронографии» Иоанна Малалы: введение в византийскую историю.
- Кузь А. І. (Чернівці).** Військова нагородна справа у генуезькій Газарії.
- Курбанов А. В. (Санкт-Петербург).** К вопросу о терминологии византийских благотворительных учреждений.
- Литовченко А. Н. (Харьков).** Алтарная преграда как элемент внутреннего убранства базилики (по материалам византийского Херсона).
- Майко В. В. (Симферополь).** Средневековые ткани Сугдеи.
- Миловидова О. В. (Харків).** Про новації візантійського права у зводі «Еклога».
- Могаричев Ю. М. (Симферополь), Сорочан С. Б. (Харьков).** К проблеме административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI—VIII вв.
- Роменский В. В. (Харьков).** «Огненные столпы» в византийской и древнерусской агиографии.
- Столяренко Е. Н. (Харьков).** Образ крымских женщин в представлениях итальянцев в XIV—XV вв.
- Фомин М. В. (Харьков).** К проблеме формирования раннехристианского мировоззрения в позднеантичном Херсонесе.
- Эюпова Д. Г. (Белгород).** К истории проституции в ранневизантийской Палестине.

Секция: ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Руководитель секции: **Л. Ю. Посохова**

В. В. Скирда

Секретарь секции: **И. Н. Скирда**

- Гордієнко Д. С. (Київ).** Антикознавчий доробок українських вчених-емігрантів у міжвоєнній Чехословаччині.
- Гусев К. А. (Москва).** О некоторых отличиях Всероссийских археологических съездов и Международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии.
- Козловський С. О. (Львів).** Медієвістика як академічна дисципліна у Львівському університеті (1840–1850-ті рр.).
- Колибенко В. О. (Київ).** До питання про збереження культових пам'яток України.
- Ласінська М. Ю. (Миколаїв).** Спроба періодизації історії археологічних досліджень регіону Нижнього Побужжя.
- Левченко В. В. (Одеса).** Інституалізація системи археологічної освіти в Одесі в першій половині ХХ століття.
- Палиленко С. В. (Киев).** История отдела теории и методики археологических исследований Института археологии АН УССР по разным видам источников.
- Посохова Л. Ю. (Харків).** Віртуальні мандрівки харківських студентів та викладачів у XVIII ст.
- Принь О. В. (Луганськ).** Археологічні та пам'яткохоронні дослідження Конотопського окружного музею наприкінці 20—на початку 30-х років ХХ ст.
- Скирда В. В., Скирда І. М. (Харків).** Археологічна проблематика на XII Археологічному з'їзді.
- Четверикова А. А. (Одесса).** Потоп в Черном море как толчок к открытию древности Варненской культуры в исследованиях Петко Димитрова

31 ОКТЯБРЯ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

15⁰⁰–16⁰⁰

1. Отчет руководителей секций.
2. Подведение итогов работы секций.
3. Принятие итоговых документов конференции.

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

С. И. Берестнев (Харьков)

О СИМВОЛИКЕ КРАСНОГО ЦВЕТА В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

1. Целенаправленное использование человеком природного минерального красителя — охры прослеживается, начиная с эпохи позднего палеолита, в основном, в памятниках, относимых к категории погребальных. Красным цветом окрашены не только костные останки людей, но и дно могильных ям, а нередко — сопровождающие предметы и изделия. Иногда подсыпки охры, в виде порошка или комочков, присутствуют в грунте заполнения могил. Частота использования естественного красителя свидетельствует об его особом семиотическом статусе в содержании обрядово-ритуальных актов.

2. Применение в ритуалах красной охры обычно рассматривается, по ассоциативной аналогии с кровью, как символ воскрешающего начала, как средство возобновления жизни (М. Эберт, А. П. Окладников, Н. Н. Гурина и др.). Окрашивание покойника в красный цвет равнозначно наполнению его новой кровью и последующему возрождению. Таким образом, захоронение усопшего представляет один из обрядов «перехода» (по А. ванн Геннепу), обеспечивающий его появление в новом качестве. Содержательная сторона ритуала предполагает наличие целостной идеологической доктрины, поляризующей бытие на «до» и «после», то есть, существование системы представлений о смерти, как таковой. Есть ли основания предполагать осознание феномена смерти и складывания системы представлений о «загробной» жизни у человека эпохи палеолита?

3. В этом отношении показательно погребение на стоянке Костёнки 14 (Маркина Гора), имевшее необычный характер. В тесной грунтовой яме, обильно засыпанной охрой, находился костяк молодого мужчины, лежавший скорченно на левом боку, головой на север. Неестественная степень скorchности, когда бедренные и берцовые кости оказались вплотную прижатыми к грудной клетке, свидетельствует о том, что покойник был предварительно связан и в таком виде втиснут

в узкую могилу. Осознанное лишение возможности двигаться могло означать отрижение чисто человеческих свойств и обретение субъектом обряда иного статуса, никак не связанного с последующим возрождением. Покойник отправлялся в Пустынний мир, представлявшийся полной противоположностью миру земному, и его поза выражала покорность обитавшим там Высшим силам. В этом случае использование красной охры, которой было покрыто не только тело погребенного, но и дно ямы, концептуально оправданно, если речь шла о символическом обозначении конечно-го «пункта назначения» — Преисподней, а покойник представлял собой направляемую туда жертву.

4. По-видимому, красный цвет с глубокой древности ассоциировался с подземным миром, божествам которого было подвластно все, что находилось на земле, в том числе и судьбы людей. В святилищах ранненеолитического Чатал-Хююка в Анатолии зафиксированы «красные ниши» — выкрашенные охрой прямоугольные углубления в стенах, воплощавшие образ Нижнего мира и, вероятно, обозначавшие символический вход в него. По сторонам обычно находились бычья или баранья головы, также окрашенные в красный цвет. Эти животные традиционно воспринимались как воплощения хтонических божеств. На раннеэнеолитических памятниках Средней Азии строения, относимые к категории святилищ, изнутри окрашивались раствором охры. В ведийской мифологической традиции под землей помещалось царство мертвых, царь которого, первый из умерших, Яма был облачен в красные одеяния. В цвето-предметной символике традиционных народов красный цвет занимает промежуточное положение между тьмой и светом, днем и ночью, жизнью и небытием. Поэтому присутствие красной охры в ритуально-погребальных комплексах оправданно трактовать как **универсальный символ жертвования**, адресного предназначения божествам преисподней.

K. V. Горбенко (Николаев)

ТОПОГРАФИЯ И СТРУКТУРА ГОРОДИЩА ДИКИЙ САД *

Городище Дикий Сад располагалось на краю плато, вдоль левого берега реки Ингул. С востока городище омывала река и эродированные склоны, обеспечивая удобный ступенчатый подъем со стороны реки; с севера и юга его ограждали овраги, а с западной, степной части — два кольца рвов.

Городище находилось в степной зоне (ковыльно-злаковая степь), в непосредственной близости к речной пойме. На противоположном берегу находилась боровая песчаная терраса, на которой рос смешанный лес, обеспечивающий городище древесиной (береза, сосна, граб, дуб, липа, вяз и ясень) и продуктами охоты, дававшие, кроме мяса и шкур, технологический продукт — кости животных, рога оленей и т. д. Кроме этого, одним из главных достоинств местоположения было обилие различных видов рыб (осетр, сазан, сом и др.). В конце II тыс. до н. э. климат в Нижнем Побужье был более влажным, чем в среднем суб boreale, и, таким образом, более благоприятным для хозяйственной деятельности человека.

Площадь Дикого Сада около 5 га. Время его существования укладывается в рамки XIII/XII—XI/X вв. до н. э. Полученный в процессе исследования материал по всем показателям относится к белозерской культуре.

Конструктивно городище состояло из трех частей — «цитадели», огороженной рвом, «предместья», огороженного внешним рвом, и «посада», располагавшегося за пределами укреплений. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул, и практически примыкали друг к другу, создавая единый комплекс.

«Цитадель» — 21 объект: оборонительный ров; 17 помещений; ритуальный спуск-подъем — пандус в главный храм поселения; центральная площадка для сборов общинны, и площадка, примыкающая к оборонительному рву. «Предместье» — 25 объектов: внешний оборонительный ров; 20 помещений; центральная хозяйственная площадка, состоящая из 21 хозяйственных и ритуальных ям, и три хозяйственных ямы возле помещений № 1 и № 15. «Посад», располагавшийся за внешним рвом города (на этой территории была зафиксирована одна яма — № 1-а).

Большинство исследованных помещений и сооружений возникли одновременно и располагались на выровненной площадке (перепад материковой поверхности колеблется от 23,7–22,1 м над уровнем моря на «посаде»; 22,1 м — в «предместье», и 20,3 м — на «цитадели»).

Большинство углубленных сооружений «цитадели» и «посада» были жилыми помещениями. Они имели форму прямоугольника с закругленными углами. Наземные конструкции использовались жителями города как хозяйственные сооружения. Культовые комплексы «цитадели» города — углубленные конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен. На уровне пола этих сооружений находились ритуальные ямы.

Внешний ров проходил по оси юго-запад—северо-восток. Длина исследованной части 45 м, ширина 2–3 м, глубина 1,2–1,3 м от уровня материка. В юго-восточной стенке рва располагались большие известняковые плиты (камни сползли во внутреннюю часть рва). Возможно, это была облицовка внутренней стенки рва, или фундамент оборонительной стены. Ров, ограждавший «цитадель», в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток—северо-запад. Длина исследованной части рва составляет 80 м (общая длина примерно 120–130 м), ширина 5 м, глубина 2,5–3 м от уровня материка. В северной и южной частях рва зафиксированы каменные фундаменты для деревянных мостов и каменные завалы сторожевых башен, которые фланкировали ров. В средней и нижней части заполнения рва фиксируются глиняные заплывы, в перемешку с крупными известняковыми камнями. Вероятно, это следы рухнувших оборонительных стен.

Таким образом, архитектурная композиция Дикого Сада дает возможность определить его как укрепленное поселение — городище со сложившейся системой планировки города: «цитадель», ров, «предместье», «посад», что соответствует «классическому» определению понятия «город» — «urbs», который занимал важное стратегическое положение. Причем характер и структура города указывает на применение восточных архитектурных традиций (два кольца рвов, сторожевые башни, каменные фундаменты мостов, расположение помещений вдоль рвов и т. д.).

B. A. Дмитриев (Харьков)

МЕДНЫЕ УКРАШЕНИЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

В последнее время на территории Лесостепи Днепро-Донецкого междуречья в погребениях древнеямной культуры зафиксированы медные украшения, ранее не встречавшиеся на данной территории.

Указанные изделия встречены в двух погребениях курганной группы у с. Станиславка Шевченковского р-на Харьковской области.

Курган № 3, погребение 1 — основное — зафиксировано в центре кургана. Яма прямоугольной формы, ори-

ентирована по линии С-Ю, размерами: 1,95 × 1,80 × 1,05 м. Костяк сильно разрушен ходами землероев. В северо-восточном углу ямы расчищен позвонок с одним кругом ребер. Рядом с ним обнаружены 11 медных украшений и костяная «рогатковидная» булавка. По форме изделия разделяются на 2 группы: «скобообразные» обоймы (длина — 1,4–2,0 см; ширина — 1,6–1,85 см) и «трубчатые» (длина — 1,4–1,7 см; ширина — 0,5–0,75 см). Толщина всех пронизок — 0,1–0,15 см.

* Тезисы подготовлены в рамках научной темы № 0112U000482 «Этнокультурные процессы в Северном Причерноморье в контексте древней с средневековой истории Юго-Восточной Европы по данным археологии».

Курган № 4, погребение 2 — основное — зафиксировано в центре кургана. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии В—З, размерами: 1,90 × 1,95 × 1,60 м. костяк сильно разрушен ходами землероев. От него остались лишь кости ног, сохранившие положение в виде ромба. Судя по расположению оставшихся костей, покойник был уложен скорчено на спине и ориентирован головой на восток. Стопы окрашены красной охрой. На костях обеих ног, в области голеностопного сустава обнаружены медные «обоймочки», составлявшие ножной браслет на местной кожаной основе. На левой ноге сохранились 3 «обоймочки» в виде скоб: длиной — 1,5–3,2 см; шириной — 1,6–1,2 см. Толщина — 0,1–0,2 см.

Аналогичные 8 медных украшений найдены на исследуемой территории у с. Октябрьское Славянского р-на Донецкой области.

Подобные медные изделия имели широкий диапазон как хронологический, так и территориальный.

Впервые их датировку попытался дать Л. С. Клейн, анализируя медные пронизки из Карбунского клада. Он датировал их второй половиной — последней четвертью III тыс. до н. э.

Наибольшее количество мелких украшений из меди встречено в погребениях племен постмариупольской

культуры, основной зоной бытования которых является Орельско-Самарское междуречье. Они отмечены в 38 % погребений. В целом, датируя постмариупольскую культуру концом IV — первой половиной III тыс. до н. э., И. Ф. Ковалева рассматривает медные пронизки в широком территориальном диапазоне, по их присутствию в энеолитических могильниках. Не противоречит этому и наличие подобных украшений в могильниках Правобережья.

Между тем, следует отметить, что подобные медные украшения встречены не только в погребениях энеолитических культур, но и в культурах последних веков III — первых веков II тыс. до н. э.: дольмены ст. Новосвободной (В. И. Мавродин, 1960); северокавказская (Б. Е. Деген, 1941); предкавказская катакомбная (А. А. Иерусалимская, 1958); донецкая катакомбная (В. А. Городцов, 1905); культурах бронзового века Центральной Европы (Л. С. Клейн, 1968).

Широкий хронологический диапазон подтверждают и данные спектрального анализа медных украшений (С. Я. Ольговский, 1988).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подобные изделия встречаются с конца IV до начала II тыс. до н. э. в памятниках различных культур, племена которых обитали от Альп до Урала.

E. M. Ісламов (Сімферополь)

ДО ПИТАННЯ ІСТОРІОГРАФІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ ОЗДОБЛЕННЯ КЕРАМІКИ ЕНЕОЛІТУ-БРОНЗИ СТЕПІВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Орнамент як особлива область мистецтва здавна цікавив істориків, мистецтвознавців, археологів та ін. Але безпосередньо праісторичними витоками формування та розвитку орнаменту системно займаються здебільшого археологи.

У фундаментальних працях О. О. Формозова, присвячених вивченню первісного мистецтва, розглядається та-кож орнамент як феномен культури жителів Північного Причорномор'я доби енеоліту-бронзи. Один із висновків дослідника стосується образу людини в монументальній кам'яній скульптурі того часу, що пов'язується зі зростанням впливу племінної верхівки. Але, у той самий час, реалістичні зображення рідко зустрічаються як у дрібній пластиці, так і на кераміці. Наступний висновок автора відноситься до пояснення, чому більшу увагу починають надавати декоративним візерункам (геометричній орнаментації), і цей перехід пояснюється, як відомо, розвитком людського мислення від конкретно-образного сприйняття до складних абстракцій (1980). Далі вчений цілком очевидно розділяє орнаментальне декорування посуду у трипільському суспільстві (більш яскраве та багате) та в степових культурах, де декорування загалом бідніше. Розробка питань оздоблення трипільської кераміки призвела до появи низки публікацій (Б. А. Рибаков, В. М. Даниленко, Т. Г. Мовша, М. Ю. Відейко, М. Б. Бурдо, Т. М. Ткачук, Я. Г. Мельник та ін.), проте цікавим було б системне порівняння трипільського та степового світів.

Широкий обсяг видозмін декору глиняних виробів від неоліту до середньовіччя постає з дослідження А. Л. Щербаня (2011), але його праця охоплює лише Лівобережжя України.

Загалом в інтерпретації елементів декору (орнамент чи окремі символи-зображення) є такі напрямки:

1. Виділення із оздоблення окремих знаків та їх інтерпретація з урахуванням загальнозвизнаної семантики. Рівень понятійно-символічний.

2. Аналіз орнаментів та їх інтерпретація в залежності від композиційного розміщення і кількісних показників. Рівень структурно-кількісний.

Напрямки знайшли такі дослідницькі вирази. Перший:

- Виокремлення елементів орнаменту як таких, що мають значення реалістичних зображень (Отрощенко В. В., Буров Г. М.).
- Інтерпретація знаків орнаменту за символічним навантаженням (статевий чинник, відображення сонця, землі, води, рослинного чи тваринного світу) (Гольмстен В. В., Рибаков Б. А., Березанська С. С., Отрощенко В. В., Кислій О. Є., Сафонов І. Є.).
- Пошук в окремих знаках та елементах орнаменту елементів працисемності (Городцов В. О., Формозов О. О., Отрощенко В. В., Ковалева І. Ф., Захарова О. Ю., Пряхін А. Д.).

Другий:

- Реконструювання астрономічно-календарних уявлень.
- Тлумачення орнаментальних композицій як відображення міфологічних уявлень.
- Зображенальні композиції.
- Сукупність знаків як письмовий запис.

Інший напрямок досліджень — пошук взаємозв'язків розвитку орнаментальних систем та економічних трансформацій суспільства. Найперше, це проявляється

у реконструюванні календарних циклів (В. П. Андріенко), далі у розумінні, що можлива не календарна інтерпретація, а відображення господарських робіт чи циклів (Беседін В. І., Сафонов І. Є.), нарешті, що орнамент відображає статевий символізм культури, економіку та ідеологію нових патріархальних стосунків (О. Є. Кислий).

Висновки:

1. Існує потреба в узагальнюючій праці, присвяченій декору кераміки археологічних культур степової зони Північного Причорномор'я.

У науці відоме цікаве явище «незображення» у шерегу культур енеоліту-бронзи степів Північного Причорномор'я. Знахідки з пам'яток ямної, катакомбної, кам'янської Східного Криму, бабинської, зрубної та ін. культур часто прикрашені різними візерунками-орнаментами, проте реалістичні зображення людей, тварин, рослин чи довкілля зустрічаються украй рідко. О. О. Формозов пов'язував розвиток мистецтва орнаментування епохи неоліту з «...розвитком мислення наших предків, які змогли перейти від конкретно-образного сприйняття життя до складних абстракцій» (1980, с. 80). В. В. Отрощенко серед орнаментальних мотивів на горщиках зрубної та сабатинівської культур виокремив ряд елементів, які можна трактувати як умовні зображення, чим поклав основу згададці про те, що зображення могли не просто заборонятися, їх могли соромитися і приховувати.

Таке явище є епохальним у культурі, його корені в особливостях демоекономіки часів переходу до відтворюючого господарювання, в маскулінізації населення та забороні на зображення (О. Є. Кислий). У певних соціумах до сьогодні пролонгація у часі деяких стародавніх особливостей відтворення життя (маскулінізація та ін.) спричинює до збереження заборони на зображення. Очевидно, що з стародавніх часів під заборону зображення було підведено «ідеологічне» підґрунтя. Доказ — сторінки Старого Заповіту з забороною зображення, руйнацією зображенень-скульптур (литих богів), мусульманські традиції, ін.

Отже, виходячи з традиції незображення, можна по-новому трактувати ряд явищ у культурі народів Північного Причорномор'я. Вважаємо, що відомі антропоморфні стелі енеоліту-епохи бронзи були спеціально порушені на догоду ідеології незображення.

Інша сторона розвитку ідеології незображення — доказання образу до тої стадії оформлення, коли натура лише вгадувалась. Так у мусульманському мистецтві спостерігалось проникнення зовні традицій зображення (наприклад, при тюрках-Газневідах, X—XII ст. в ілюстрованих манускриптах), проте залишалась необхідність підкреслення «випадковості» зображення. Яскраво це

2. Інтерпретація деяких календарних орнаментів як землеробських чи пов'язаних з землеробством не завжди є однозначною, особливо для культур переважно господарського скотарського спрямування. Такі календари можуть бути місячними, скотарськими та ін.

3. Зникнення у декорі реалістичних зображень, геометризація декору в досліджуваний час пов'язана більшою мірою з типом господарювання (О. Є. Кислий), а не тільки з розвитком абстрактного мислення наших предків (О. О. Формозов). Останнє є похідним від першого.

О. Є. Кислий (Сімферополь)

НОВІ ПАМ'ЯТКИ ЗОБРАЖАЛЬНОЇ КУЛЬТУРИ ЕПОХИ ЕНЕОЛІТУ-РАННЬОЇ БРОНЗИ З КРИМУ

проявилось також у напівскрітих зображеннях на горщиках зрубної культури, статуетках кам'янської культури — скульптура «жаби», тварин, т. ін. (В. Д. Рибалова, О. Є. Кислий), коли майстер досягав подібності до натури лише в самих загальних рисах.

Очевидно, до такого мистецького стилю належать рибальські грузила з поселення Глейки II, які загальними обрисами нагадують антропоморфні статуетки. Дуже подібні за формою та загальними обрисами знахідки з Трої I, що вважаються зображенням ідолів. Найчастіше грузила виконувались з плоскої морської гальки, сколів з поверхні каменю-ракушняку. На двох протилежних гранях робилися насічки для прив'язування линви поперек грузила. В результаті виходив плоский виріб вісімкоподібної форми. Дійсно, в окремих, підкреслимо, виробах можна углядіти антропоморфну фігуру. Інколи такі грузила використовують також сучасні рибалки. Аналогічні вироби відомі майже на всіх поселеннях кам'янської культури Східного Криму. Проте кам'янські грузила мають більш стальну вагу та розмір. Загалом, середній розмір грузил становить 8×5 см. Глейківські грузила можуть бути розміром від 10×12 см до мініатюрних — $4 \times 2,5$ см.

Можна вважати, що форма грузил спонукала до сприйняття їх як відображення фігури рибалки, моряка чи божества, що відображало стиль мислення, ідеологію «скритого» зображення.

Для поглиблення аналізу можна звернутись до форм та способів обробки поверхні посуду з Глейок II. Як вже зазначалося, на відміну від більшості культур епохи бронзи Північного Причорномор'я, глейківський посуд крашої виробки, поверхня добре загладжена або залискована (чорного, іноді жовто-червоного кольору), рідко на поверхні спостерігаються полоси загладжування зубчастою мушлею. Ще рідше, як вплив степових культур, — невиразний валик чи невиразний відбиток шнура. За прикрасу можна вважати бортік у верхній частині тулуба при переході до шийки горщика. Подібні фрагменти посуду відомі, найперше, з найдавніших шарів Трої, а також у майкопській культурі.

П. П. Коваленко (Луганськ)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗВЕДОК У с. ОБОЗНОЕ СЛАВЯНОСЕРБСКОГО РАЙОНА ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе археологических разведок 1981 г. у с. Обозное выявлено поселение эпохи бронзы. Памятник расположен на первой высокой надпойменной террасе правого ко-

ренного берега реки Северский Донец. В результате последующих разведочных работ, а также раскопок в 1992 г. участка площадью около 125 кв. м (Гурин Ю. Г. Раскопки

поселения эпохи бронзы у села Веселая Гора, Славяно-сербского района Луганской области в 1992 г.), открыты и частично исследованы слои эпохи средней и поздней бронзы. Данным сообщением публикуются основные результаты разведочных работ.

Во время обследования обнажений оврагов, образовавшихся на территории поселения, собрано около 70 фрагментов керамики, из них 7 единиц фрагментов венчиков и 9 донышек, несколько обломков колотого кремня и более 35 единиц костей животных. На 4 фрагментах присутствует орнамент в виде налепных валиков, расположенных горизонтальными рядами или образующих сложные композиции в виде треугольников и пересекающихся линий. Треугольные и округлые в сечении валики в нескольких случаях украшены ногтевыми вдавлениями. Часть фрагментов оформлена орнаментами в виде насечек по срезу венчика.

Вертикальная зачистка одной из стенок оврага определила наличие культурного слоя мощностью до 0,3 м. Здесь же выявлены две ямы овально-круглой формы, предназначавшиеся, очевидно, для хозяйственных нужд. Одна заполнена суглинистым грунтом с вкраплениями древесных углей, вторая заплыла разнородной почвой впремешку с фрагментами посуды, костями животных и камнями мергеля.

В заполнении одной из ям находились 39 фрагментов керамики, абрзив из плитки песчаника, округлый предмет из кварцита с оббитыми краями и несколько кусков

печины. Из находок заслуживают внимания — фрагменты венчиков и орнаментированные стенки лепных горшков. Встречен венчик от сильно профилированного сосуда оформленный глубокими прочерченными линиями, образующими треугольную композицию. Кроме него найдены несколько фрагментов баночных сосудов срубной культуры. Здесь же обнаружен фрагмент стенки, украшенный орнаментом в виде свисающих заштрихованных треугольников вершинами книзу.

Посуда изготовлена из грубой керамической массы, поверхность тщательно заглажена, но в некоторых случаях на стенах прослеживаются следы «гребенчатого» расчеса. Обжиг неравномерный, светло-желтого, темно-серого, черного оттенков. Реконструировать общий вид сосудов по нескольким фрагментам в большинстве случаев не удается.

Несмотря на разнообразие находок, полученных в ходе разведочных работ, и материалов из раскопок части поселения, определить культурно-хронологические параметры памятника затруднительно. К тому же, раскопками, видимо, был затронут лишь край поселения. С уверенностью можно говорить лишь о том, что верхний горизонт представлен материалами срубной культуры. Фрагменты керамики с налепными валиками, происходящие из нижнего слоя, имеют признаки как культуры многоваликовой керамики (бабинская культура) так и среднедонской катакомбной культуры. Точное определение их культурной принадлежности на данном этапе пока что не представляется возможным.

К. И. Красильников, Л. И. Красильникова (Луганск)

ОБРАЗ КАТАКОМБНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПОК КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА У г. ЧЕРВОНОПАРТИЗАНСКА ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Часть курганов могильника близ территории промзоны шахты Провальская I «Богучарская» подверглась воздействиям техногенного характера. В частности: курган 8 был «погребен» под горными породами, на кургане 2 засыпана южная пола.

Планография могильника традиционная для рельефа Донецкого кряжа — высокая грязь речного водораздела. Ориентировка курганов в направлении СЗ—ЮВ. Основной курган 1 +7,5 × 65 м, курган 2 +4,5 × 42–44 м, погребенная почва –5,2 м R⁰. Первая, основная насыпь высотой до +3 м × 22–23 м перекрывает выкид основного захоронения. Она из трех слоев: +2,3 м чернозем, над ним линза древесной золы 3–5 до 20 см в пределах 8 × 12 м, что около 100 кв. м. Над зольником горизонт досыпки почвы +0,6 +1,2 м.

Вторая насыпь из суглинисто-гумусированной почвы, неравномерной конфигурации, высотой от 0,3 до 2 м, перекрывает первую. Третья насыпь, она же современная поверхность кургана высотой от +0,3+0,5 до 1,5 м у подошвы. На вершине в средней ее части на поверхности находился панцирь 1,8–2 м × 10 м (до 20 кв. м) из плоских горизонтально уложенных плит. Панцирь как бы «оконтурен» кромлем диаметром 18 м внутри и 21 м снаружи, однако камни кромлема находятся на глубине –0,8–1 м, то есть в нижнем горизонте второй насыпи. Из шести расчищенных погребений три (3, 5, 6) выполнены в камерах, два (2, 4) в ямах срубного времени, одно (1) сарматское.

Погребения катакомбного времени

Основным считаем погр. 6. Выкиды почв (суглинок и лёсс), на горизонте погребенной почвы, в пространстве до 12 м, высотой до +0,6 м. Колодец 1,3 × 2,2 м, удлинение ССВ—ЮЮЗ, глубиной –1,85 м горизонта погребенки. Камера к СЗ, вход высотой +0,8 м, видимо, был закрыт плахами, здесь же понижение в виде ступеньки –0,2 м. Камера овальная 1,3 × 3 м, ССЗ—ЮЮВ, высота свода +0,75 +0,8 м, дно –7,07 м R⁰.

Скелет взрослого человека в центре камеры устланной порошкообразной охрой, на правом боку, склонено, ориентирован в направлении ЮЮЗ.

Инвентарь: в колодце фрагмент литейной формы топора с плоским лезвием. В ЮЗ стороне камеры горшок с округло-выпуклым туловом, высокой, растробовидной горловиной-венчиком, оформленный горизонтально-линейными и треугольными орнаментальными сюжетами, выполненными двухрядной тесьмой. Жаровня из днища горшка в СВ стороне камеры. Перед туловищем находился обово-острый уплощенно-ромбовидного сечения, с острым окончанием, черенковый нож 17,5 см, лезвие 2,3 × 13,5 см, черенок 4 см, рядом пест-растрильник.

Погребения 3 и 5 катакомбного типа, впускные. Камера погребения 3, обустроенная отчасти в предматерике, погребенной почве со сводом в первой насыпи, просела. Форма колодца округлая, 1,1 × 1,2 м, камера округло-овальная 1,1 × 1,6 м, ССЗ—ЮЮВ, дно –5,05 м R⁰.

Скелет взрослого человека в скорченной позиции, на правом боку, черепом к ССЗ. Захоронение безинвентарное.

Погребение 5, колодец прямоугольный $1,15 \times 1,8$ м, удлинение С—Ю, дно $-6,6$ м от R⁰. Камера в восточном направлении, вход $0,6 \times 1,6$ м со следами столбов древесины, здесь же ступенька $-0,25$ м. Форма камеры овальная $1,5 \times 1,96$ м в направлении С—Ю, свод купольный $+1,15$ м. Дно $-6,85$ м R⁰, посыпано порошковой охрой.

Скелет в скорченном положении на правом боку, черепом к ССЗ. Инвентарь представлен жаровней из стенки крупного горшка и сосудом округлобокой формы с высоким прямым венчиком. Горловина, плечики оформлены пятью оттисками двухрядной тесьмы в гори-

зонтальной проекции, на тулове шесть заштрихованных треугольников.

Возвращаясь к каменным конструкциям заметим: панцирь, перекрывающий верхний горизонт насыпей, видимо связан с впускным погребением 4 раннесрубного времени. Кромлех внутри насыпей рассматриваем как архитектурную конструкцию, относящуюся к захоронению 6 катаомбного времени. Полную информацию о результатах спасательных работ см. Красильников К. И., Красильникова Л. И., Пробейголова А. С. Отчет о проведении спасательных раскопок кургана 2 могильника у г. Червонопартизанска Свердловского р-на Луганской области, у шахты Провальская первая, «Богучарская» в 1982 г. / ЛАЭМ Архив. Ф. 2; Оп. 02–03. Спр. 24; арх. 74, док. 1.

Л. В. Попова (Київ)

ПРОБЛЕМИ КОМПЛЕКСНОЇ РЕКОНСТРУКЦІЇ ПРИРОДНОГО СЕРЕДОВИЩА В ГОЛОЦЕНІ УКРАЇНИ І МІКРОТЕРІОФАУНА

Загальновідомо, що склад викопної фауни завжди відхиляється від прижиттєвого стану угруповання. Так, склад первинних тафоценозів, сформованих діяльністю хижаків (людини в тому числі) визначається мисливськими уподобаннями даного хижака. Для відкритих археологічних стоянок із всієї множини об'єктів, придатних для відтворення ландшафтно-кліматичних умов, більш-менш доступна і незалежна від діяльності мешканців стоянки тільки палінологія. Однак і палінологічний тафоценоз — також не більше ніж тафоценоз, а отже, відображає не всі властивості середовища. Варто уважи, що за палінологічними даними цілий ряд кліматолітів плейстоцену характеризувався поширенням лісової рослинності, а прикладів чисто лісових плейстоценових теріофаун для території України немає. Теріологи вирішують це питання, висуваючи особливий тип рослинності протягом інтергляціалів — «паркові ліси», «перигляціальні савани», в створенні яких істотною вважається роль гіантських фітофагів. Однак, відсутність чисто лісової викопних фаун характерна і для голоцену, так що слід шукати інший фактор, який завжди створював би саме таку картину.

Автором було досліджено три голоценові розрізи з мікротеріофуною: Савинці (заплави р. Псел, Полтавська обл.), багатошарове місцевонаходження Котовка (яр Глибокий, правобережжя р. Півд. Буг), і Шолохове (лівий берег р. Базавлук). Місцевонаходження різні за генезисом. Савинці — алювіальне, Котовка-1 — алювіальне, Котовка-2 — утворене мисливською діяльністю лисиці, Котовка-3 — кротовинне. Генезис місцевонаходження Шолохово викликає питання (місцевонаходження було опрацьоване І. Г. Підоплічком і автор ознайомився з цими зборами завдяки люб'язності співробітників відділу палеонтології ННПМ НАНУ), але найбільш несперечливе припущення — кротовинний, а частково і пелетний матеріал, перевідкладений флювіальними процесами. Топографічно всі названі місцевонаходження пов'язані з річковими долинами.

Датування голоценових мікротеріофаун, не пов'язаних із стоянками, проблематичне. Голоцен — між-

льодовиків'я, внаслідок чого позбавлений того зручного природного розчленування, яке характерне для континентальних відкладів плейстоцену: накопичення лесів припинилося, і ґрунти, хоча і трансформуються, не захоронюються. Голоценові тафоценози алювіального генезису також приурочені до єдиного геологічного тіла — заплави.

До певної міри критерієм віку голоценових мікротеріофаун можна вважати частку сухо плейстоценових видів у складі фауни. Крім того, з метою оцінки віку були вивчені морфологічні показники зубної системи полівкових, які зазвичай використовуються для визначення віку плейстоценових фаун; а також мінливість у відповідності до екогеографічних правил, оскільки на такому короткому відрізку часу як голоцен, вплив середовища буде переважувати еволюційні тренди. В результаті отримано таку стратиграфічну позицію вивчених місцевонаходжень:

Котовка 1 — молодший дріас-пребореал; 0 : 33,3 (16,7)

Савинці — пребореал, 0 % : 43,7 % (19 %)

Шолохове — атлантик, 0 % : 60 % (6,5 %)

Котовка 2 — атлантик (кліматичний оптимум), 0 % : 98 % (1,3 %)

Котовка 3 — суббореал. 16 % : 8 % (0 %)

Разом з кліматичною стадією, для кожного місцевонаходження прописане відношення долі решток лісової видів до видів відкритих біотопів (в тому числі, в дужках — тундростепових видів). Ці дані, разом з деталями геологічної будови розрізів, дозволяють зробити таке припущення:

Частка лісової видів мікротеріофауни в тафоценозах, топографічно пов'язаних з долинами, контролюється активністю гідромережі, яка діє антагоністично по відношенню до кліматичної ситуації; а саме: коли зволоження клімату максимально сприяє поширенню лісового покриву, в дрібних долинах активізується водотік, який формує заплавний, тобто, відкритий ландшафт. Оскільки цей же фактор впливав на використання малих долин людиною, теперішнє обговорення даної гіпотези уявляється найбільш коротким шляхом до її перевірки.

A. С. Пробейголова (Луганск)

ПОГРЕБЕНІЯ ФІНАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Специфика изучения памятников финала бронзового века среднего течения р. Северский Донец заключается в непропорциональном накоплении различных видов источников. На практике это проявляется в существенном количественном перевесе поселений над погребениями. В последние годы в результате полевых исследований и архивных данных удалось выделить лишь 14 погребений постсрубного периода на фоне более чем 70 поселений. Полученную выборку погребений можно разделить на три группы.

К первой группе отнесены 6 погребений: Подгоровка п. 1, Желтое п. 1, Грушевая балка к. 24 п. 1, к. 13 п. 1, Дибровка к. 5 п. 1, Смелое к. 2 п. 1. Погребения совершены в скорченной позе на правом или левом боку, головой обращены к югу. Погребение в Подгоровке обнаружено на поселении энеолита-бронзового века в верхнем, бондарихинском слое. Погребение в Желтом находилось в отдельном грунтовом могильнике. Могильник расположен на краю высокой террасы правого коренного берега Северского Донца, отделен оврагом от поселения финала эпохи бронзы. Остальные захоронения происходят из курганов. В двух случаях зафиксировано использование плит для сооружения каменных ящиков (Грушевая балка к. 13 п. 1, Дибровка к. 5 п. 1). Погребение в Дибровке совершено по обряду кремации, тем не менее, общая ориентировка каменного ящика по линии север-юг позволяет предположить южную ориентацию умершего. Инвентарь представлен сосудами с острым краем венчика (Грушевая балка к. 13 п. 1) либо воротничковообразным утолщением по краю (Дибровка к. 5 п. 1). В погребении из Смелого находился абразив неправильной прямоугольной формы.

К этой же группе отнесено п. 1 к. 2 из Вишневого Дола, совершенное в скорченной позе на правом боку, головой к северо-западу. В погребении находился тюльпановидный сосуд бондарихинского типа, железный однолезвийный нож, обломок железного кольца.

Ко второй группе отнесено 4 погребения: Трехизбенка к. 2 п. 2, Рай-Стародубовка п. 1, Октябрьский-1 к. 1 п. 1, Кременная к. 1 п. 1. Погребения совершены в скор-

ченной позе на правом или левом боку головой к восстоку. Обряд кремации зафиксирован в п. 2 к. 2 у с. Трехизбенка. По данным авторов отчета, сожжение было произведено в яме, ориентированной по линии юго-запад — северо-восток. Для погребения из Кременной возможно реконструировать вытянутое положение на спине. Сосуды встречены лишь в п. 2 к. 2 возле с. Трехизбенка. Первый сосуд кубковидной формы, на шейке расположены наколы в сочетании с ломанными линиями. Второй сосуд не орнаментирован, с выделенной шейкой, обработанной вертикальными расчесами. В двух погребениях (Рай-Стародубовка, Октябрьское-1) обнаружены костяные, трапециевидные в сечении пряслица. В погребении из Октябрьского-1 найдены бронзовое шило и перстневидная подвеска с овальным щитком. Бронзовый черешковый нож белозерского типа с параллельными лезвиями находился в п. 1 к. 1 возле г. Кременная. Еще один подобный нож происходит из разрушенного погребения в кургане у с. Трехизбенка. Каменный инвентарь представлен оселками с желобком либо отверстием для подвешивания из разрушенных погребений возле г. Зимогорье и с. Орехово.

К третьей группе отнесены три погребения: Клешня Первая-1, Давыдо-Никольское п. 1 и п. 2. Все погребения третьей группы обнаружены на поселениях, представлены трупосожжениями (Клешня, Давыдо-Никольское п. 2) либо погребением отдельных частей тела (Давыдо-Никольское п. 1).

Таким образом, погребальный обряд населения бассейна Северского Донца в постсрубный период бронзового века претерпевает ряд существенных изменений. Появляется южная ориентировка умерших, практически исчезает практика использования посуды. В качестве погребального приданого используются костяные пряслица, оселки с отверстиями или желобками для подвешивания, бронзовые ножи с параллельными лезвиями, однолезвийные железные ножи. От предшествующей срубной культуры сохраняются восточная ориентировка при скорченной позе умерших, строительство каменных ящиков, традиция курганного обряда погребения.

I. A. Сніжко (Харків)

ДЕСЯТЬ РОКІВ ДОСЛІДЖЕННЯ СТОЯНКИ БІЛЯ С. КАМ'ЯНКА

Відкриттяожної нової пам'ятки давнього кам'яного віку на Харківщині завжди є подією не тільки місцевого значення, оскільки територія області досі лишається майже суцільною білою плямою на карті пізньопалеолітичних пам'яток. Відомий краєзнавець М. В. Сібільов під час своїх розвідок у 1940 р. передбачав можливість знаходження стоянки давнього кам'яного віку на місі при впадінні в р. Сіверський Донець невеличкої правої притоки р. Суха Кам'янка, але не встиг оглянути це місце. У 2004 р. експедицією ХІМ тут було відкрито стоянку, стаціонарні дослідження якої були розпочаті у 2005 р., на

завершення сезону 2013 р. загальна площа розкопу становить 142 кв. м.

Культурний шар розтягнутий по вертикалі, визначається рівнем розповсюдження знахідок, не має специфічного забарвлення, представлений розщепленим кременем, фрагментами кісток тварин, дрібними шматочками вохри. Найбільша концентрація знахідок спостерігається частково в темно-коричневому, світло-коричневому та жовтувато-палевому суглинку. Відзначено деяке падіння залягання культурного шару з півдня на північ і з заходу на схід, що відповідає зниженню рельєфу

в бік річок Сіверський Донець та Суха Кам'янка. Культурний шар пошкоджений внаслідок дії наступних постгенетичних факторів: відсутність консервації артефактів після завершення функціонування пам'ятки; переміщення артефактів вгору внаслідок процесів замерзання та відтаювання; вплив делявіальних процесів; діяльність риючих тварин.

На дослідженні площі знахідки розподілялись нерівномірно, утворюючи ділянки більшої чи меншої концентрації. Така планіграфічна структура є типовою для стоянок-майстерень із одноактним формуванням культурного шару, розташованих поблизу джерел сировини. Простежені скupчення, ймовірно, відповідають робочим місцям з обробки кременю. На користь цього свідчать випадки ремонту артефактів.

У якості сировини використовувався напівпрозорий крейдяний високоякісний кремінь місцевого походження. Крем'яні знахідки мають добрий стан збереженості, не обкатані, поверхня вкрита шаром патини. Колекція, яка на сьогоднішній день нараховує 7538 предметів, включає нуклеуси, характерною особливістю яких є наявність виступаючої реберчастої тильної частини, нуклевидні вироби (пренуклеуси, нуклевидні уламки, відбійники), технічні сколи, заготовки (пластинки, відщепи, мікропластинки). Вироби із вторинною обробкою (різці, скребки та скребловидні знаряддя, проколки, віймчасті та стамескоподібні знаряддя, мікропластинки з притупленим краєм) утворюють нечисленну групу знарядь, що характерно

для відносно недовгочасних пам'яток, розташованих поблизу виходів сировини. В цілому набір знарядь характерний для пам'яток східного епігравету.

У стратиграфічних дослідженнях було використано метод мікростратиграфії, що дозволило пов'язати найбільш насичену знахідками частину культурного шару з жовтувато-палевим лесовидним суглинком верхньо-причорноморського літологічного підгоризонту та встановити безперервність і одноактність його формування. Завдяки палінологічним дослідженням було реконструйовано природне середовище, що оточувало давніх людей у період формування відкладів культурного шару. Рослинний покрив був однотипним, бідним за складом та розрідженим. Про холодний клімат свідчить наявність серед деревних порід лише бореальних та аркто- boreальних елементів. У долині була присутня деревинна рослинність, а степові ценози були ксеромезофітними різnotравно-злаковими та злаковими. Таким чином, існування пам'ятки припадає на причорноморський етап пізнього плейстоцену і знаходиться в межах переходу від ранньопричорноморського стадіалу до початку пізньольодовиків'я.

У цілому характер знахідок та їх планіграфічне розташування типове для стоянок, що знаходяться біля виходів крем'яної сировини. Незважаючи на значні постгенетичні пошкодження культурного шару, він є достатньо інформативним для вирішення питань реконструкції способу життя пізньопалеолітичного населення даного регіону.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. И. Бабенко (Харьков)

О СОСТАВЕ ПЛАСТИНЧАТОЙ АППЛИКАЦИИ ИЗ КУРГАНА ВЕРХНИЙ РОГАЧИК

В 1914 г. Н. И. Веселовским был исследован 11-метровый курган Верхний Рогачик, расположенный в 8 верстах на юго-восток от одноименного села. Под курганной насыпью было обнаружено две могилы — центральная и боковая, подвергшиеся неоднократному сокрушительному ограблению. Среди сохранившегося погребального инвентаря наиболее представительной оказалась коллекция золотых нашивных бляшек. Материалы раскопок были частично опубликованы в ОАКе за 1913–1915 гг., где одна из фотографий содержала изображения аппликаций 14 штампов.

Столь представительный набор золотых бляшек сразу вызвал интерес исследователей. Первым материалы этого комплекса использовал в своей фундаментальной работе «Скифия и Боспор» М. И. Ростовцев, уделив особое внимание группе аппликаций «монетного типа», а также серии бляшек с сюжетами культового характера.

Окончательный «паспорт» верхнерогачикские бляшки получили в своде Н. А. Онайко, но в представленном перечне аппликаций было допущено сразу несколько ошибок — «утеряны» бляшки с изображением грифона влево и грифона, терзающего лошадь, и отмечены несуществующие — с изображением юноши в коленопреклоненном беге и Медузы с короткой прической.

В дальнейшем верхнерогачикские бляшки специально изучали А. М. Лесков, а также Ю. В. Болтрик и Е. Е. Фиалко, которые систематизировали пластинчатую аппликацию, распределив ее по четырем изобразительным группам — с антропоморфными, зооморфными, растительными и геометрическими сюжетами. В качестве источника все исследователи, начиная с М. И. Ростовцева, использовали опубликованную в ОАКе фотографию. Однако в тексте, сопровождавшем эту фотографию, упомянуты далеко не все бляшки, а именно — треугольные с псевдозернью; с изображением грифона влево; сидящей богине и предстоящего скифа с ритоном; с грифонами, терзающими лошадь; розетки; круглые с вытесненной головой; круглые с оттиском мужской головы. Остальные бляшки (всего 8 штампов с антропоморфными и зооморфными сюжетами) не были отмечены, хотя при этом упомянуты

находки трубочек, бус, пуговок и даже «обломков золотых неопределенных предметов», то есть, весьма посредственный с точки зрения информативности и зрелищности материал.

Показательно, что все без исключения «забытые» штампы бляшек были обнаружены Н. И. Веселовским пятью годами ранее — при доисследовании Чмыревой Могилы в 1909 г. Подобное совпадение едва ли является случайным и объясняется тем, что использованная для публикации в ОАКе фотография содержит изображения золотых аппликаций из двух комплексов — Чмыревой Могилы и Верхнего Рогачика. При этом бляшка в виде головы Афины в львиноголовом шлеме на этом снимке имеет такое же повреждение (трещина на макушке, расходящаяся книзу двумя лучами), что и аналогичная бляшка из Чмыревой Могилы, опубликованная ранее.

«Сокращенный» вариант комплекса верхнерогачикских бляшек подтверждают также данные рукописного архива ИИМКа и состав верхнерогачикской коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже.

Таким образом, к верхнерогачикским бляшкам из опубликованных на фотографии в ОАКе следует относить — из центральной могилы: с изображением Великой богини на троне с зеркалом и юноши с ритоном, круглые с вытесненной головой, вероятнее всего, монетного типа, грифона влево в рамке из веревочного орнамента и орлиноголового грифона вправо, терзающего лань, 8-лепестковые розетки; из боковой могилы: монетного типа с изображением мужской головы вправо и треугольные с псевдозернью. Подобный состав бляшек более соответствует и хронологической позиции Верхнего Рогачика, являющегося более поздним комплексом по сравнению с Чмыревой Могилой, к которой относится большая часть аппликаций из указанной фотографии, а именно: весь верхний ряд — Медуза Горгона, «головка негра» и Афина в шлеме; из второго ряда сверху — богиня с собакой и птицей; из третьего — Геракл, борющийся со львом; из четвертого — геральдические грифоны и борющиеся скифы; из нижнего ряда — с терзанием копытного животного хищником.

Д. С. Гречко (Киев)

ОСОБЫЕ ВИДЫ ПОГРЕБЕНИЙ VII В. ДО Н. Э. У с. МЕДВИН В ПОРОСЬЕ

В последнее время увеличился интерес ученых к так называемым «экстраординарным» или «особым» видам погребений, которые отличаются от характерного для каждой конкретной культуры способа погребения¹. К подобным видам захоронений зачастую относят погребения, в которых целостность костяка специально нарушена до его погребения (вторичные, расчлененные и парциальные захоронения).

Важные данные нам предоставляют лишь материалы исследования курганных групп у с. Медвин в Поросье, который является примером курганов оседлого аборигенного населения начала раннего железного века.

По способу обращения с телом все погребения относятся к ингумации. Кости были положены в могилы либо после демембрации, либо являлись вторичными захоронениями. Комплексы можно разделить по характеру формирования комплекса.

Тип. 1. Одноактные захоронения. Характеризуются непретворенностью перекрытия и\или отсутствием затека.

Вариант А. Курган 23. Полностью сохранилось перекрытие. Погребение представлено тремя расчлененными костяками выложенными в анатомическом порядке. Кроме того, под костяками найдено 2 отдельных черепа (кефалотафия).

Вариант Б. Вторичное захоронение костей в «пакете». Кости все неполные.

Вариант В. Вторичные коллективные захоронения, в которых кости дополнительно сожжены в могилах (15/1, 19/1).

Тип. 2. Двухактные захоронения. Проникновение фиксируется локальным нарушением целостности перекрытия и затечным грунтом в пределах хода.

Вариант А. Вторичные захоронения с ритуальным проникновением и перемещением части костища, без дозахоронения.

Вариант Б. Вторичные захоронения с дозахоронением (22/1, 2/3). Осмотр костей из второго кургана третьей группы П. Е. Викторовой² показал, что часть длинных костей из пакета в северо-западной части могилы могли пребывать на открытом воздухе и под действием солнца побелели. Часть костей из дозахоронения (?) имели следы отделения мягких тканей и сухожилий с помощью режущих орудий. При дозахоронении расчлененного костяка, по всей видимости, вскрывалась вся центральная часть камеры. Кости предков комплектовались в «пакет» или костища, возле или вместе с ними располагались части расчлененного тела.

В целом стоит говорить о том, что особые виды погребений у населения Лесостепи раннескифского времени по праву называются таковыми и не получили сколько-нибудь широкого распространения. Могильник у с. Медвин является исключением. Одной из причин существования специфического погребального обряда Медвинского могильника можно предположительно считать, вслед за Д. П. Куштаном, перенос части костей предков при переселении рода. Данное предположение подтверждается датировкой материалов из данного некрополя, которые являются древнейшими комплексами чернолесско-жаботинского происхождения в данной местности. Искать истоки аналогичных обрядов земледельческого населения восточноевропейской Лесостепи скифского времени стоит в традициях населения эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья.

А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал (Каменец-Подольск), О. Д. Могилов (Киев)

КУРГАН РАННЬОСКІФСЬКОГО ЧАСУ В ПОЗБРУЧЧІ

Середнє Подністров'я у скіфську добу було північно-західною перефірією скіфської культури Північного Причорномор'я. Пам'ятки цього регіону, що виділяються дослідниками в окрему Західноподільську групу, маючи цілий ряд спільних для півдня Східної Європи скіфоїдних рис, відрізняються й низкою локальних особливостей. Властиві вони зокрема й місцевим поховальним пам'яткам. Кургани тут почали розкопуватись ще в останній чверті XIX — на початку ХХ ст., коли свої роботи починають Х. Козебродський, А. Кіркор, В. Пржибиславський, Г. Оссовський, Ф. Пуласький. У міжвоєнний період активні дослідження проводить Т. Сулімірський, а в по-воєнну добу — А. І. Мелюкова, Г. І. Смирнова, Б. О. Тимощук, Л. І. Крушельницька, Ю. М. Малеєв.

В останні дисятиліття значні розкопки проведені експедицією Кам'янець-Подільського університету на курганах

біля сіл Тарасівка, Шутнівці, Чабанівка, Теклівка, Колодіївка. В 2007 р. роботи було розпочато на могильнику поблизу сіл Спасівка й Іванківці Городоцького району Хмельницької області, що локалізується на лівобережжі р. Збруч — лівого притоку Дністра. Першим досліджувався насип 1, що входив до курганної групи, розташованої південно-східніше с. Спасівка на вершині вододільного пасма.

Висота насипу — 0,5 м, діаметр — до 15 м. На глибині 20–30 см, під верхнім шаром з чорнозему та дрібного каміння, показався кам'яний панцир. Він мав округлу форму діаметром 10–10,5 м. Периметр займало коло з великого каменя, для якого було викопано округлий рів шириною 1,05–2 м, та глибиною до 0,25 м, що мав розриви з півдня й північного сходу. У центрі — каміння дещо менше. Тут прослідковувались потужні перепалені шари ґрунту червонуватого кольору.

¹ Классическим видом захоронения скіфского времени Лесостепи юга Восточной Европы является ингумация без дополнительных манипуляций с телом умершего.

² Детальный анализ сохранившегося антропологического материала будет произведен Л. В. Литвиновой.

Під каменем виявлено сліди спаленого захоронення. Вірогідно, тут могла бути зрубна дерев'яна гробниця, адже слідів стовпів не простежено. Про її розміри говорити важко. У центральній частині розчищена кам'яна вимостка зі складених в декілька шарів плит, верхні з яких сильно пропалено. Вона має квадратну форму розмірами 2,4 на 2,5 м, та орієнтована боками за сторонами світу.

Поховання неодноразово грабувалось. У центральній частині, в заповнені камери та серед каміння крепіді, траплялись фрагменти кераміки, до півтисячі залізних перепалених панцирних пластин чи їх фрагментів, оплавлені бронзові наконечники стріл, кістяні вістря стріл. На захід від кам'яної вимостки в ряд стояли три великі миски з відгнутими вінцями, а північніше від них — миска з вівігнутими краями. Біля північно-східного кута плит виявлено трупоспалення в урні, якою був банковидний горщик з валиком під вінцями. Разом із кістками в ньому виявлено до півсотні пастових намистин. Поруч була бронзова шпилька, дві гальки та корчага з валиком по тулубу.

Бронзові наконечники стріл відносяться до дволопатевих і трилопатевих типів з листоводною голівкою, та знаходять чисельні аналогії в старожитностях келермесь-

кого часу півдня Східної Європи. Кістяні вістря — круглі в перетині. До захистного обрамлення відносяться й панцирні пластини з отворами для нашивання. Прикраси представлені бронзовими шпилькою та 2 сережками з грибоподібними голівками, а також низкою скляних намистин і підвіскою з раковини каурі, що часто трапляються в ранньоскіфських комплексах Середнього Подністров'я. Керамічний комплекс — типовий для курганів Західноподільської групи й Українського Лісостепу, втім має свої особливості. Банкоподібні горщики з валиком під вінцями, миски з відгнутими чи ввігнутими вінцями, черпак достатньо типові. А ось миска з петлею під вінцями, корчага, в якої тулуб прикрашено гладким валиком, черпак, оформленій як діжкоподібний горщик з валиком під вінцями, до якого прироблено ручку, являють собою достатньо рідкі та специфічні форми.

Різні риси похованального обряду кургану 1 біля Спасівки знаходять аналогії серед інших поховань Західноподільської групи. Набір інвентаря дозволяє датувати це захоронення келермеським часом: серединою VII — першою половиною VI ст. до н. е.

А. Г. Дьяченко (Белгород)

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ ВОРСКЛЫ

В 1989–2005 гг. проводилось обследованиеукрепленных поселений в лесостепной части территории Белгородской области с целью постановки их на государственный учет и охрану. Ниже приводим краткие сведения, полученные в указанный период икасающиеся двух новых городищ раннего железного века в бассейне Ворсклы.

1. Пороз, городище-1. Выявлено Н. В. Зимовцом в конце 50-х г. XX в. Расположенок юго-западу от с. Пороз Грайворонского р-на на водоразделе р. Пожня и Ворсклица (Ворскла) на мысе, образованном обводненными логами. Высота над водой 8–15 м. Форма подпрямоугольная. Размеры городища 540 × 340 м, площадь ≈ 18 га. Понижение площадки к стрелке 6–7 м. С напольной (ЮВ) стороны площадка огорожена сильно распаханным валом высотой около 1 м. Глубина рва 1,5–2 м. Ближек северо-восточному углу городища вал и ров имеют воротный проем шириной 12 м. Вдоль южного и северного краев площадки заметен валик (до 0,5 м, ширина в подошве до 2 м), к которому приымкает полоса желтой глины. По словам местных жителей, мысовые валы сохранились еще в середине 50-х гг. ХХ в., однако их распахали. Возвышаясь примерно на 1,5 м, эти валы значительно уступали по высоте напольному валу, который достигал 3 м.

Западный и северный склоны мыса непосредственно перед площадкой эскарпированы. Северный эскарп дополнительно усилен рвом. С восточной стороны верхняя часть склона также несет следы эскарпа и рва. Таким образом, можно полагать, что городище Пороз имело оборонительные сооружения вокруг всей обитаемой территории. Поселение следует относить ко II типу мысовых городищ лесостепной культуры скифского времени, главные дворы которых защищались оборонительными сооружениями по всему периметру, неза-

висимо от наличия или отсутствия предградий (по А. А. Моруженко).

На поверхности площадки заметны следы жилищ или зольников. Культурный слой (до 0,6–0,8 м) нарушен распашкой. Из особых находок отметим фр. стенки сосуда с инкрустацией белой пастой жаботинского типа, крюкастый серп, гвоздевидную булавку, браслеты, перстни, наконечники стрел, обломок глиняной антропоморфной статуэтки, фр. амфор. В черняховском комплексе, кроме керамики, выступают ранняя двучленная фибула 1-го варианта второй половины II–III вв. (по А. К. Амброзу), фр. импортного зеркала, трехлопастный с бронебойной головкой наконечник стрелы гуннского типа. К раннему средневековью относятся биконические пряслица и фр. пальчатой фибулы V в.

Перед въездом на городище встречаются мелкие фрагменты лепной керамики.

2. Смородино, городище-1. Выявлено В. В. Ерошенко в конце 90-х гг. ХХ в. Расположено к ЮЮВ от юго-восточной окраины с. Смородино Грайворонского р-на на мысе ручья, впадающего справа в р. Дорогощь (Ворсклица). Высота городища над поймой протока около 20 м. Размеры 70 × 80 м, площадь ≈ 0,56 га. Напольная сторона — восточная.

Искусственные оборонительные сооружения протяженностью около 30 м сохранились только вдоль юго-восточного края площадки. Высота вала до 0,5 м, ширина в подошве 2,5 м. Глубина рва около 0,7 м, ширина по верхнему краю 2,7 м. Въезд в виде перемычки во рву и разрыва в насыпи (4 м) виден в юго-восточном конце оборонительной линии. Остальной периметр защищен естественными склонами, которые непосредственно перед площадкой эскарпированы. Памятник покрыт лиственным лесом. Подъемный материал не обнаружен. Наличие культурного слоя не установлено.

Поселение следует относить к I типу мысовых городищ лесостепной культуры скифского времени, которые защищались оборонительными сооружениями только с напольной стороны и, как правило, не имели предградий (по А. А. Моруженко).

Публикуемые материалы дополняют археологическую карту Днепровского лесостепного Левобережья и представляют определенный интерес для освещения этнокультурных процессов на данной территории в эпоху железа.

С. А. Задников (Харьков)

СЕВЕРНЫЙ УЧАСТОК ВОСТОЧНОГО БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первая краткая информация о Восточном укреплении содержится в работе А.Ф. Шафонского (1784 г.), но до середины XX в. оно лишь описывалось или осматривалось различными исследователями: Филаретом (Гумилевским) (1857), Д. Я. Самоквасовым (1873), В. Г. Ляскоронским, Л. В. Падалкой (1905), В. А. Городцовым (1906), А. А. Потаповым, Н. К. Фуксом (1927). В 1958 г. в разных частях укрепления Б. Н. Граковым и Н. Г. Елагиной были заложены четыре шурфа. Первые раскопки здесь были проведены Б. А. Шрамко в 1959 и 1960 гг. Планомерно, большими площадями городище исследовалось Б. А. Шрамко с 1965 по 1995 г. Благодаря этим многолетним работам получена довольно полная информация о материальной культуре поселения. Открытые археологические объекты позволили достаточно полно охарактеризовать различные стороны жизни местных племен в VI—IV вв. до н. э.

В 2013 г. нами было решено возобновить изучение Восточного Бельска, так как в последнее время, в связи с уточненными датами и выделением хронологических горизонтов на городище (Шрамко И., Задников С.) накопилось много вопросов, связанных с ранним периодом развития данного укрепления. Раскоп 35 был заложен в северной части Восточного городища (рук. И. Б. Шрамко). На площади 290,87 кв. м было открыто 23 хозяйственных комплексов, несколько скоплений кусков глиняной обмазки, керамики и одно жертвоприношение собаки, которое находилось на дне хозяйственной ямы.

Установлено, что при насыпке вала, с его внутренней стороны культурный слой был срезан, в связи с чем, археологические объекты фиксировались сразу под пахотой на уровне метрика. К центру укрепления мощность культурного слоя увеличивалась.

Открытые комплексы предположительно являются частями трех усадеб. В одной из них (IV в. до н. э.) обнаружена яма, полностью заполненная кусками глиняной

обмазки (более 10 тысяч кусков) с отпечатками плетня от сгоревшего жилища. В этом выбросе встречены фрагменты амфоры с грибовидным венчиком IV в. до н. э. В заполнении других ям оказались выплески бронзы, указывающие на возможную близость бронзолитейной мастерской.

Другая усадьба, вероятно, начала формироваться еще в VI в. до н. э. В заполнении одной из ее ям найдены обломки ионийского лекифа второй половины VI — первой половины V в. до н. э.

В раскопе обнаружена яма, на дне которой лежал развал биконического сосуда пеньковской культуры. Нахodka позволила точнее очертить границы поселения этого периода, ранее обозначенные Б. А. Шрамко (1980).

В целом, при раскопках были найдены предметы материальной культуры VI—IV вв. до н. э., зафиксированы следы местного металлургического производства, собран выразительный остеологический материал. В культурном слое и в заполнении хозяйственных ям найдены бронзовые наконечники стрел, бронзовый колокольчик, железная игла для плетения, подвеска в виде топора, железная ворврока, бронзовая серьга, глиняные статуэтки, железный серп, миниатюрный горшочек. Античная керамика представлена импортом из Клазомен, Хиоса, Абдер, Фасоса, Книда (т. н. протофасосские амфоры), обломками чернолаковых столовых сосудов и фрагментом венчика гераклейского лутерия.

Таким образом, в ходе исследований 2013 г. было выяснено, что только одна из трех открытых усадеб возникла во второй половине VI в. до н. э. и развивалась несколько столетий. Остальные две появились в конце V в. до н. э., однако все усадьбы были оставлены в IV в. до н. э. В одной из них, вероятно, была бронзолитейная мастерская. Дальнейшие работы позволят уточнить границы усадеб, охарактеризовать характер жизни на данном участке поселения.

Д. В. Каравайко (Киев)

О ТЕРМИНЕ «МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ»: ПОСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕЙМЕ

Зачастую, случалось и случается так, что археолог, занимающийся определенной культурой и периодом, исследует памятник иного времени. При должном уровне профессионализма такая ситуация приемлема и допустима. В научный оборот полученные материалы вводятся при консультации коллег-специалистов в соответствующей области или непосредственно с ними в соавторстве.

Несколько иная ситуация возникает при раскопках многослойных памятников. Как правило, приоритетным для исследователя становится основной слой поселения,

насыщенный материалом, с множеством однослоистых объектов. На изучение именно этого слоя (периода) и сконцентрировано внимание ученого. Находки иных периодов остаются, порою, вне поля зрения, а краткая информация о них, в лучшем случае, размещена на страницах отчетов. При отсутствии слоя (не сохранился, не фиксируется) и не большом количестве керамики нередко используют термин «местонахождение». По нашему мнению, этот термин крайне неудачный не только не отражает реальной ситуации, но и искажает ее. Нахodka

керамики, в большинстве случаев, не является случайным фактом, а может лишь свидетельствовать о наличии в данном месте поселения, кратковременного стойбища, недолговременной стоянки. В любом случае, речь должна идти об археологическом памятнике определенной эпохи. Термин «местонахождение керамики» скорее лишает данное место статуса «памятник археологии» и вряд ли может быть применен к находкам керамики.

Выше сказанное в полной мере касается памятников раннего железного века среднего течения р. Сейм (Сумская обл.). В сравнении с Курским течением реки, исследованы они крайне слабо. Более того, целенаправленные работы по изучению эпохи раннего железа проводились лишь на одном городище Ширяево (раскопки В. А. Ильинской). Основные же работы в данном регионе велись специалистами по славяно-русской археологии — Д. Т. Березовец, О. В. Сухобоков, С. П. Юренко и другими. Естественно, что материалы I тыс. до н. э. оставались без должного внимания.

Достаточно масштабные раскопки были произведены на территории древнерусского Путивля, на городище в урочище «Городок». Слой раннего железного века не сохранился, а упоминание о находках этого периода содержится лишь в двух предложениях отчета О. В. Сухобокова. Вполне очевидно, что это городище не только памятник эпохи Руси, но и раннего железного века. Остается открытым вопрос, было ли это поселение в I тыс. до н. э. укрепленным. Разрез вала свидетельствует о том, что фортификация возникает в средневековье. С другой стороны, топография остальных городищ макрорегиона скифского времени абсолютно соответствует топографии «Городка». Также, необходимо учитывать и значительный строительный горизонт эпохи Руси и более позднего периода. Всегда ли можно четко установить время постройки укреплений?

М. Т. Кашиба, О. Г. Левицкий (Санкт-Петербург, Кишинэу)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ГАЛЬШТАТСКИХ (КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ) КУЛЬТУР ВОСТОЧНОГО ПРИКАРПАТЬЯ: ЗАДАЧИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ, КЛАССИФИКАЦИИ, ИЗУЧЕНИЯ

В finale поздней бронзы и начале раннего железного века Восточное Прикарпатье было заселено носителями гальштатских культур, переселившимися сюда из Карпатского бассейна и Подунавья. В этот длительный период с XIII/XII по VII/VI вв. до н. э. здесь протекали культурогенетические и культурно-исторические процессы, описываемые как «гальштатизация». Переселяясь на новые территории своего обитания, мигранты приносили свои культурные традиции, ритуалы и обряды. Однако возникшее культурное взаимодействие между новыми поселенцами и местным восточноевропейским (в том числе северо-причерноморским) населением не могло не оказывать влияние на духовную и материальную культуру обеих контактирующих сторон. Насколько глубока была степень взаимодействия, отразились ли контакты между поликультурным (и, по всей видимости, полигэтническим) населением в духовной культуре? Это можно проследить на примере погребальных обрядов и похоронных ритуалов гальштатских (карпато-дунайских) культур, в том числе в проявлениях общественно конструируемого характера пола (гендер).

В окресте древнерусского Путивля обследовано значительное количество селищ и городищ этого времени. На большинстве из них, при отсутствии культурного слоя I тыс. до н. э., найдена керамика раннего железного века, (городище Коптева Гора, поселение Молокозавод и др.). Очевидно, что удобные природно-географические условия данного региона способствовали его активному заселению и в скифское время.

Не менее показателен пример известного поселения Волынцево — эпонимного памятника волынцевской археологической культуры. На протяжении трех лет раскопки на нем проводил Д. Т. Березовец. В начале 80-х гг. XX в. около 1300 кв. м. было исследовано экспедицией С. П. Юрченко. Результаты работ по исследованию славянской эпохи стали широко известными. А вот информация о том, что в раннем железном веке здесь существовало поселение, осталась в тени.

Выше были приведены наиболее яркие примеры тех поселений, которые никак не ассоциируются с памятниками раннего железного века. В археологической литературе они утверждались как городище Киевской Руси и поселение волынцевской культуры. Вместе с тем, есть все основания включать их в список археологических памятников скифской эпохи.

Подобных примеров можно привести достаточно много. Это и городища Игоревка, вблизи с. Волынцево в урочище «Курган», территория казачьего Батурина, где так же найдена керамика раннего железного века. При малочисленности материала и незначительных раскопках не всегда представляется возможность установить было ли поселение укрепленным в то время, как долго оно существовало. К сожалению, не всегда наличие находок скифского времени упоминается даже на уровне отчетов. Таким образом, количество памятников раннего железного века среднего течения р. Сейм значительно большее, нежели учтено на сегодняшний день.

Поставленная проблема подразумевает решение нескольких задач, среди которых основными являются: 1) обзор и систематизация известных, опубликованных погребальных памятников нескольких гальштатских (карпато-дунайских) культур XIII/XII—VII/VI вв. до н. э. Восточного Прикарпатья; 2) анализ захоронений, уточнение имеющейся и, в случае необходимости, новая классификация погребальных обрядов этих культур; 3) попытка выявления в погребальных обрядах гендерных маркеров; 4) оценка степени сохранения «культурного ядра» (наличие/отсутствие влияний) нового населения, прибывшего из Карпато-Подунавья и освоившего территории восточнее Карпатских гор.

Нами собраны и первично проанализированы данные, касающиеся погребений гальштатских (карпато-дунайских) культур XIII/XII—VII/VI вв. до н. э. Восточного Прикарпатья. Раннегальштатская культура Грэничешть (входит в блок культур с каннелированной керамикой Гава-Голиграды-Грэничешть): около 20 погребений; курганный обряд; кремация; инвентарь представлен керами-

кой, изредка украшениями или деталями одежды. Раннегальштаттская культура Кишинэу-Корлэтень (восточное проявление культуры с каннелированной керамикой Крученъ II—Белегиш II): около 35 погребений; грунтовые могильники (редко — курганы); кремация; преобладание в инвентаре керамики, изредка встречены украшения. Раннегальштаттская культурная группа Холеркань (блок культур с прочерченной и пролощенной керамикой Тэмэоань—Холеркань—Балта): 12 погребений; грунтовые могильники (в одном случае — курган?); ингумация и вторичные захоронения; инвентарь представлен керамикой, реже украшениями и деталями одежды. Раннегальштаттская культура Козия-Сахарна (входит в блок культур с резной и штампованный керамикой Инсула Банулуй—Пшеничево II—Бабадаг II или восточнобалканский круг памятников, по Б. Хэнзелю): 45 погребений, в том числе кенотафы; курганный (преобладает) и бескурганный обряд; ингумация и вторичные захоронения; тризы; в инвентаре преобладают керамика, украшения и детали одежды, известны орудия труда. Среднегальштаттская

культура Шолдэнешть (восточный вариант культурного комплекса Басарабь): более 50 погребений; грунтовые могильники; кремация; в инвентаре преобладают керамика и детали одежды, также найдены предметы вооружения. Позднегальштаттские культурные группы Тринка и Подоло-молдавская (синхронные западно-подольской группе раннескифской культуры): более 30 погребений, в том числе около 10 кенотафов; курганный обряд; тризы; кремация (преобладает) и ингумация; в инвентаре преобладают керамика и украшения, но также известны орудия труда и предметы вооружения.

Хотя вследствие разных причин степень изученности погребальных памятников гальштатских (карпато-дунайских) культур Восточного Прикарпатья неодинакова, и антропологические определения сделаны лишь частично (большей частью для позднегальштатских культурных групп), полученная выборка образует представительный фонд источников (более 190 погребений), позволяющий продвинуться в решении поставленных исследовательских задач.

А. А. Крюченко (Харьков)

О ГОРОДИЩАХ-УБЕЖИЩАХ В БАССЕЙНЕ Р. СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

В настоящее время в бассейне р. Северский Донец известно 19 городищ скифского времени. Семь из них исследователи выделяют в особую группу — городищ-убежищ (Водяное, Донецкое, Мохначанское, Тарановское, Хорошевское, Чернецкий Яр и Яковлевское городища).

Одним из первых об использовании укрепленных поселений в качестве «загонов для скота или оборонительных пунктов в период набегов или военной опасности» говорил П. Д. Либеров. Исследователь выделял группу городищ, в культурном слое которых отсутствовали либо присутствовали в незначительном количестве бытовые остатки. В своей монографии о северскодонецкой группе памятников Д. С. Гречко указал городища-убежища в качестве типа памятников, характерных для V—IV вв. до н. э.

На наш взгляд, неправомерно делать выводы о функциональном назначении городищ скифского времени, основываясь лишь на мощности и насыщенности культурного слоя при небольших исследованных площадях. Слой в разных частях поселений зачастую бывает различной мощности и насыщенности, а на некоторых участках может вообще отсутствовать. Это, возможно, связано с неравномерной обжитостью площади памятника в древности, коротким периодом его существования, слабой интенсивностью жизни, особенностями форм рельефа. Слабая насыщенность слоя, вероятно, является характерной чертой поселений позднескифского времени.

Исследования Тарановского, Яковлевского и городища Чернецкий Яр ограничились только шурfovкой. В результате шурfovки на Яковлевском городище Б. А. Шрамко была исследована площадь в 25 кв. м и отмечено наличие слабонасыщенного культурного слоя мощностью в 20 см. Тарановское городище было исследовано автором методом шурfovки в 2014 г. установлено наличие культурного слоя мощностью в 20–30 см и зафиксирована хозяйственная яма. На городище Чернецкий

Яр также шурфами исследовано 27,5 кв. м (П. Д. Либеров, А. В. Корочкина и В. Н. Окатенко). Показательно, что в шурфе, заложенном А. В. Корочкиной и В. Н. Окатенко, культурный слой был слабо насыщен либо вообще отсутствовал, а в шурфе П. Д. Либерова, заложенном в центре городища, насыщенность культурного слоя была значительно больше. Небольшая площадь была исследована Б. А. Шрамко на Хорошевском городище (83 кв. м).

Мохначанское (более 1600 кв. м), Водяное (2677 кв. м), и Донецкое (1100 кв. м) городища исследованы на более широкой площади. Эти памятники многослойные, и скифские слои на них подстилают средневековые. Однако данных раскопок, полученных на этих сравнительно больших площадях, бывает недостаточно для правильной оценки назначения укрепленного поселения. Так, по результатам исследования Мохначанского городища складывалось представление о том, что слой скифского времени был слабо выраженным, а на некоторых участках отсутствовал вовсе. Но в результате раскопок 2010 г. были обнаружены комплекс помещений с углубленной постройкой и хозяйственная яма, отнесенные по характерному заполнению В. В. Колодой к скифскому времени.

Появлению городищ-убежищ могли способствовать изменения в хозяйственной жизни местных племен и увеличение подвижности населения. Показательным примером в данном случае могут служить материалы раскопок открытого поселения позднескифского времени Новоселовка (раскопки С. А. Задникова, В. В. Кодолы, К. Ю. Пелященко, И. Б. Шрамко), где материалы в культурном слое встречались крайне редко и в основной своей массе концентрировались в комплексах (сезонных жилищах и хозяйственных ямах). Временное использование городищ и могло обусловить уменьшение насыщенности культурного слоя.

Упомянутые выше городища, как и другие, служили убежищами для жителей округи в случае опасности. Кроме того, можно говорить, что на их территории

и в мирный период проживала какая-то часть населения. Нельзя исключать и непродолжительность периода функционирования этих памятников на восточной окраине

северскодонецкой группы памятников. Эксплуатация данных поселений в качестве загонов для скота требует дополнительной аргументации.

O. В. Ліфантій (Київ)

ЗОЛОТІ ПЛАТИВКИ СКІФСЬКОГО ОДЯГУ З ЗОБРАЖЕННЯМИ ПТАХІВ

Образи птахів займають далеко не перше місце у загальному скіфському бестіарії. При їх розгляді, помічаємо, що найбільшого розповсюдження набувають зображення голів хижого птаха, як частини складної композиції. Часто експлуатуються збірні образи грифо-барану, рогатого птаха, а також добре відомого у греко-скіфській зображеній традиції грифона. Також постаті птахів зустрічаються у композиції з іншими тваринами. Маємо на увазі сцени шматування хижим птахом риби, копитних тварин та зайця.

Як відомо, образ птаха пов'язують перш за все з небесною сферою. Хижі птахи символізували бога сонця Сурью — його рух по небу порівнювався з польотом орла. Також одним з втілень богу грому та перемоги Веретрагни був хижий птах (орел, сокіл).

Водночас водоплавні птахи (качки) могли виступати як медіант між небесною та водою середою. Крім того, від видової належності птаха залежала і його роль у скіфській міфології. Наприклад, качку пов'язують з богинею — Великою покровительствою звірів, а також з легендарною змієдівою. Знаний дослідник скіфської релігії Д. С. Раєвський вбачав зв'язок водоплавного птаха з міфом про створення Всесвіту, у котрому земля була піднесена з глибин первісної води.

Орнітофауна, представлена на коштовних платівках скіфського одягу з території Степового Причорномор'я майже однакова з подібними зображеннями на інших предметах матеріальної культури. Не зустрінуло лише зображені птахів загону курок (Galliformes). Видове розмаїття птахів досить невелике, що також характерно для греко-скіфської торевтичної традиції.

Нами використано орнітологічний поділ, за яким укладено книгу Яна Ганзака. В результаті дослідження було з'ясовано, що на золотих платівках скіфського вбрання

представлені птахи загонів: хижі (Falconiformes), гомілкові (Ciconiiformes), страуси (Struthioniformes) та голубоподібні (Columbiformes).

Золоті аплікативні прикраси одягу походять з чотирнадцяти поховальних комплексів Степу. З Мельгуновського кургану, Солохи, курганів № 4 та 17 групи Німфейських, з центральної камери Огузу, з Бабиної Могили, Жовтокам'янки, Куль-Оби, кургану Орел, Малого Чортомлика, кургану № 20 біля с. Велика Білозерка, Товстої Могили та кургану № 4 в ур. Носаки.

Загальна кількість платівок з орнітоморфними образами з перелічених пам'яток становить 95 екземплярів. Тобто, порівняно з іншими тваринами, птахи не набули широкого поширення серед прикрас церемоніального вбрання. В той же час, за дослідженням А.Р. Канторовича, у оздобленні зброй вони посіли перше місце — понад 40 % з усього масиву декорованих предметів озброєння. Отже, не дивлячись на широке використання образу хижого птаха, у прикрасах одягу скіфи Степу віддавали перевагу іншим сюжетам. Очевидно, цьому є пояснення не тільки естетичного, а й культово-релігійного характеру.

На основі вивченого матеріалу можна зробити по-передній висновок про те, що найбільш популярними у прикрашенні чоловічого одягу у скіфському Степу були хижі птахи. Зображення страуса з Товстої Могили маємо лише у композиції з людиною, тому тут головну роль грав не символізм птаха, а, скоріше, сюжет, з яким він пов'язаний. Інші представники пернатих були не характерними для скіфської традиції. Зображення айстоподібного та двох качкоподібних птахів походять з імпортної пластини, що була очевидним військовим трофеєм, та не несла в собі семантичних вподобань скіфів. Що ж до зображення голуба, то воно значною мірою характерно для греко-скіфської торевтики, що не пов'язана з одягом.

C. В. Махортых (Киев)

К ВОПРОСУ ХРОНОЛОГИИ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение хронологии раннескифских древностей юга Восточной Европы относится к числу актуальных задач современного скифоведения. Вместе с тем, в этой области научного знания остается еще много нерешенных вопросов. Особенно это касается обоснования выделения, а также анализа конкретного содержания различных этапов раннескифской культуры.

В целом, точка зрения Инны Николевны Медведской о разделении раннескифской культуры на нескольких этапов представляется продуктивной, хотя разработанная автором периодизация, в том числе и предложенные для нее временные рамки, нуждается в корректировке. Далеко не полным является и приведенный перечень ведущих форм раннескифского инвентарного комплекса. Так, среди наконечников стрел диагностирующими выявились лишь немногочисленные ромбические стрелы

«жаботинского типа» (Медведская, 1992). В числе хроноиндикаторов не оказалось предметов, связанных с колчаном, наверший, а также ряда других, важных для рассмотрения раннескифской хронологии артефактов. Обращают на себя внимание и довольно общие формулировки, предложенные для некоторых категорий инвентаря, например, «мечи-акинаки», которые без уточнений и соответствующего анализа являются малопродуктивными для характеристики различных периодов раннескифской культуры.

К числу недочетов относится отсутствие обоснования принадлежности используемых в работе памятников к собственно скифской культуре. В результате, среди комплексов, характеризующих ее различные этапы, оказались памятники, не имеющие прямого отношения к скифской культуре, в том числе киммерийские захоро-

нения, поселения различных локальных культур Северного Кавказа и Среднего Поднепровья и пр. (Константиновка курган 375, Келермесский грунтовый могильник, Серженъ-Юрт, Тарасова Гора и др.). Построение периодизации скифской культуры на материалах инокультурных памятников, не имеющих к ней непосредственного отношения, является некорректным.

Подобные аморфность и недифференцированный подход к культурной принадлежности характеризуют и понимание жаботинского этапа, выделяемого некоторыми исследователями как на основании материалов эпонимного поселения, существовавшего на протяжении VIII—V вв. до н. э., так и одного или нескольких курганов VII в. до н. э., раскопанных у с. Жаботин. Однако, рас-

сматривать эти памятники в рамках одной культуры нет никаких оснований.

При создании периодизации раннескифской культуры чрезвычайно важным является учет региональной специфики памятников, которая зачастую обуславливается не столько хронологическими причинами, сколько территориально-производственной и культурно-исторической спецификой, в том числе, неоднородностью раннескифского кочевнического объединения на юге Восточной Европы.

Предлагаемый доклад посвящен рассмотрению одной из наиболее ранних хронологических групп скифских захоронений VII в. до н. э. Днепровской Правобережной лесостепи.

К. Ю. Пелященко (Харьков)

РИТУАЛЬНЫЙ СОСУД ИЗ ЦИРКУНОВСКОГО ГОРОДИЩА

В 2010 г. при раскопках городища скифского времени у с. Циркуны, расположенного на правом берегу р. Харьков, был найден лепной сосуд, который по форме, орнаментации и условиям обнаружения предполагает использование его в культовых практиках.

Ритуальный сосуд был зафиксирован на дне ямы 13 раскопа 10. Прежде всего, обращает внимание условия обнаружения находки: он был положен на бок и накрыт большим обломком лепного кухонного горшка, что указывает на факт преднамеренного оставления его в яме. Помимо этого, в яме были обнаружены неполные развалины двух кухонных горшков и одного кувшина, в верхнем заполнении найдены фрагменты неполного развода туловища гераклейской амфоры, которая определяет дату заполнения комплекса второй — третьей четвертью IV в. до н. э.

Сосуд имеет форму узкогорлого кувшинчика. Его основные параметры: высота 15,5 см, диаметр венчика 7,2 см, диаметр горла 5 см, диаметр туловища 10,5 см, диаметр дна 5,7 см, толщина стенок 0,8–1,2 см. В верхней части, чуть ниже шейки, расположены две ручки в виде овальных в сечении налепов, поврежденные в древности. Одна из них отбита полностью, другая наполовину.

Наибольший интерес представляет орнаментация сосуда. Она состоит из двух горизонтальных рядов ломанных прочерченных зигзагов, которые образуют чередующиеся вершинами вверх и вниз треугольники. В верхнем ряду 8 и в нижнем 14 треугольников, поля которых заполнены разным количеством округлых вдавлений, от трех до девяти. В верхнем фризе размещено 27 вдавлений и в нижнем — 70. На шейке расположен налепной валик, между рядами зигзагов также имеется валик с неглубокой каннелированной выемкой. Нижний ряд зигзагов ограничен двумя каннелюрами и небольшим валиком между ними. Нарушение орнаментального ритма, выраженное в разном количестве округлых вдавлений, заполняющих треугольные поля, позволяет предполагать не декоративную функцию орнамента, а трактовать его

как идеограмму, имеющую особое семантическое значение. Кроме того, наличие двух небольших ручек в верхней части придает сосуду антропоморфных черт.

Разные числовые значения на данном ритуальном сосуде, выраженные в орнаменте, свидетельствуют, как представляется, о существовании у племен скифского времени лесостепной части Северного Причерноморья определенной системы знаков, и, вероятнее всего, определенных культов связанных с ней. Более сложный вопрос о семантическом значении этих знаков. С одной стороны количество заполненных полей как в верхнем, так и во внутреннем поле (соответственно 8 и 14) не предполагает связывать орнамент с отображением какой-либо календарной системы (луна или солнечного календаря). С другой стороны, по мнению исследователей (В. И. Беседина, И. Е. Сафонова), в орнаменте может быть отражено обобщенное представление об отрезках времени, и в таком случае это скорее изображение года, чем календарь. На ритуальном сосуде из Циркуновского городища мы предполагаем некое представление года в виде отрезков времени внутри определенного цикла.

Нанесение идеограмм получило широкое распространение в эпоху бронзы, особенно на посуде срубной историко-культурной общности. В материальной культуре скифского времени сосуды с нелинейной орнаментацией и знаками не получили распространения. Известны лишь единичные находки на поселениях лесостепной части Северного Причерноморья, каждая из которых выделяется своей индивидуальностью как в способе передачи информации посредством орнаментальных композиций, так и в морфологии.

Учитывая редкость сосудов со знаками и идеограммами для памятников скифского времени, каждая новая находка представляет значительный интерес и заслуживает особого внимания при рассмотрении данной категории как источника изучения культовых практик, календарных и знаковых систем раннего железного века.

А. Г. Плещивенко (Запорожье)

ПАМЯТНИКО-ОХРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б. Н. ГРАКОВА НА КАМЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ

Археологические исследования Б. Н. Гракова в Украине начались в 1937 г. В связи с масштабными новостроеками работами, директор украинского Института архео-

логии Л. М. Славин приглашает на раскопки московских и ленинградских ученых — М. В. Воеводского, М. К. Карпера, Б. А. Рыбакова, П. И. Борисковского, Т. С. Пассек

и Б. Н. Гракова. В тот год Борис Николаевич провел исследования курганов под Никополем, на территории строящегося трубного завода и осуществил первые разведки на Каменском городище, а на следующий год приступил к его раскопкам.

Первые результаты исследований оформились в книгу «Скифи», написанную на украинском языке. «Большую часть творческой души Борис Николаевич Граков посвятил железному веку Украины... он находился в этой стране под обаянием ее народа и ее истории» — напишет в своих воспоминаниях внук Граковых Андрей Валентинович Свиридов.

Научная деятельность Б. Н. Гракова гармонично переплеталась с темой сохранения археологических памятников. Летом 1944 г. он получает особый мандат Всесоюзной чрезвычайной комиссии, дающей право установить утраты, которые потерпели археологические памятники в районе Каменки и Никополя. В состав этой экспедиции Борис Николаевич включил студентов 4 курса истфака МГУ: Н. А. Онайко, Н. Я. Мерперта, А. И. Мелюкову, И. В. Яценко. «Каменское городище потрясло нас протяженностью и высотой валов, а так же тем, что большую его часть занимали сыпучие пески (кучугуры) ... Особое внимание было уделено цитадели или т. н. акрополю» — напишут в своих воспоминаниях Анна Ивановна и Ирина Владимировна. Студентов поразило обилие подъемного материала: фрагментов амфор и лепной керамики, железных обломков. «Редкой и поэтому счастливой оказалась находка нескольких бронзовых наконечников стрел... Затем был поход к знаменитой Солохе». Борис Николаевич в письме Ольге Александровне сообщает: «Солоха оказалась изрыта блиндажами и дзотами немцев... в окрестностях валяется много машин, бочек от горючего и много другого... Среди знаменской улицы, где мы жили, до сих пор стоит совершенно целая пушка. По ней ходят куры и лазят ребятишки».

В декабре 1948 г. Б. Н. Граков получает тревожную информацию от сотрудника Запорожского краеведческого музея Виктора Федоровича Пешанова: «Недавно я был в Каменке. Печальный факт: каменский лесхоз в этом году осенью произвел черезолосную распашку территории Кучугур. Весной здесь предполагаются работы по дерево-насаждению. Защитой памятника на К. К. я выступил со статьями в областных газетах. Желательно было бы вмешательство в это дело ГИИМК».

Вслед за этим письмом в Институт истории материальной культуры приходит пакет из Каменки. В нем газета «Ударник» за 1 января 1949 г. со статьей И. П. Грязнова, в которой говорится о том, что на территории Каменского городища намерены посадить сосновый лес, а это сорвет раскопки, запланированные на 1949–1951 г. Борис Николаевич знал Иннокентия Петровича заочно со слов его брата — известного археолога Михаила Петровича Грязнова, с которым он подружился в довоенные годы. В лице Иннокентия Петровича Граков получил энергичного помощника, вдумчивого историка, пытливого краеведа, собирателя, защитника древностей и Каменского городища особенно. Б. Н. Граков немедленно обращается в Комитет полевых исследований с просьбой «рассмотреть вопрос о мерах по охране Каменского городища». Дальнейшее развитие событий 1949 г. отражено в материалах, хранящихся в архиве Института археологии РАН.

Из протокола № 1 от 10 января 1949 г. заседания Комитета Полевых исследований Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР узнаем о решении: «1/ поручить проф. Б. Н. Гракову и П. Д. Либерову в течение февраля — начала марта отправиться на место для уточнения вопроса совместно с областными и районными организациями о выделении на Каменских кучугурах площадей с хорошо сохранившимся культурным слоем как для намеченных на 1949–1951 гг. археологических исследований, так и в качестве контрольных площадей на будущее время; 2) обратиться через Президиум АН СССР к украинским органам ведающим охраной археологических памятников и насаждением лесов в степных районах Украины с ходатайством о предписании областным и районным организациям Запорожья и Каменки с предложением принять меры в направлении охраны Каменского городища в целом и особенно его валов и Каменских кучугур.»

В марте 1949 г. Б. Н. Граков и П. Д. Либеров обследовали памятник и подготовили объемное «Заключение о положении древнего скифского поселения, известного под названием «Каменские кучугуры» Каменско-Днепровского р-на Запорожской области в связи с засадкой его лесом». В заключительной части этого документа лесхозу было рекомендовано провести «следующие мероприятия: а) стремиться к скорейшему закреплению подвижных песков; б) не допускать пастьбы скота на песках; в) твердо установить дороги для передвижения через кучугуры и не допускать стихийного возникновения новых дорог и тропинок; г) не допускать земляных работ. Кроме того на случай возникновения надобности в новых археологических раскопках спустя много лет нужно установить контрольные площадки для этой цели».

28 марта 1949 г. лесхоз Каменско-Днепровского района направил Институту истории материальной культуры заверительное письмо: «в случае производства Институтом археологических раскопок на Каменских кучугурах необходимые для этих целей площади будут беспрепятственно предоставлены для производства раскопок, как свободные от насаждений, так и на участках засаженных шелюгом, в размерах указанных в переданном нам заключении профессора Б. Н. Гракова и научного сотрудника П. Д. Либерова. Вместе с тем лесхоз будет стремиться и к выполнению мер охраны, рекомендованных в том же заключении профессором Б. Н. Граковым».

1949 г. оказался очень плодотворным. Раскопками на Каменском городище открыто семь наземных жилищ; выявлены специальные сооружения для металлургических работ; получены данные о местном земледелии; вблизи вала, над Конкой обнаружен грунтовый могильник; на Водянских кучугурах зафиксирован 21 пункт с находками разного времени; осмотрены и описаны курганы по дороге от Васильевки до Запорожья. Кроме того проведены масштабные разведки в Приазовье. В последующие годы выявление и исследование памятников археологии в Приазовье было продолжено.

Своими обширными разведками Б. Н. Граков предопределил развернувшуюся в Украине компанию по исследованию археологических памятников, которым угрожало разрушение, в связи с запланированными «грандиозными работами по сооружению новостроек коммунизма — Южно-Украинского канала и Каховской

гидроэлектростанции». В Институте археологии АН УССР была создана постоянная археологическая экспедиция на Новостройках Украины «для обнаружения новых неизвестных науке памятников и раскопок известных». Возглавил ее М. Я. Рудинский.

Для Бориса Николаевича Гракова 1950 г. был последним полевым сезоном на Каменском городище. Газета «Ударник» № 47 от 10 июня помещает статью «руково-

дителя экспедиции профессора Московского университета, доктора исторических наук Б. Н. Гракова о целях и задачах раскопок на кучугурах», которая заканчивалась словами: «Важной задачей местных организаций и трудающихся является охрана этого городища и его мощных валов. Это — достояние нашего советского государства, это — молчаливый, но гордый памятник нашей старины».

Ю. Б. Полидович (Донецк)

НАХОДКИ СКИФСКИХ ИЗВЯНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

На территории Донецкой области в настоящее время найдено 9 каменных изваяний. Восемь из них (Мариуполь, Ольховчик, Новоамвросиевское, Горловка, Двугорбая Могила, Старогнатовка 1 и 2, Шевченко) были ранее опубликованы и введены в научный оборот.

Девятая — найдена в 1998 г. при осмотре курганной группы возле южной окраины г. Ясиноватая, частично исследованной в 1903 г. В. А. Городцовым. Изображение мужской фигуры на песчаниковой плите очень условное, голова отбита. На боковых гранях проточенными линиями изображены длинный меч (правый бок) и горит с луком (левый). Четко прослеживается рельефно воспроизведенная согнутая левая рука и частично — пояс, обозначенный двумя параллельными проточенными линиями.

Данные статуи датируются разным временем. Из них наиболее архаичными являются изваяния из Старогнатовки 1 и 2, Ольховчика. Выделяются также группы VI—V вв. до н. э. (Горловка, Ясиноватая, Шевченко) и V—IV вв. до н. э. (Мариуполь, Двугорбая Могила, Новоамвросиевское). Это, в целом соответствует общему кругу памятников (погребальных и отдельных находок) скифского времени, представленных в регионе.

Изваяния значительно различаются между собой с точки зрения морфологии и стилистики изображений. Представлены изделия от тщательно проработанных с точки зрения изображаемых деталей и атрибутов (Ольховчик) до условных, стеловидных (Двугорбая Могила). Ранние изваяния более объемные и имеют выраженную фалломорфность (Ольховчик, Старогнатовка 1 и 2). Горловская статуя сочетает в себе подквадратную в сечении верхнюю часть и округлое основание (шип). Большинство остальных изваяний изготовлено из плоских плит.

В пяти случаях (Горловка, Ясиноватая, Мариуполь, Двугорбая Могила, Новоамвросиевское) известна привязка статуй к курганам, из которых два (Горловка, Ясиноватая) остались неисследованными. Еще в двух случаях (Ольховчик, Шевченко) привязку к конкретным курганам можно предположительно восстановить. Полностью неясным остается только контекст находок

старогнатовских статуй, ныне находящихся в заповеднике «Хомутовская степь».

Все изваяния происходят из бассейнов приазовских рек Кальмиус и Крынка или же найдены на водоразделе между Приазовским и Донским бассейнами (Горловка, Ясиноватая). С этим же регионом связаны и находки погребальных памятников, хотя ареал случайных находок шире и включает в себя также бассейн Северского Донца.

Три изваяния (Ясиноватая, Горловка и Ольховчик) находились на курганах, расположенных на узловых точках одного из западных отрогов Донецкого кряжа. Тогда как остальные связаны с курганами на относительно невысоких водоразделах бассейнов Кальмиуса и Крынки.

Уникальным является стеловидное изваяние из Двугорбой Могилы, которое происходит из кургана, который имел относительно большие параметры насыпи (высота более 5 м и диаметр около 56 м) и который относят к разряду аристократических. Контекст находки (оно найдено в одном ряду из пяти сопровождающих погребений, находившихся за внутренней границей крепиды) также является уникальным.

Все остальные изваяния происходят из небольших курганов, имеющих высоту до 1,0 м. Это однозначно можно сказать о находках изваяний из Мариуполя, Новоамвросиевского и Горловки (группа Верина Могила). Исходя из контекста находки, изваяние из Ясиноватой также происходит из небольшого кургана, частично разрушенного строителями. Не исключено, что изваяние из Ольховчика было связано с курганом № 12 из группы «Рясные Могилы», исследованной в 1986–1987 гг. к югу от исторического села Ольховчик, ныне входящего в восточную часть г. Шахтерск. В этом кургане найдено скинфское святилище, основу которого составлял бронзовый котел. При этом все обозначенные курганы, в которых найдены скинфские изваяния, входили в группы, состоящие в том числе и из довольно внушительных по размерам курганов эпохи бронзы, которые, тем не менее, не были привлекательными с точки зрения скинфской ритуальной практики.

В. І. Полтавець (Чигирин)

ПРОСТОРОВЕ СПІВВІДНОШЕННЯ ПОСЕЛЕНЬ І КУРГАННИХ МОГИЛЬНИКІВ У ПОТЯСМИННІ В СКІФСЬКІ ЧАСІ

В пізньочорноліські часи при домінуванні трупоспалень або інших безкурганних обрядів, не спрямованих на збереження цілісності останків померлого, з'являються перші впускні курганні поховання осіб високого со-

ціального рангу, територіально віддалені на 1–2 км від синхронних їм поселень і «прив'язані» до важливих комунікацій (Гуляйгородок, к. 52; Тенентинка, к. 185).

Протягом жаботинського і скіфського часів кургани споруджували яку в межах близької господарської зони поселень (5 км), так і в степових просторах, в місцях сезонних пасовищ. В жаботинські часи відомі вже численні курганні поховання як осілого землеробсько-скотарського населення (Тенетинка), так і знатних напівномадів, розташовані на відстані близько 2–4 км від поселень (Жаботин, Флярківка, Гуляйгородок), іноді поблизу переправи (Новооселиця). Одночасно з'являються поховання «вождів» і «дружинників» у лугових степах по західних і південних притоках Тясмину, віддалені на 6–15–35 км від поселеньських осередків жаботинського часу (Турія, Костянтинівка, Носачів, Текліне, Осітняжка, Самур-Могила). Тобто, були освоєні всі краї пасовища і головні торговельні шляхи, які функціонували пізніше в скіфські часи.

Для скіфських часів можна виокремити декілька варіантів.

1. Курганні могильники розташовані поряд зі стаціонарними поселеннями чи городищами, на відстані 50–500 м (Мотронинське — «ближнє» могильники — і Пастирське городища, поселення Тенетинка, Іванівка, Юрова Гора та інші).

2. Найчастіше відстань між поселеннями і могильниками становить 1–4 км (Гуляйгородок, Тенетинка, Мотронинське — «дальний» могильник, Чубівка, Новооселиця, Ярки, Скибове, Макіївське і Шарпівськогородища, Капітанівка, Любомирка, Садовий Яр, Яр Барабашаха та інші). Це насамперед кургани кінця VII першої половини VI, а також другої половини V–IV ст. до н. е. всередині Тясминської луки (головної поселенської зони).

3. Чіткіше просторове розмежування поселень і курганних моильників — від 8–10 до 12–15–20 км і більше —

спостерігається насамперед за межами Тясминської луки, в зоні луго-степових ландшафтів. Це басейни західних і південних припливів Тясмину (кургани поблизу сіл Матусів, Кущівка, Ташлик, Ковалиха), а також верхів'я річок басейну Південного Бугу, насамперед Великої Висі (кургани поблизу Журовки, Турії, Капітанівки, Листопадового тощо). Тут досліджено кургани від VII до IV ст. до н. е., але найбільше кінця VI — початку V ст. до н. е. Ще один масив віддалених від поселень курганів знаходитьться всередині Тясминської луки — також в межах луго-степових ландшафтів — поблизу сіл Михайлівка, Райгород, Пляківка, Ребедайлівка, Кам'янка. Значна частина цих курганів тяжіла до відгалуження так званого Ольвійського шляху (нині дорога Сміла — Кам'янка-Знам'янка), як і курганів на Великій Висі, де знаходилися найбільші «дружинні» кладовища Потясминня. Є підстави припускати існування тут невеликих стійбищ, але загалом в господарському відношенні рухливі скотари з Великої Висі були орієнтовані на Пастирсько-Макіївський поселенський осередок.

Таким чином, впродовж VII — першої половини VI ст. до н. е. курганні могильники були більш наближені до поселень, ніж в кінці VI — перша половина V ст. и до н. е. Вірогідно, з часом склався оптимальний варіант взаємовідносин межах одного суспільства двох етносів, які репрезентували два окремі гкт — осілих землеробів-скотарів і рухливих скотарів при політичному пануванні останніх. При такому просторовому розмежуванні створювалися краї умови для землеробства в господарській зоні поселень. В другій половині V — в IV ст. до н. е., із занепадом багатьох поселенських осередків і землеробства загалом, кургани «наближаються» до поселень, окрім поховання з'являються навіть на території колишніх поселень (Жаботин, Калантаївське городище).

3. X. Попандупуло (Запорожье)

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Проблема интерпретации этногеографической карты Скифии, изложенной отцом истории, остается актуальной по сегодняшний день. Не касаясь всех аспектов данного вопроса, остановимся только на локализации т. н. скифогеоргой. Геродот в своей Истории, касающейся Скифии и расселения скифских племен, сообщает: «За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-георгой. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами...» (Геродот, IV, 18). Традиционно термин «georgoi», используемый Геродотом, переводится как скифы-земледельцы. Если следовать наиболее популярной точке зрения, которую высказывал целый ряд исследователей, в том числе А. И. Тереножкин, Б. М. Мозолевский, то этих скифов следует расселить, по крайней мере, вдоль левого берега Днепра и его притока Конки. В таком случае в зону нашего внимания попадает целый ряд грунтовых некрополей, расположенных в понизовье Днепра, среди которых два наиболее крупных — Скельковский и Благовещенский-I. Анализ погребального инвентаря в этих могильниках свидетельствует о том, что их мог оставить только народ, привычный к ратному делу. Основное оружие, встреченное в этих могильниках, составляли бронзовые наконечники стрел, некоторое количество наконечников копий, меч. И что существенно,

в Скельковском могильнике почти половину взрослых погребенных составляют женщины-воительницы, т. н. амазонки. Трудно представить, чтобы в земледельческой среде могли появиться вооруженные женщины. А вот в племенах полуоседлых кочевников, когда мужское население занималось отгонным скотоводством, присутствие вооруженных женщин, как охранительниц членов клана, в первую очередь, детей, было необходимо. К сожалению, о половозрастном распределении умерших, захороненных в Благовещенском могильнике сведений нет.

Еще одним свидетельством в пользу того, что эти могильники могло оставить полуоседлое население, является состав стада животных. В погребениях ина местах тризны были встречены кости коня, быка/коровы, мелкого рогатого скота.

Вероятно, следует вернуться к предположению известного лингвиста В. И. Абаева о том, что греки напутали в произношении скифского термина, который должен звучать как «gauvarga», что означает «почитатели Скота».

Нам кажется, что подобная интерпретация термина, использованного Геродотом, является более приемлемой, поскольку эти племена жили в районе современного Большого Луга, представлявшего издавна богатые пастбищные и охотничьи угодья.

В. Е. Радзиевская (Харьков)

НЕИЗВЕСТНЫЕ АРТЕФАКТЫ ЖАБОТИНСКОГО ТИПА ИЗ СРЕДНЕГО ПОВОРСКЛЯ

В 1977 г. во время охранной разведки вдоль левого берега р. Мерлы нами было осмотрено снесенное мелиораторами многослойное селище у с. Малая Рублевка Котелевского р-на Полтавской обл. На небольшом участке нарушенного культурного слоя была найдена фрагментированная керамика жаботинского облика. Большая часть обломков принадлежала лепному сосуду, украшенному резным геометрическим орнаментом со следами инкрустации белой пастой и лощения. Сосуд удалось реконструировать. Это глубокий прямостенный кружко-видный черпак с выступавшей над венчиком утраченной ручкой. Профиль сосуда высотой 10,4 см. чуть заметно расширяется от плоского дна (9,8–10,2 см.) к открытому устью (11,8 см.). Край закругленного изнутри короткого венчика оттянут наружу на 0,5–0,6 см и слегка заострен, горло не выделено. Ниже на 0,8–1 см проходит резная непрерывная линия, ограничивающая декор туловища сверху и вдоль ручки. Оформление придонной части черпака повторяет верхнюю. Объем около 550 см куб.

Сплошь орнаментированная поверхность изделия разделена композиционно на не менее, чем 3 неравных по площади вертикальных пояса. Два из них занимали около 90 % декорированной поверхности. Правый по отношению к ручке пояс украшен вертикальными рядами вытянутых по горизонтальной оси ассиметричных ромбов, соединенных верхними вершинами. Фигуры соседних рядов вписаны боковыми углами в свободное между ними пространство так, что образуют зигзагообразную гладкую полосу.

К зоне ромбов примыкает сюжет из обращенных вершинами в противоположные стороны больших чередующихся треугольников, из которых заштрихованные вписаны в более крупные пустые. Вершина одного из вписанных свисающих треугольников оканчивается маленьkim. Поверхность ромбов и треугольников заполнена рядами косых параллельных штрихов, расположенных под углом друг к другу.

Орнаментальный фриз завершается уникальным многофигурным «мальтийским крестом», помещенным в рамку из резных линий вдоль ручки. Он представляет собой цепочку из трех соприкасающихся вершинами ромбов, убывающих по величине сверху вниз. Центральная часть двух больших выделена пустыми ромбиками, повторяющими форму основных. Свободная поверхность между ними покрыта косыми насечками.

Ромбы дополнены шестью небольшими треугольниками-лопастями. М. Дараган и М. Кашуба фиксируют появление «мальтийских крестов» в Северном Причерноморье начиная с середины VIII в. до н. э. И. Б. Шрамко отмечает их наличие среди наиболее ранних материалов Западного Бельского городища в слое «A» зольника 4/5.

Подложенная серовато-бурая поверхность черпака сохранила следы предварительной разметки орнамента.

Сосуд несомненно выполнял сакральную функцию. Идеи его узоров связаны с земледельческими культурами плодородия.

Полных аналогий черпак пока не имеет. Его форма, видимо, восходит к прямостенным сосудам гальштата, где они были широко представлены.

Ряд признаков сближают черпак с пиксидами. Последние типичны для гальштатских культур X–VIII вв. до н. э. Днестро-Дунайского междуречья, раннежаботинских памятников Правобережья Днепра, откуда они очевидно попадают около середины VIII в. до н. э. в Среднее Поворсклье. Г. Т. Ковпаненко считала возможным датировать правобережные погребения с пиксидами VIII–VII вв. до н. э. Возможно некоторые опубликованные как части пиксид фрагменты лощеной резной керамики, принадлежат сосудам для питья по образцу черпака из Малой Рублевки. Это позволяет его выделить в отдельный тип специализированной культовой посуды.

Мотивы орнамента черпака находят ближайшие аналогии на ранней столовой керамике Жаботинского поселения, Западного Бельского городища и его округи (поселения Хухра, Пожарная Балка, Лихачевка и др.). Встречаются они также на посуде из архаических курганов бассейнов рек Тясмина и Роси, степных курганных захоронений новочеркасской поры Северного Причерноморья, на некоторых сосудах второго периода кобанской культуры.

Предварительная датировка описываемого черпака — середина VIII в. до н. э. — середина VII в. до н. э. Этой дате не противоречит найденная вместе с черпаком керамика с позднечернолесскими чертами.

Новые материалы жаботинского типа дополняют наши знания о генезисе, морфологии, семиотике предскифского керамического комплекса и показывают перспективность дальнейшего исследования подобных памятников в Поворсклье.

М. О. Чурбанов (Ростов-на-Дону)

ТАМГИ ТАНАИСА И САРМАТОВ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ: СВЯЗИ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА С АНТИЧНЫМ ГОРОДОМ

Иранские народы, в частности кочевые, оставили глубокий след в истории Восточной Европы. Без малого на тысячу лет, степи от Уральских гор до Дуная были полностью подчинены кочевникам иранского происхождения. Придя в степи Восточной Европы, ираноязычные кочевники принесли с собой множество инноваций: новые породы коней, сложносоставные луки, тяжелую кавалерию, и многое другое. В том числе, ираноязычные кочев-

ники, а именно представители среднесарматской культуры, принесли с собой знаки-тамги. До сей поры, среди специалистов ведутся споры по поводу назначения знаков-тамг. Самое емкое определение знаков-тамг составлено передовым в этой области ученым С. А. Яценко. Знаки-тамги это — прежде всего знак собственности определенного клана на определенные ценные вещи, скот и угодья и знак причастности человека или группы род-

ственников (подчас и целого клана) к определенной акции (обряды при заключении разного рода договоров, связанные с произнесением клятв, религиозные церемонии, дружеские визиты, свадьбы, общественное строительство и т. д.). Тамги клана обычно предназначались не для своих, а для внешнего предъявления.

Изучение сарматских знаков-тамг, открывает достаточно широкие возможности в изучении сарматов и культур, с которыми они взаимодействовали. Касаясь вопроса взаимодействия сарматов и оседлых культур, особого внимания заслуживает вопрос контакта сарматов и античного Танаиса. На данный момент времени в Танаисе насчитывается более 30-и плит-энциклопедий с тамгами, что позволяет говорить об особой роли города в жизни кочевников. В данный момент времени в научный оборот вводятся новые материалы с тамгами из Танаиса, до последнего времени не известные исследователям.

Особый интерес в этом вопросе вызывает бронзовый котел, происходящий из села Павловка (Левобережная Украина). На бронзовом котле изображена тамга, «яблоневидной» формы. На территории Украины данной тамге параллелей не встречено, нет даже сходных тамг. Тамга, изображенная на котле, неоднократно встречается в Танаисе, сразу в нескольких плитах-энциклопедиях. Справа

ведливости ради следует отметить то, что в степных материалах соседних регионов (Нижний Дон, Кубань, Крым) данная тамга так же не встречается.

Многие тамги, встречающиеся на плитах-энциклопедиях в Танаисе, так же встречаются в степных материалах Нижнего Дона, что отражает реальное положение дел в данном регионе. Местные сарматские кланы играли важную роль в жизни античного города, связано это в первую очередь с заинтересованностью кочевников в таком важном торговом пункте как Танаис.

Вполне вероятно, что сарматский клан, которому принадлежала данная тамга, имел тесную связь с Танаисом. Данная тамга встречается в Танаисе на пяти разных плитах-энциклопедиях, которые принято считать материальным подтверждением какой-либо коллективной акции, зачастую связанной с местом конкретного нахождения плиты. Напрашивается вывод о том что, сарматский клан происходящий с территории Левобережной Украины имел тесные связи с Танаисом, но не как не проявлял себя в степях Нижнего Дона. Исследование сарматских тамг, позволит в дальнейшем пролить свет на многие проблемы сарматологии, в том числе и на проблему взаимодействия оседлого населения и кочевников.

O. B. Шелехань (Київ)

ЕВОЛЮЦІЯ КЛИНКОВОЇ ЗБРОЇ «КЛАСИЧНОЇ СКІФІЇ»

При побудові хронологічної шкали клинкової зброї, ми спирались на супровідні елементи матеріальної культури із поховань. Для архайчних поховань VII—VI ст. до н. е. було виділено три групи. Перші дві співвідносяться з по-ділом поховань келермеського могильника на ранню та пізню фази. Третя група виділяється як перехідна між пам'ятками ранньо- та середньоскіфського часу. З останньої чверті VI ст. до н. е., остаточно відбувається перехід до ССК комплексу речей. Для пам'яток кінця VI—IV ст. до н. е. виділено наступні чотири групи.

Четверта група (остання чверть VI — перша чверть V ст. до н. е.) — перший етап ССК.

Клинкова зброя демонструє доживання архайчних типів на периферії скіфського світу (Віташково). На теренах Скіфії перехрестя виробів з брускоподібним навершям набувають нових рис (Олександрівка, к. 6, Вишнівка, к. 16). Поширяються вироби з простим волютоподібним навершям та ниркоподібним перехрестям (Мачухи, к. 13) Одичинчими випадками представлені кинджали з прямоугольним перехрестям, відомі з кінця VI ст. до н. е. (Новокиївка, Верхня Тарасівка).

П'ята група (друга — третя чверть V ст. до н. е.) — другий етап ССК.

Мечі та кинджали демонструють подальший розвиток двох основних типів. Перший — з брускоподібним навершям є продовженням найбільш архайчної лінії. Від ранньоскіфських вони відрізняються округлістю обрису навершя. Разом із тим, перехрестя таких виробів мають більш сплощений контур (Хортиця, Броварки, к. 504, Артющенко-2, п. 13).

Вироби з волютоподібним навершям в цей час демонструють еволюцію від простих (Велика Гомольща, к. 5, Артющенко-2, п. 10, Новорозанівка, к. 1, п. 1) до зооморф-

них кігтьоподібних (Перещепино, к. 3/2002 та к. 13, п. 1) і до зооморфних ажурних (Гладковщина, к. 2, Стайкин Верх, к. 3). Клинки екземплярів цього типу набувають трикутної форми, властивої для подальшого часу. В цілому ж, зростає частка довгої та середньої клинкової зброї, з'являються односічні вироби балканського походження (Сладковка, к. 25, Мирне, к. 2, п. 2). Виразною рисою четвертої та п'ятої груп є відсутність аристократичних поховань.

Шоста група (остання чверть V — перша чверть IV ст. до н. е.) — перший етап РСК.

Клинкова зброя цього часу майже повністю представлена мечами типу Солоха із зооморфним ажурним навершям та трикутним клинком. Okрім пересічних зразків (Пуркарь, Лубни, Софіївка), відома представницька серія церемоніальних мечів (Перещепино, к. 3, п. 2, Осняги, к. 4, Оксютинці, к. 2). Дата поховання з епонімним екземпляром визначається у межах початку — першої половини IV ст. до н. е.

Таким чином, як і за РСК спостерігається ситуація, згідно котрій церемоніальні зразки озброєння фіксуються дещо пізніше, ніж звичайні. Проте, на відміну від церемоніальних мечів РСК, дані вироби плакувались золотом безпосередньо перед поміщенням у могилу.

В менший кількості відомі вироби з брускоподібним навершям, яке стає більш округлим (Перещепино, к. 12, п. 1).

Сьома група (друга чверть — кінець IV ст. до н. е.) — другий етап РСК.

В цей час домінують екземпляри з округлим навершям. Доволі значна кількість церемоніальних зразків (Товста Могила, Старий Мерчик, к. 3, к. 11, Колбино, к. 36). З них в свою чергу вирізняється солідна частка

односічних екземплярів (Чортомлик, Велика Рижанівка, Соболева Могила). Крім того, спостерігається відсутність ефекту запізнення церемоніальних екземплярів. Але якість виготовлення клинків знижується, натомість на східних околицях з'являються імпортні синдо-меотські зразки (Дуровка, к. 15.).

Отже, спостерігається тяглість розвитку клинкової зброй протягом всього часу побутування скіфської мате-

ріальної культури. Тенденції еволюції форм, наявність наскрізних типів та спадковість технологій змушує нас припускати, що типологічний розвиток мечів та кинджалів відбувався еволюційним шляхом. Традиція використання церемоніальних мечів притаманна як найбільш раннім, так і найбільш пізнім етапам скіфської історії. Лінія розвитку скіфської клинкової зброй переривається зі зникненням «Великої Скіфії».

І. Б. Шрамко (Харків)

ЗЕМЛЯНКА РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ЗОЛЬНИКА № 28 ЗАПАДНОГО БЕЛЬСКА

При раскопках зольника 28 была открыта усадьба раннескифского времени, представлявшая собой земляночное жилище и расположенные невдалеке хозяйствственные объекты. Предварительная информация об этом комплексе содержится в нескольких заметках и статьях.

Землянка имела размеры 7,25 × 4 м., глубину 1 м, ее котлован был ориентирован по линии ЮЗ—СВ. Вход находился в северном углу, где сохранились три ступеньки. Жилище состояло из двух отдельных помещений — жилого и хозяйственного, разделенных материиковыми выступами. Вдоль стен жилой части землянки были расположены, вырезанные в материке возвышения (лежанки). На ровном глиняном полу прослежен тонкий тлен растительной подстилки. В разных частях жилого отсека имелись столбовые ямы. В некоторых из них сохранился древесный тлен. Хозяйственное помещение имело неровное дно, которое с небольшими перепадами постепенно понижалось к югу до глубины, образуя яму для хранения припасов. В стене была вырезана ниша, которую от входа в жилую зону отделял материальный выступ.

Таким образом, открытое помещение представляло собой землянку площадью около 29 кв. м, пол которой был заглублен в древнюю почву и материку на 1 м. Жилище имело две отдельные камеры (помещения), которые различались функциональным назначением, и имели свои конструктивные элементы. Особенностью хозяйственного помещения являлась выкопанная в полу яма-погребок и ниша, преднамеренно вырезанная в стене. Жилое помещение имело широкие лежанки. В этой части жилища пол был ровным, хорошо утрамбованым. Столбы разных размеров служили опорой для кровли и разделяли внутреннее пространство на зоны. Отсутствие следов очага позволило предположить, что он был переносным.

На основе исходных данных, в первую очередь, стратиграфии и планиграфии была предложена визуализация внешнего и внутреннего вида землянки. При этом при ее изучении впервые для Бельского городища были применены методы масштабного макетирования, условной графической реконструкции, послужившие основой для

создания трехмерной виртуальной модели с использованием метода компьютерного моделирования.

По результатам исследования с определенной долей уверенности можно утверждать, что крыша была двускатной, лежала на балках, опиравшихся на пять столбов, установленных в хозяйственном и жилом помещениях. Со стороны фронтона жилой части двускатная крыша имела форму шатра. Прослежены некоторые технические моменты, связанные с установкой опорных столбов. Жилая часть была отделена от хозяйственной легкой перегородкой. Высота кровли по коньку от отметки пола жилой части помещения могла достигать от 2,8 до 3,3 м. Беспотолочная кровля позволяла комфортно использовать открытый очаг. Стен, расположенных выше уровня котлована, как таковых не было. Анализ отдельных конструктивных элементов показал, что с восточной стороны имелся небольшой проем для поступления в жилище света и воздуха.

Верхняя часть котлована землянки была заполнена слоем светло-серой золы, под которым залегал темный слой золы с углеми и кусками обожженной глиняной обмазки без отпечатков прутьев. Ниже, в центре жилой части фиксировался слой сгоревшего дерева, под которым в отдельных местах был прослежен коричневый древесный тлен. В заполнении землянки обнаружено около 1,5 тысяч фрагментов местной лепной посуды, предметы греческого импорта, глиняные пряслица, конусы, железная игла, обломок железного серпа, костяное налучье, костяные пластинки, раковина каури, обломки глиняных «кирпичей», зернотерок, терочников, 897 костей животных, около 200 кусков глиняной обмазки. Фрагменты античных амфор позволяют предположить, что жилище было сооружено не ранее последней четверти — конца VII в. до н. э., а заброшено не позже первой четверти VI в. до н. э. (Задников, 2013), что соответствует раннему этапу формирования зольника 28, стратиграфически выделенному в горизонт Б 2. Этому времени соответствуют и разнообразные находки, обнаруженные в хозяйственных объектах данной усадьбы, а также в других комплексах этого горизонта, открытых на Западном укреплении.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Z. Bragvadze (*Tbilisi, Georgia*)

GREEK IMPORTS OF THE V—IV CENTURIES B. C. FROM SAIRKHE AND SOME QUESTIONS OF THE TRADE-ECONOMICAL RELATIONS

Sity site of classical period Sairkheis situated in the eastern part of west Georgia (historical Colchis). The rich graves of Colchian nobles were excavated here in the 80th years of XX century.

Archaeological excavations carried at the settlement supplied us with very interesting materials reflecting Greeko-Colchian trade relations. In the V—IV centuries B. C. rich burials Greek imported items have been found alongside with the items of local and Iranian production. Among Greek imports the earliest artifacts are a black-glazed kylix, a silver phialaemesomphaloi, bronze spoons, a bronze oinochoa found in the tomb N13. The tomb is dated to the first half of the V century B. C. though one part of the grave goods is the earlier date.

Greek imports of the end of the V — first half of the IV centuries B. C. have been found in the tombs number 5

and 8, in a ritual pit, at the site of Lominauri, in the II layer of the Tskarostavis Gora. Noteworthy are fragments of a red-figured crater of the Certchischool and vases found in the layer II of Tskarostavis Gora.

Greek imports from Sairkhe are the Athenian production, thus reflecting the general historical situation in the period under discussion.

In the upper reaches of the Kvirila valley, dominated by Sairkhe, Greek imports have been found at the several other sites (Itkhvisi, Sachkhere, Goraziri). These finds testify the fact that Shorapani-Sairkhe-Goraziri section represented one of the branches of the Rioni (Phasis)-Kvirila trading route. It is one of the arteries for the penetration of Greek imports eastward. The Sairkhesettlement seems to be main distributive centre of the east Colchis.

P. A. Козленко (*Николаев*)

«КИММЕРИЙСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ» ГЕРОДОТА (К ВОЗМОЖНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ НДТ. IV. 12. 1)

В IV книге «Истории» Геродота упоминаются имеющиеся в Скифии «Киммерийские укрепления» («Κιμμέρια τείχεα»). Проблема локализации данных сооружений привела к разным гипотезам относительно расположения как области киммерийцев, так и данных укреплений. Предварительное соотнесение сооружений с оборонительными валами на Боспоре (Узунларским и Тиритакским) не имеет убедительных доказательств — отсутствуют весомые археологические данные при разрезах укреплений и несоизмеримость материальных затрат и людских ресурсов со значительным запустением степей в VIII—VI вв. до н. э. А упоминание у Геродота в конце предложения Боспора Киммерийского обычно становится безоговорочной территориальной привязкой к сообщаемым в начале строки данным. В работах М. В. Скржинской и А. И. Иванчика, где рассмотрено происхождение «киммерийской» топонимии на Боспоре, обосновано поставлено под сомнение пребывание там исторических киммерийцев.

В переводах термин «τείχεα» трактуется как: укрепления (перевод на рус. яз. Ф. Г. Мищенко, Г. А. Стратановского); стены (перевод на рус. яз. А. И. Доватура и др.; на англ. яз. А. Д. Годли); крепости (перевод на укр. яз. А. А. Белецкого). В словаре Лидделла-Скотта данный термин включает-

ет все три варианта. Несмотря на синонимичность этих слов, необходимо отметить определенную разницу между данными понятиями, дифференциация которых увеличивает возможности поиска этих объектов.

Значительно снижает вероятность локализации «киммерийских укреплений» в Восточном Крыму отсутствие укрепленных поселений эпохи поздней бронзы — раннегоЖелезного века, датировка ряда вновь открытых валов на Боспоре V—I вв. до н. э., гораздо позднее время возведения — не с оборонительной целью — «киммерийских валов» на Таманском полуострове. Приведенные доводы позволяют расширить поиск данных объектов в сторону степной зоны Днепро-Днестровского междуречья, в рамках т. н. Скифского квадрата.

Среди археологических памятников обозначенной территории, соответствующих времени ранних киммерийцев, известно два укрепленных поселения эпохи финальной бронзы.

Городище белозерской культуры Дикий Сад (XIII/XII—XI/X вв. до н. э.), площадью около 5 га, расположено на левом берегу р. Ингул, у места слияния с р. Южный Буг. Городище имело развитую систему фортификации, состоящей из двух рвов (ширина до 6 м и глубиной до

3,5 м), охватывающих «пред местье» и «цитадель» городища; а также мостов, башен и глинобитных оборонительных стен (толщиной до 1,80 м, и высотой не менее 2,5 м) на каменном фундаменте. Общая протяженность известных рвов и стен Дикого Сада — около 400 м.

Не менее мощной оборонительной системой обладало, видимо, и Репринское городище (белозерский слой) у с. Никольское, площадью около 8 га, расположено между переправами на р. Ингулец и р. Днепр. По сведениям Г. П. Крысина, в начале XX в. на городище были отчетливо видны оборонительные валы (стены) и заполнение рва.

Придерживаясь точки зрения о генетической преемственности белозерской и киммерийской культур, можно предположить непосредственную взаимосвязь

между населением данных городищ и ранним этапом формирования племен исторических киммерийцев. Остатки городищ в устной традиции более позднего населения региона вполне могли быть восприняты как киммерийские крепости. Развивая такую интерпретацию и локализацию, можно предположить, что и киммерийскими переправами («πόρθμήια Κιμμέρια») в «Истории» были названы в том числе и эти стратегически важные места, у которых располагались перечисленные укрепления.

В случае уточнения датировки определенных валов в Восточном Крыму временем поздней бронзы, учитывая географические рамки «Скифии», следовало бы рассматривать в качестве «укреплений» также и указанные памятники.

К. М. Колесников (*Дніпропетровськ*)

ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНІ ВІДНОСИНИ ТА СТАТУС ХЕРСОНЕСУ ТАВРІЙСЬКОГО В 170–110-Х РР. ДО Н. Е.

У Стародавній Греції не існувало поняття «національний суверенітет», саме розуміння «держави» було невіддільним від поняття «громада». Для означення незалежного зовнішнього становища та вільного внутрішнього стану структурованого колективу громадян (полісу) використовувалися терміни *автономія* (автоноµіα) та *елевтерія* (ελευθερία). Перший дослівно перекладається «самозаконня», тобто суверенне право громадян бути собі законодавцями, другий — «свобода», тобто свобода від внутрішньої тиранії і зовнішньої залежності. Обидва терміни тривалий час застосовувалися як синоніми.

Безнадійна ситуація Херсонесу з пошуком союзників у першій четверті II ст. до н. е. була несподівано врятована за участі Фарнака I Понтійського. Їхня двостороння угода двічі згадує римлян, «дружба» з якими (*Ρωμαιοὺς φιλίαν*) оговорюється як умова херсонесько-понтійської сіммахії. У багатосторонній угоді 179 р. до н. е. володарів Віфінії, Пергаму, Каппадокії, Понту, Вірменії тощо були включені Херсонес та дружній останньому сарматський цар Гатал (*Polyb. XXV. 2. 12–13*). Гарантом мирного врегулювання виступила Римська республіка, що після перемог над македонцями при Кіноскефалах (197 р. до н. е.) та сирійцями-селеукідами при Магнезії (190 р. до н. е.) здобула беззаперечний авторитет у Східному Середземномор'ї. Існує два пояснення причин укладання херсонесько-понтійської угоди, як частини широкого східно-середземноморського врегулювання: 1) Рим активно поширював власні дипломатичні мережі на північ Понту, щоб чужими руками знешкодити варварську загрозу північно-східним кордонам ойкумені; 2) понтійський володар готував підґрунтя для загально-чорноморської держави, торив шлях, яким пройде його онук — знаменитий Мітрідат VI.

Чи надходила реальна допомога від Фарнака, який підписався на це у разі, «якщо сусідні варвари виrushать у похід на Херсонес або під владну херсонеситам країну, або будуть ображати херсонеситів» (*IOSPE, I², 402, 14–17*), сказати важко. На певний час скіфський натиск загальмувався, але не зупинився: невдовзі ворог опинився «під

брамою» міста — в останній четверті II ст. до н. е. було втрачено близьку хору на Гераклейському півострові. У таких умовах херсонесити знову звернулися до володарів Понту: саме тим часом датується почесний декрет на честь посла Мітридата — сина Кефали, амісійця (*IOSPE, I², 349*). Городяни були настільки задоволені результатами переговорів, що відзначили pontійського дипломата з його нащадками проксенією, громадянством, недоторканістю, правом вільного проходження портом та іншими привileями. Все це передувало т. зв. Діофантовим війнам, що повністю ліквідували скіфську загрозу та відкрили нову добу в історії регіону та в зовнішньополітичному положенні Херсонесу.

Яким саме був міжнародно-правовий статус Херсонесу між договором з Фарнаком I (179 р. до н. е.) та договором з Мітридатом VI (≈112 р. до н. е.)? На нашу думку, Херсонес протягом семи десятків років зберігав суверенний статус, у термінології того часу — автономію / елевтерію. Про це, зокрема, свідчать монетні типи, поширені у карбуванні Херсонеса приблизно в цей час, які містили зображення небесної покровительки міста — богині Діви (*Παρθένος*) у вигляді двійника Артеміди-мисливці з оленем, інколи упольованим, та зображення атрибутів Діви — того самого оленя, сагайдаку і луку, а також зображення бика, що б’є рогами, — сюжет, запозичений з херсонеської метрополії — Гераклеї Понтійської, який став свого роду гербом Херсонесу — міським *παράσημον*. Крім того, впродовж II ст. до н. е. херсонесити продовжували видавати проксенії — офіційні декрети з надання іноземцям громадянства і митно-податкових пільг (*IOSPE, I², 439 = НЭПХ, № 109; IOSPE, I², 351; IOSPE, I², 349 = НЭПХ, № 110*), що було знову ж таки прерогативою виключно автономного (= вільного) утворення. Нарешті, сама логіка розвитку подальших подій й досить самостійна роль Херсонесу та його ополчення в Діофантових війнах однозначно вказує на те, що підтриманка союзницьких відносин із Понтом упродовж 170–110-х рр., на відміну від наступного століття, не зашкодила міській автономії / елевтерії.

B. B. Котенко (Київ)

ОСОБЛИВОСТІ ОБЛАШТУВАННЯ ЗАХІДНОЇ БАШТИ З ПОСЕЛЕННЯ МАСЛИНИ У ПІВНІЧНО-ЗАХІДНІЙ ТАВРИЦІ

В античний час Північно-Західна Таврика відігравала важливу роль у політичному та економічному житті Херсонеса Таврійського, входячи до складу його хори. Поселення Маслини розташоване на Тарханкутському півострові біля с. Володимирівка Чорноморського району АР Крим, на морському узбережжі Каркінітської затоки. Систематичні розкопки пам'ятки проводилися під керівництвом В. О. Латишевої протягом 1972–1986 рр. силами загону Харківського державного університету в складі Північно-Кримської експедиції Інституту археології АН УРСР, очолюваної А. О. Щепинським. Хора Херсонеса значно відрізнялася від сільськогосподарських околиць інших північнопричорноморських полісів. Специфіка цих поселень полягає у способі забудови, де садиби постають як укріплені поліфункціональні комплекси з баштою.

Укріплення на поселенні Маслини виникло у зручному місці, займаючи природне підвищення рельєфу. Його зведення було багатоактним процесом: на початку існування поселення виникла однобаштова садиба, у безпосередній близькості до якої в подальшому вибудувалися інші комплекси. Розбудова укріплення ймовірно відбувалася за єдиним попереднім планом, про що свідчить логічна завершеність конструкцій, регулярний характер внутрішньої забудови, єдина система орієнтації для всіх будівельних решток. На поселенні було відкрито три садиби, зосереджені у західній, південній та східній частині укріплення. Північна башта з частиною прилеглих приміщень була знищена морем.

В історіографії вже неодноразово піднімалося питання облаштування південної башти з поселення Маслини. Західна башта не мала подібної регулярної забудови. Стіни споруди були зведені на потужному фундаменті, заглиблениму в материковий ґрунт на 0,6–0,8 м. Він складався з масивних блоків вапняку, черепашнику, пісковику розмірами до $0,9 \times 1,2$ м. У плані плити фундаменту наблизалися до прямокутника, їх поверхня була грубо

оброблена, а у кладці шви між великими каменями були закладені дрібним бутом. Ширина стін по периметру будівлі становила 0,8 м, фундамент виступав за червону лінію фасаду на 0,2 м. Кладка була викладена за двошаровою системою, крупніші блоки викладалися по фасаду і доповнювалися до потрібної ширини стіни дрібним бутом з внутрішньої сторони. Блоки зовнішнього ряду мали правильну форму і оброблену поверхню, але без русту. Загальна площа будівлі автором розкопок не приведена, але про неї можна судити за площею двох суміжних приміщень, з яких вона складалася: приміщення «А» мало площину $5 \times 6,6$ м, а приміщення «М» — $6,05 \times 4,05$ м. Їх розділяла внутрішня стінка, менш капітальна за технікою кладки, ніж зовнішні стіни.

Незвичним є облаштування приміщення «А». Підлога всередині нього була глинобитною, збереглися залишки обмазки білого і рожевого кольорів. В центрі об'єкту знаходилося відкрите глиняне вогнище квадратної форми ($0,80 \times 0,80$ м) зі специфічним заглибленням і шматками обпаленої глини, сажі, вугілля. Сама конструкція була покрита обмазкою того ж кольору, що й підлога. Поруч з вогнищем знаходилася чаша, заглиблена в підлогу. Вочевидь, що приміщення було парадним, призначеним для відправлення культів. Можливо, воно мало і функції адрону, подібного тому, який відомий з розкопок елліністичного будинку Керкінітіди. Галькова підлога, як характерна риса благоустрою андронів, тут не виявлена, але розташування приміщення всередині комплексу, фарбовані стіни і вогнище-віттар свідчать про те, що тут могли проводитися застільні трапези.

Таким чином, розглянувши облаштування західної башти з поселення Маслини можна говорити про благоустрій віддалених поселень херсонеської хори, який за масштабами поступався міським стандартам, але зберігав основні традиційні риси давньогрецького побуту.

I. В. Мезенцева (Київ)

ПИСЬМОВІ ПРИЛАДДЯ З РОЗКОПОК АНТИЧНИХ МІСТ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я В ЗБІРЦІ НАЦІОНАЛЬНОГО МУЗЕЮ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ

Загальнорозповсюдженім у античних містах Північного Причорномор'я було навчання письму та арифметиці. Відправляючи дитину до школи, батьки забезпечували її письмовим приладдям двох видів, оскільки в ті часи існувало два види письма. Перший вид характеризувався нанесенням літер загостреним інструментом на віск, кераміку, свинець та камінь, про що свідчать численні знахідки присвятив написів божествам, дарчих написів, графіті, шкільних вправ, тощо. До другого виду можна віднести нанесення літер фарбою або чорнилами, так звані діпінти — цифрові та літерові позначки, нанесені фарбою на посуд.

Для навчання першому виду письма дитині давали натерті воском дерев'яні таблички та стилі. Таблички

мали прямокутну форму, з підведеніми закраїнами, до рівня яких наливали розтоплений віск або м'яку глину. Зображення таблички збереглось на фрагменті теракоти «Педагог», яке датується IV ст. до н. е. та представлене в експозиції музею.

У збірці НМІУ колекція кістяних стилів налічує (63 од. збер.), більшість яких (61 од. збер.) походить з Ольвії (суч. с. Парутино Очаківського р-ну Миколаївської обл.), крім того з Херсонесу (суч. м. Севастополь) (2 од. збер.). Розкопки проводились в Ольвії експедицією Інституту археології Академії наук УРСР у 1936–1940 рр. під керівництвом Л. М. Славіна. Знахідки з Херсонесу були передані з Херсонеського історико-археологічного музею актом від 19 квітня 1958 р. Колек-

ція стилів зберігається у фондах НМІУ, частина її представлена в експозиції.

Стилі являють собою стрижні округлої форми, які з одного боку загострені для процарапування знаків, з іншого мають наверш'я, що використовувались для затирання помилок. За формуою верхньої частини, стилі, що зберігаються в збірці НМІУ, умовно можна поділити на три типи.

Стилі первого типу мають округлий стрижень, загострену робочу частину, наверш'я у вигляді пласкої лопаточки (9 од. збер.) та закругленого закінчення (4 од. збер.). Analogічні стилі були знайдені у Херсонесі, на поселенні біля с. Михайлівка Ленінського р-ну Криму і датуються IV—I ст. до н. е.

До другого типу можна віднести стилі, на поверхні яких збереглися грані, верхня частина яких оформлена у вигляді: а) виточених рельєфних голівок та профільованих пірамідок з врізними смугами (8 од. збер.); б) навершій, зрізаних на гострий конус, з двома врізними смугами (8 од. збер.); в) навершій, зрізаних на тупий конус, з ледь поміт-

ними гранями, різного ступеню пошкодження (15 од. збер.); г) навершій у вигляді шишечки з двома врізними смугами (7 од. збер.); д) конічної голівки з двома врізними смугами (4 од. збер.); е) навершій у вигляді пласкої шляпки (4 од. збер.). Analogічні стилі були знайдені в некрополі Ольвії, Пантікею, Херсонесі і датуються від III ст. до н. е. — III ст. н. е. Всі стилі цього типу ретельно виготовлені та оброблені на токарному верстаті.

До третього типу можна віднести частково або повністю сплющені стрижні з пласкою верхньою частиною та врізними смугами (4 од. збер.). Analogічніми до них можна вважати стилі, які були знайдені на поселенні у с. Михайлівка у шарі I—II ст.н. е. Цей тип є більш універсальним, тому що сплющеною лопаткою можна було не тільки затирати помилки, але також згладжувати та вирівнювати воскову поверхню.

Отже, численні знахідки кістяних стилів свідчать про великий розвиток писемності населення античних міст та поселень Північного Причорномор'я, а також про існування мережі шкіл на півдні нашої країни в античний час.

Н. И. Николаев (Николаев)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КВОТЫ — НОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ ЭПОНИМНЫХ КАТАЛОГОВ АНТИЧНОГО МИРА

В последние годы в исторических исследованиях, сравнительной мифологии активно применяются методы системного анализа. Системный анализ использован автором для синхронизации каталога эпонимов Ольвии IOSPE I² 201. Материалы этих исследований обсуждались на конференциях, приведены в монографии и статьях. В процессе исследований получен побочный результат: неизвестная ранее закономерность (регламентация, правила или обычаи?) назначения представителей высшей элиты на должность городского эпонима Ольвии, условно названная *хронологические квоты*.

Итак, изучение внутренних взаимосвязей эпонимного каталога Ольвии IOSPE I² 201 включало в себя, в том числе, выявление родов, построение фрагментов стемм, классификацию родов по иерархии: высшая элита и элита «второй» категории. Вначале классификация была *условной*; критерием для отнесения к высшей элите было принято количественное *преобладание* рода в эпонимном каталоге и большое количество лапидарных надписей. Однако позднее был обнаружен строгий критерий: *исполнение эпонимной должности родными братьями*. (Для элиты «второй» категории применяется только правило «отец→сын»). Каждый элитный род получал определенный хронологический период (квоту), в течение которого несколько раз исполнялась эпонимная должность братьями. Величина квоты пропорциональна иерархии. Выделены квоты Дионисиев и Аристократидов — 14 лет (известна многолетняя вражда этих самых мощных родов (SEG 58:763)), Пантаклов–Клеомбротов, Аристокритидов–Сократидов и Никератов — 12 лет, Протогенов–Гирасонов–Гиродоров — 9 лет. Для примера приведу материалы о 12-тилетней квоте Пантаклов–Клеобротов, Никератов и Аристокритидов–Сократидов: I. Сыновья

Пантакла, братья Клеомброт (317 г. до н. э.) и Гикесий (306 г. до н. э.). II. Сыновья Пантакла, братья Клеомброт (222 г. до н. э.) и Гикесий (211 г. до н. э.). III. Сыновья Леодамана, братья Пантакл (213 г. до н. э.), Филт (204 г. до н. э.) и Гикесий (202 г. до н. э.). IV. Сыновья Никерата, братья Хэримон (221 г. до н. э.), Калликрат (220 г. до н. э.), Аристон (218 г. до н. э.) и Крит (210 г. до н. э.). V. Сыновья Посидония, братья Аристокрит (346 г. до н. э.), Алфин (342 г. до н. э.) и Сократ (335 г. до н. э.). Хронологический период во всех случаях — 12 лет. Исключений нет.

Стала очевидной необходимость изучения эпонимных каталогов античного мира. Были рассмотрены каталоги Линдоса (*Lindos II 1*), Родоса (*SEG 12, 360*) и Милета (*Milet I 3 122–128*). Оказалось, что хронологические квоты *присутствуют* во всех исследованных каталогах. В каталогах Родоса и Линдоса обнаружено существование только *одной* квоты — 4 года. Эта квота дважды отмечена в каталоге Родоса и 5 раз в каталоге Линдоса. Исключения отсутствуют. Вероятно, эта квота — *региональная* особенность о. Родос. Изучение системной информации каталогов Милета продолжается, что связано с их сложностью; какая-либо регламентация при исполнении должности *двумя* сыновьями из одного рода пока не выявлена. Вместе с тем, здесь отмечается исполнение должности *тремя и более* сыновьями: Анаксимандры, Мольлагоры, Мандрагоры, Евкраты. Во *всех* случаях диапазон между исполнением должности *первым и вторым* братом составляет 7 лет — священное число Аполлона (?). Исключения отсутствуют.

Итак, выявлена неизвестная ранее хронологическая регламентация при назначении на должность городского эпонима, по крайней мере, в некоторых городах античного мира. Однако необходимость введения такой регламентации реального объяснения пока не находит.

А. М. Новичихин (Анапа)

О РОЛИ КЛИМАТИЧЕСКОГО ФАКТОРА В ИСТОРИИ СИНДИКИ VI—IV ВВ. ДО Н. Э.

Одной из важнейших составляющих экологического состояния региона является климат. Климатологи и историки неоднократно обращали внимание на большое значение климатических показателей в развитии историко-географических областей и судьбах народов. Известия античных авторов о климатических условиях и исторических событиях в античном Северном Причерноморье при сопоставлении их с данными, полученными при проведении археологических исследований, дают возможность рассмотреть историю отдельных северопонтийских областей с учетом климатического фактора. Один из таких регионов — Синдики VI—IV вв. до н. э.

По данным палеоботанических исследований, в Закубанье, включая территорию исторической Синдики (район современной Анапы), климат в VI—IV вв. до н. э. был теплым и влажным. Ландшафт составляло луговое разнотравье с рощами из деревьев лиственных пород. Судя по топографии и размерам синдских могильников этого времени, заселенность региона не отличалась повышенной плотностью. Основой хозяйственной деятельности синдов было земледелие. Климатические особенности региона в сочетании с плодородием местных почв, способствовали возможности получения больших урожаев зерновых культур, на что указывают письменные и эпиграфические источники V—IV в. до н. э. Зерновой потенциал сделал территорию Синдики привлекательной для скифов и греков. Причем если кочевники традиционно стремились получать хлеб путем внеэкономического отчуждения, то греки были заинтересованы в личном участии в выращивании больших урожаев на местных плодородных почвах.

Стремление эллинов обосноваться в регионе было реализовано в основании на территории Синдики нескольких колоний, одна из которых, носявшая название Синдик или Синдская гавань, располагалась на месте современной Анапы. Судя по археологическим данным, раннегреческое поселение на месте Анапы возникло в последней четверти VI в. до н. э. Со временем население колонии освоило прилегающие к поселению земли Синдики. Уже в первой половине IV в. до н. э. город, вошедший в это время в состав Боспорского царства и получивший название Горгиппия, располагал обширной сельскохозяйственной округой (хорой) разделенной на сотни земледельческих участков (клеров).

Соседство с античными полисами обусловило вовлечение местного населения Синдики в сферу воздействия античной культуры. Начался процесс эллинизации синдов, приведший во второй половине V в. до н. э. к образованию Синдского государства со своей царской династией, денежной системой, построенными на греческий

манер городами. Обильные урожаи зерна, получаемые в Синдики, сделали ее территорию привлекательной для боспорских царей, стремившихся контролировать хлебную торговлю со Средиземноморьем. В результате известных по описанию Полиена (VIII, 55) событий начала IV в. до н. э. (вмешательства боспорского тирана Сатира во внутренние дела Синдики и последовавшей вслед за этим войны) территория Синдского государства вошла в состав Боспора.

Таким образом, благоприятные климатические условия, обеспечившие высокий зерновой потенциал Синдики, способствовали вовлечению этой историко-географической области в сферу воздействия античной цивилизации и, в результате боспорской экспансии, включению в состав эллинской ойкумены.

Иначе складывались отношения синдов со скифами. Как сообщает Геродот (IV, 28): «Замерзает море и весь Боспор Киммерийский. И скифы, живущие по сю сторону рва, совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов». Описанные события относят к самому концу VI — начальным десятилетиям V в. до н. э. Едва ли есть основания расценивать упоминаемые «отцом истории» походы как сезонные миграцииnomадов, связанные с перекочевкой в более благоприятные для зимовки районы. Характеристика походов как военных предприятий и упоминание повозок свидетельствуют, скорее, в пользу того, что Геродот описал хорошо известные в кочевом мире набеги на земледельческие народы с целью получения дани. Стремление синдов отразить разорительные вторжения nomадов, затрагивавшие, помимо прочего, и греческие колонии Керченского и Таманского полуостровов, способствовало укреплению контактов населения Синдики с боспорскими греками и его последующей эллинизации.

Упоминаемые Геродотом зимние холода, несколько нарушают впечатление о стабильно теплом и влажном климате в регионе. Судя по всему, здесь периодически случались кратковременные периоды усыхания климата (аридизации), влекшие за собой похолодание. Скорее всего, они были непродолжительными, иначе неблагоприятные условия оказались бы на урожайности зерновых, и тогда скифские набеги не имели бы цели.

Возможно, подобные колебания климата случались и позднее. В одном из открытых на территории Синдики захоронений начала IV в. до н. э. (6 Семибратьний курган) погребенный мужчина был облачен в меховую одежду. Следует полагать, что представление о холодах в загробном мире у погребавших его сородичей сложилось под впечатлением о реальных климатических условиях.

О. А. Ручинская (Харьков)

СИСТЕМА РЕКРЕАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГРАЖДАН АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (I—III вв. н. э.)

Проблема рекреации (т. е. восстановления сил, здоровья) в античный период истории давно привлекает внимание исследователей, но в основном имеющиеся работы касаются римской истории и, в меньшей степени, греческих полисов, что характерно, в целом, для западноевропейской историографии. В отношении рассматриваемого нами

региона эта проблема вообще является одной из самых малоизученных. Активные археологические исследования римских слоев античных городов Северного Причерноморья последних лет, а также эпиграфические материалы и данные нарративной традиции позволяют не только скорректировать или пересмотреть имеющиеся представ-

ления по данной проблеме. Но и, что весьма важно, перейти к построению исторических реконструкций.

Античные города Северного Причерноморья в I—III вв. н. э., оставаясь греческими в своей основе, испытывали в этот период влияние римской культуры. Во многом, поэтому явление рекреации получает здесь достаточно широкое распространение. В противовес классическому и эллинистическому периодам, когда рекреация скорее являлась частью досуга (в качестве релаксации) и элементом сакральной жизни полисов, в первые века н. э. она становится самостоятельным и характерным элементом жизни гражданских коллективов. Можно выделить три формы использования времени, отведенного на рекреацию: «сакральный туризм», лечение (оздоровление) и отдых, включающий как собственно релаксацию (восстановление физического и психического здоровья), так и саморазвитие личности. Под «сакральным туризмом» следует понимать посещение гражданами античных городов Северного Причерноморья общегреческих празднеств, таких как Панафинеи и Анакии в Афинах, Пифийские игры в Дельфах, попытка устройства собственных общепонтийских игр в первые века н. э. (Ольвийские Ахиллеи); оздоровление в общегреческих здравницах (Асклепион в Эпидавре) и термальных источниках. Лечение, связанное с общим оздоровлением организма в северопонтийских городах в первые века н. э. подтверждается существованием здесь храмов Асклепия, использованием гимнасiev

(херсонесский и фанагорийский гимнасии, свидетельства о гимнасиарах и неанискархах из других полисов Северного Причерноморья) и терм (Херсонес, Харакс, Кепы, возможно, Ольвия). Преодолению меланхолии способствовали вакхические и митраические мистерии, театральные представления, которые, наряду с широко распространенными комедиями и редкими трагедиями, включали зрелищные мимы и пантомимы римского образца. Отдых свой граждане городов Северного Причерноморья проводили в занятиях охотой; в разнообразных играх, в том числе и на свежем воздухе; принимая участие в симпозиях, где состязались в питии вина, коттабе, азартных играх; боях петухов. Новым явлением в первые века н. э., вероятно, было посещение выставочных залов (I—II вв. н. э., Пантиканей). Распространяется традиция выступлений знаменитых музыкантов в театрах (полисы Боспора), музыкально-литературных состязаний (Херсонес), философских диспутов на агоре (Ольвия). Появление в Северном Причерноморье культа римского императора сопровождалось устройством в отдельных полисах гладиаторских боев и травли зверей.

Следует подчеркнуть, что весь комплекс мероприятий, связанных с восстановлением и поддержанием здоровья, отдыхом и развлечением граждан в городах Северного Причерноморья, имел целью сохранение традиционных гражданских коллективов и, несмотря на римское влияние, в своей основе оставался греческим.

С. Б. Сорочан (Харьков)

К ВОПРОСУ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ РЫБНОГО РЫНКА В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

В 1981 г. мной впервые было высказано предположение о возможной локализации херсонесского рыбного рынка первых веков н. э. на Северном берегу городища, на месте XIX квартала, недалеко от берега моря, где было удобно выгружать рыбную продукцию. Это же наблюдение было повторено в монографии 1989 г., написанной в соавторстве с В. И. Кадеевым. Гипотеза основывалась на эпиграфических данных о постройке такого рынка — опсополиона агорономом Теагеном, сыном Диогена во II в. н. э. и результатах раскопок Г. Д. Белова в 1949 г. на Северном берегу. Они показали, что в римское время здесь существовала квадратная в плане городская площадь, окруженная постройками, в центре которой со временем появилось круглое, диаметром 4 м, ступенчатое сооружение — павильон площадью около 13 м, от которого остался полуокруглый плиты нижнего основания с забутовкой. Г. Д. Белов посчитал его остатком некоего «мавзолея» или основания алтаря, но хорошо известно, что постройки такой формы обычно возводили на римских рыбных рынках, чemu имеются соответствующие аналогии в римской Италии и провинциях империи. Несмотря на то, что сооружение находилось на довольно значительном расстоянии (больше 10 м) от остатков так называемого «мавзолея», анализировавший материалы раскопок Е. Н. Жеребцов, предположил, что оно относилось к этой постройке, которую интерпретировал как храм IV—V вв., существовавший на месте базили-

ки 1935 г. Этую же идею позаимствовали участники раскопок международного Причерноморского проекта (М. И. Золотарев, Д. Ю. Коробков, С. В. Ушаков и др.), которые в 1998 г. провели доисследование фундамента сооружения, подчеркнуто называя его «полукругом». Не предлагая его интерпретацию, а лишь видя гипотетическую связь уже не с храмовым комплексом, а с синагогой конца IV—V вв., якобы построенной в эпоху Феодосия Великого на месте будущей ранней христианской базилики, они указали, что в забутовке «полукруга» были обнаружены материалы, относящиеся «ко второй половине III или IV столетию», и поэтому постройка не могла быть связана с рыбным рынком. Не вдаваясь в дискуссию о древней синагоге, замечу, что наиболее поздние керамические материалы из забутовки сооружения относятся к амфорам типа 79 (по классификации И. Б. Зеест) и светильникам (рубчатым и круглым, с большим, до 3 см, отверстием для масла и резкой гранью туловы), однако и те, и другие вполне могли существовать в III в., причем, надо подчеркнуть, амфоры и светильники таких типов появились уже с конца II — начала III вв. Поэтому расставаться с гипотезой о локализации на Северном берегу рыбного рынка нет оснований, поскольку он мог продолжать действовать и в III столетии, когда, скорее всего, к нему была добавлена круглая постройка, свойственная римским рынкам. Других, более очевидных, ее интерпретаций пока не имеется.

А. А. Строков (Воронеж)

ФАНАГОРИЙСКИЙ СКЛЕП ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ РАСКОПОК В. Д. БЛАВАТСКОГО

В 1937 г. В. Д. Блаватским был исследован участок Западного некрополя Фанагории («некрополь С»), где был зафиксирован ряд захоронений эпохи Великого Переселения

народов. Среди них — погребение № 50. Этот комплекс хорошо известен исследователям не только в России и Украине, но и на Западе. К сожалению, инвентарь склепа 50/1937

опубликован очень фрагментарно в нескольких статьях В. Д. Блаватского, Н. И. Сокольского и Н. П. Сорокиной, в которых даны лишь самые общие описания с выборочными иллюстрациями предметов низкого качества. Коллекция находок из этих раскопок хранится сейчас в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Благодаря содействию сотрудников Отдела искусств и археологии античного мира С. И. Финогеновой и О. В. Тутушевой, удалось ознакомиться с инвентарем интересующего нас склепа. Захоронение представляло собой двухкамерный склеп с остатками пяти гробов для погребения взрослых и одного детского захоронения. Ориентирован он был по линии СВВ—ЮЗЗ. От входного колодца к камерам, которые имели прямоугольную форму дна и сводчатую крышу, вели маленькие узкие дромосы. В колодце найден один из закладных камней, который закрывал западную камеру. Склеп был ограблен в древности, о чем свидетельствуют грабительский ход, который вел из склепа 21/1937 (который тоже был ограблен почти полностью), а также большое количество находок во входном колодце и дромосах склепа. Самую многочисленную категорию погребального инвентаря представляют собой пряжки — 20 экз. (19 из них серебряные, лишь одна — бронзовая), большинство с массивным язычком, выступающим за пределы рамки. Изготовлены они из проволоки разной толщины. У одной пряжки рамка имела прямоугольную форму. Некоторые язычки имели зооморфную орнamentацию на хоботках, щитки (в основном прямоугольные,

несколько имели щиток округлой формы, у двух пряжек щиток украшен вставками красных камней). Также в склепе были три серебряных наконечника ремней, серебряная двупластинчатая фибула с золотыми накладками типа Смолин-Косино с пальметовидными накладками у оснований дужки, несколько краснолаковых блюд типа «поздний римский С», два меча (один в западной, другой — в восточной камере), бронзовое круглое зеркало с центральной петлей, бронзовая оправа ножен, крупные бусы, прядища (часть которых, возможно, служила в качестве застежек в подвесе мечей), золотой перстень со вставкой сердолика, золотые лепестки от погребальных. Судя по находкам, склеп принадлежал семье фанагорийцев, имевших высокий социальный статус.

Благодаря ознакомлению с музеиними коллекциями раскопок В. Д. Блаватского, удалось уточнить принадлежность отдельных находок к конкретным погребениям в склепах, уточнить их относительную и абсолютную хронологию. Инвентарь позволяет довольно уверенно датировать данный склеп эпохой D1—D2 Дунайской хронологии Я. Тейрала (конец IV — первая половина V вв.). Использовался данный склеп для захоронения членов фанагорийской семьи в течение жизни двух поколений. Данную датировку подтверждают последние исследования некрополя Фанагории О. М. Ворошиловой, которая пришла к выводу, что двухкамерные склепы неизвестны ранее IV—V вв.

I. M. Шейко (Київ)

РУЧКИ-ПЕТЛІ ВІД СВІТИЛЬНИКІВ З ОЛЬВІЇ

Значна кількість знахідок, які походять з території античного полісу Ольвія, складають керамічні світильники. Наявні аналогії у каталогах античної кераміки міст Середземномор'я дозволяють атрибутувати знайдені світильники, обмежені рамками пізньоархаїчного — класичного часу як такі, що належать як до довізних типів, так і до місцевих. Світильники ольвійського походження є частиною місцевого керамічного виробництва, яке почалось, згідно з новими даними, з розкопок Борисфену, не пізніше середини VI ст. до н. е. Освітлювальні прилади вказаного часу з Ольвії представлені екземплярами з сірої, світлої та червоної глини.

Слід відзначити, що поруч із відкритими, напівзакритими та закритими світильниками трапляються відкриті форми з вертикальними ручками-петлями у центрі вмістилиць, які також виготовлено з різної глини. Відсутність подібних петель серед керамічних колекцій решти міст Північного Причорномор'я, у тому числі й Боспору Кіммерейського, дають змогу припускати їхне місцеве ольвійське виробництво.

Поки що виявлено 17 довізних ручок, та 50 місцевого виробництва. Основним критерієм довізних виробів є наявність суцільного лакового покриття смугами, та червона глина без візуальних домішок у тісті. Зокрема, відомі одноріжкові світильники з такими ручками, що походять з колекції Смірни архаїчного часу. Дана аналогія дає можливість припускати імпорт подібних виробів саме з території Північної Іонії. Також слід зазначити, що «смугасті» петлі з Іонії могли стати певним поштовхом для місцевого ольвійського виробництва подібних форм.

Ольвійські екземпляри повторюють довізні типи за формою, проте виготовлені переважно з сірої та світлої

глини, з сірим лощенням поверхні виробу. Сіролощені світильники поки не мають аналогій серед колекцій кераміки з інших міст Північного Причорномор'я.

Сіроглинняний дворіжковий світильник з ручкою-петлею було знайдено в Ольвії у 2012 р. в одній з господарчих ям на ділянці Р-25. Поверхня виробу вкрита чорним лощенням. Даний екземпляр завдяки археологічно цілій формі, дає можливість уявити зовнішній вигляд подібного типу освітлювальних приладів. Комплекс зі згаданої ями датується першою четвертю V ст. до н. е.

Аналогією подібні петлі може слугувати екземпляр, знайдений на Делосі — цілий дворіжковий напівзакритий світильник з ручкою. Характерно, що ручка також порожниста, а отже, робити висновок про те, що подібні ручки-петлі належали виключно до ранніх типів світильників, передчасно. Також відомі бронзові репліки світильників з ручками-петлями, які доживають до V—IV ст. до н. е., знайдені на території Фракії та Придніпров'я.

Таким чином, дворіжкові світильники з вертикальними ручками-петлями складають достатньо рідкісний тип виробів навіть в ольвійській керамічній колекції. Їхні прямі аналогії з глини представлена з-поміж усього середземноморського регіону поки лише поодинокими екземплярами. До того ж, наявність даного типу світильників виключно на території античного міста Ольвія та поселень її хори, свідчить про місцеве виробництво останніх. Цим ольвійська колекція пізньоархаїчного — ранньокласичного часу відрізняється від синхронної боспорської і дозволяє виділити регіональні відмінності у місцевому виробництві даного типу керамічної продукції.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

С. С. Казаров (Ростов-на-Дону)

ГОЛУБЬ КАК СИМВОЛ ДОДОНЫ

Геродот во второй книге своей «Истории», приводя одну из версий основания додонского оракула, повествует об услышанном лично им рассказе от жрецов храма Зевса в египетских Фивах (II. 54). Содержание рассказа заключается в том, что две женщины, жрицы из Фив, были увезены отсюда финикийцами. Одна из них была продана в Ливию, другая — в Грецию, где они обе и положили начало оракулам в упомянутых странах. Несколько иную версию основания оракулов Геродот услышал в Додоне. Согласно ей, из египетских Фив вылетели две черные голубки, одна из которых улетела в Ливию, другая — в Додону. Та, что прилетела в Додону, села на дуб и человеческим голосом передала волю божества воздвигнуть здесь прорицалище бога Зевса (II. 55).

Передавая этот рассказ, Геродот предпринимает попытку рациональной переработки собственной версии, согласно которой жители Додоны назвали голубицами этих женщин потому, что они говорили на незнакомом им языке, который казался им щебетаньем. Каково же место голубя в символике и вообще в истории додонского оракула?

Пассаж Геродота вызвал сомнения у ряда ученых, в особенности у М. П. Нильссона. В противоположность ему, П. Р. Франке и В. Петшнер попытались найти свидетельства, в той или иной мере подтверждающие рассказ Геродота, и, в первую очередь — данные нумизматики.

Первым делом, нельзя не учитывать того факта, что вообще в древности звуки и поведение многих животных, особенно птиц, рассматривались как разновидность некого пророчества. По мнению некоторых исследователей, в Додоне существовала практика, согласно которой учрчанье, издаваемое реально голубями в святилище, интерпретировалось в качестве пророчеств особой категорией жрецов, которых также называли «голубями». Подтверждение этому мы находим у Эсхила: «люди-голуби» передавали вопрошающим послания, отправленные якобы настоящими голубями.

Некоторые данные позволяют указать нам на некую связь между священным дубом и голубями. Однажды некий дровосек попытался срубить священный дуб, но говорящий голубь предостерег его от этого необдуманного поступка. Даже в другой версии основания Додонского оракула — мифа о прибытии сюда после Потопа Девкалиона и Пирры, вновь фигурирует голубь: именно он с насеста на дубе вещает Девкалиону, что ему следует предпринять в дальнейшем. Кстати, известный прорицатель Мопс, сын Манто, также узнавал будущее, слушая щебетание птиц.

Что касается материальных свидетельств, то здесь необходимо упомянуть одну бронзовую монету из Эпира, которая долгое время находилась в собственности монастыря св. Флориана в Верхней Австрии и которая наряду с другими греческими древностями монастыря оказалась в 1957 г. на аукционе, а в 1961 г. была приобретена известным историком-антиковедом П. Р. Франке. На аверсе монеты справа изображен сидящий на скале орел, и справа наверху отчеканена надпись APEIROTAN. На реверсе изображен дуб, на котором видны не только его листья, но и желуди. На вершине сидит один голубь, который смотрит направо, два других голубя сидят у основания дерева. Другой идентичный образец хранится в кабинете монет в Национальном музее в г. Афины, который стал широко известен благодаря директору И. Варуша-Христодопулу в 1956 г. Изображенные здесь священный дуб, три голубя и священный орел Зевса находятся в неразрывной связи и являются символами, характерными признаками Додоны. Нельзя также не упомянуть находки бронзовых голубей, обнаруженных во время раскопок в окрестностях Додоны, а также фигурку женщины с голубем в руке. Все эти памятники материальной культуры подтверждают имеющуюся в нашем распоряжении литературную традицию и доказывают, что пассаж о голубях не был исключительно выдумкой Геродота.

С. Д. Литовченко (Харьков)

«ЭРА ПОМПЕЯ» В ВЕЛИКОЙ АРМЕНИИ

В эпоху эллинизма хронологические эры приобретают ярко выраженное политическое значение. Учреждение новой эры должно было символизировать, как правило,

весомое политическое изменение в государственной жизни. Тем более политическим можно считать принятие новой эры летоисчисления, в основе которой лежит

деятельность иностранного государственного деятеля. К разряду таких эр относится и «эра Помпея», учрежденная в некоторых ближневосточных городах после знаменитого похода Гнея Помпей на Восток. Тем более важно разобраться в проблеме существования такой эры в Великой Армении, попавшей в сферу римского влияния именно в ходе восточной экспедиции римского полководца.

Проблема появления в Великой Армении так называемой «эры Помпей» может быть условно разделена на две составные части. Во-первых, необходимо установить обстоятельства возникновения и адаптации новой системы летоисчисления в Армении. Во-вторых, следует рассмотреть факты, которые могут свидетельствовать, по мнению исследователей, о применении «эры Помпей» в Армении.

Обстоятельства политических контактов Помпей и Тиграна II достаточно хорошо освещены в исторических источниках, что, вероятно, вызвало появление многочисленных гипотез, предложенных современными исследователями. Однако не вызывает сомнений факт подчинения армянского царя римскому полководцу и превращения Великой Армении в союзное Риму государство. В то же время, характер установления союза, во многом благодаря дипломатическому такту Помпей, не носил характера безоговорочной капитуляции. За Тиграном II сохранились не только часть завоеванных земель, но даже его имперский титул «царь царей». Сам Помпей неоднократно подчеркивал уважение к новому союзнику. В таких условиях демонстративное введение новой эры, носящей ярко выраженный колониальный характер, выглядит совершенно необоснованным. Кроме того, именно после 66 г. до н. э. Тигран II чеканил монеты с указанием лет собственного правления, но не какой-либо новой эры.

Единственным, но достаточно спорным, упоминанием «эры Помпей» можно признать символы на нескольких бронзовых монетах, которые датируются в диапазоне от первого века до н. э. до второго века н. э. Несмотря на такой значительный хронологический разброс, многие исследователи склонны датировать чекан монет концом I в. до н. э. В этом случае некоторые буквы ($\Theta\Xi = 69$; $Z\Xi = 67$) можно действительно отождествить с 66 г. до н. э. и допустить, что они символизируют счет лет по эре, введенной в Арташате в честь похода Помпей в Армению. Однако предлагаемая гипотеза, на наш взгляд, не может быть признана окончательно доказанной. Далеко не все исследователи согласны с предлагаемой датировкой монет. Нет пока объяснения, почему предполагаемая эра фиксируется намного позже времени своего основания и столь редко встречается на монетах. Неясно, какие обстоятельства могли привести к появлению дат по «эре Помпей» именно на муниципальных монетах Арташата. К тому же, начальная точка отсчета армянской «эры Помпей» не совпадает с точкой отсчета «эры Помпей» в эллинистических городах Востока.

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент у нас нет объективных причин признавать цифры на муниципальном чекане Арташата датами по «эре Помпей». Тем более, нет никаких свидетельств о принятии подобной эры в 60-е гг. I в. до н. э. в Арташате. Само же допущение о введении «летоисчисления по Помпей» противоречит логике римско-армянского союза. Вероятно, власти Великой Армении не испытывали необходимости в учреждении какой-либо эры летоисчисления по примеру правителей эллинистических государств, но ограничивались фиксацией на монетах годов правления монарха, как это делали Тигран II и Артавазд II.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

КУЛЬТ ОСНОВАТЕЛЯ ГОРОДА И КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

В научной литературе бытует точка зрения о том, что почитание эллинистических монархов в названных по их имени городах имеет лишь косвенное отношение к феномену эллинистического культа правителя. В этом почитании, по мнению многих исследователей, проявлялась, в первую очередь, не эллинистическая практика почитания монархов, а известная со времен архаической Греции традиция чествования основателя города. Между тем, источники позволяют предполагать, что культ ктиста «царского города» сыграл важную роль в становлении культа правителей в эпоху раннего эллинизма.

Первые факты почитания монарха-основателя города относятся еще к эпохе Филиппа II. Он удостоился культового чествования в основанных им Филиппах и Филиппополисе, возможно, уже при жизни. Есть также основания полагать, что его прижизненный культивировался как «нового основателя» города отправлялся в Амфиболе, где еще ранее — в конце V в. до н. э. — была засвидетельствована практика «замены» ктиста города в соответствии с новой политической конъюнктурой.

О прижизненном культе Александра Македонского в основанных им городах свидетельств не сохранилось.

Посмертное почитание Александра засвидетельствовано только в Александрии Египетской. Оно было организовано Птолемеем около 318 г. до н. э. после захоронения в городе тела македонского завоевателя. Этот кульп, видимо, изначально имел тенденцию к превращению в общегосударственный кульп Александра для всей державы Птолемея.

Из диадохов при жизни почетнейший основатель первым удостоился Кассандра в Кассандрии. Он почитался в этом городе как архетет. Видимо, тогда же жрец Кассандра стал эпонимным для города, причем его именем датировались и распоряжения самого царя. Примечательно, что имя Кассандра в титулатуре жреца при этом не упоминалось. После того, как Македония попала под власть Лисимаха, эпонимным в Кассандрии стал жрец Лисимаха. Такая эволюция эпонимного культа свидетельствует о постепенном превращении полисного культа основателя в почитание царя Македонии.

Аналогичная ситуация имела место и в Александрии. Около 294 г. до н. э. кульп Александра стал здесь эпонимным, причем не только для города, но и для всей державы Птолемея. В титулатуре жреца имя Александра также не

упоминалась. В 271 г. до н. э. Птолемей II присоединил к этому культу культ «богов-Адельфов», то есть самого себя и своей жены-сестры Арсинои II, окончательно превратив таким образом почитание Александра как основателя города в общегосударственный династический культ Птолемеев.

Традицию городского культа основателя использовал в своих интересах также Деметрий Полиоркет, который, ориентируясь на мифологические и исторические предшественники, в 303 г. до н. э. «переосновал» Сикион и переименовал его в Деметриаду, получив при этом богоизбранные «почести ктиста». После смерти Деметрий был погребен в основанной им Деметриаде Пагасийской, где отравлялся его кульп как основателя города и державы Антигонидов. Также и Селевк был погребен и почен как бог

в основанной им и названной по его имени Селевкии Пиерийской. На основе его культа в этом городе впоследствии создавался династический государственный культ Селевкидов.

Таким образом, традиция почитания основателя города активно использовалась первыми эллинистическими правителями для институализации их собственного почитания в пределах монархии. Это было вызвано как большим значением «царских городов» в эллинистической политике и идеологии, так и тем, что в условиях зарождающейся эллинистической монархии диадохи, еще не имея разработанных способов утверждения собственного почитания, вынуждены были опираться в этом отношении на полисные культуры.

O. M. Петречко (Дрогобич)

DAMNATIO MEMORIAE У ДОБУ ПРИНЦИПАТУ

Покарання засудженням пам'яті було притаманне не лише стародавнім римлянам. У середині II тис. до н. е. Тутмос III нищив ім'я Хатшепсут у написах та усуває її зображення. У книзі Екклезіаста висловлена схожа ідея. Текст Вульгати містить такі рядки: *«frustra enim venit et pergit ad tenebras et oblivione delebitur nomen eius»*, «Бо в марноті прийшов він, і в темряву йде, і в темряві сховане буде імення його» (переклад Івана Огієнка).

Термін *damnatio memoriae* широко використовується у сучасній історіографії, хоча не вживався у Стародавньому Римі. Сам термін є коректним, але послуговуватися ним потрібно із застереженнями, позаяк важко бути впевненим у тому, що він докладно означає. У довідниках його пов'язують з *maiestas* та *perduellio*. Сьогодні під *damnatio memoriae* здебільшого розуміють оголошення сенатом особи ворогом держави та знищення пам'яті про неї після її смерті.

Римляни могли накласти на конкретну людину чи те покарання, сукупність яких ми окреслюємо терміном *damnatio memoriae*. Мета цього покарання полягала у тому, щоб вилучити винного громадянина з його сім'ї та общини, ніби його ніколи не існувало. У IV ст. до н. е. Марк Манлій був засуджений до смертної кари. Окрім того, були вжиті заходи щодо засудження його пам'яті. Патриціям було заборонено поселятися навколо Капітолію, у районі, де стояв будинок Манлія. У роді Манліїв було заборонено давати дітям ім'я Марк Манлій.

У добу Імперії засудження пам'яті застосовували щодо політичних противників. Ймовірно, воно накладалося на винну особу рішенням сенату як додаткове покарання. Перше політично вмотивоване рішення про *damnatio memoriae* було прийнято сенатом щодо Марка Антонія. Сталося це, мабуть, одразу після біля мису Акцій, ще до смерті Антонія. Мабуть, усталеної форми накладання кари у таких випадках не існувало. Щодо *damnatio memoriae* Антонія було застосовано ряд заходів. День його народження (14 січня) оголосили *dies vitiosus*, членам його роду заборонили використо-

вувати преномен Марк, усі зображення (*eikón*) Антонія були усунуті, призначені раніше йому почесті були відмінені. Таціт говорить про те, що ім'я Антонія не було вилучене з факт. Карстен Ланге наголошує на тому, що у джерелах ім'я Антонія певний час не згадувалося і це було наслідком *damnatio memoriae*. Згодом це змінюється, і Антоній згаданий у восьмій книзі Енеїди. Зміна, на думку дослідника, сталася після прибуття Октавіана у Рим. Не зважаючи на рішення сенату ім'я *Antonii* було відновлене у *Fasti Consulares*. Сенат не володів інформацією щодо того, якого роду почесті Октавіан готовий прийняти, і з огляду на це діяв хибно. Октавіан відхилив *damnatio memoriae* Антонія, який був зbezечений, але не забутий. Карстен Ланге доходить висновку, що не існувало офіційного рішення не згадувати Антонія.

У 16 р. н. е. Марк Скрибоній Ліbon Друз був звинувачений у підготовці державного перевороту (*res novas clam moliebatur*). Сенат заборонив використовувати його зображення у похованських церемоніях, роду Скрибоніїв було заборонено уживати когномен Друз. У 20 р. н. е., не дочекавшись вироку, вчинив самогубство Гней Кальпурній Пізон. Його син змушений був змінити ім'я Гней на Луцій. Вилучення його імені з факт не відбулося лише через втручання імператора Тіберія, який суттєво пом'якшив вирок, винесений після смерті Пізона сенатом. Зберігся текст постанови сенату, відомий сьогодні як *Senatus consultum de Cn. Pisone patre*, який повністю підтверджує та доповнює відомості Таціта. Сенатусконсульт передбачає ряд заходів, у контексті *damnatio memoriae* Пізона. Жінкам було заборонено оплакувати смерть засудженого, як це передбачено звичаєм предків: *ne quis luctus mortis eius causa a feminis quibus {e}lis more maiorum* (рядки 73–74); його статуй та зображення, незалежно від місця розташування, мали бути усунуті: *utiq(ue) statuae et imagines Cn. Pisonis patris, quae ubiq(ue) positae essent, tollerentur* (рядки 75–76) etc.

Низка римських імператорів також зазнала покарання *damnatio memoriae*.

И. П. Сергеев (Харьков)

ОБ УЧАСТИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД КРИЗИСА III ВЕКА

Основными политическими игроками на политической арене Римской империи в период кризиса III века были армия и сенат. Однако иногда определенное участие в политических событиях этого времени принимало и гражданское население империи.

В 235 г. н. э. в некоторой степени положение жителей придунайских провинций отразилось на судьбе последнего правителя династии Северов.

В 238 г. н. э. жители Рима, Италии и провинции Африки активно участвовали в решении вопроса о правителе империи.

В 60–70-е годы III века население придунайских провинций, провинций римского Востока и Запада составляли социальную опору ряда узурпаторов императорской власти.

Однако в целом гражданское население империи в годы кризиса являлось скорее не субъектом, а объектом и жертвой политической борьбы: страдало от вторжений варваров, противоборства претендентов на императорский престол.

А. А. Синицын (Саратов/Санкт-Петербург)

IMAGO BARBARORUM-I: О ВОСПРИЯТИИ ОБЛИКА ПРИЧЕРНОМОРСКИХ НОМАДОВ В ГРЕЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Конференция по проблемам древней и средневековой истории и археологии, проводимая ХИАО и ХНУ, дает возможность обсудить широкий круг вопросов истории материальной и духовной культуры народов Евразии. Для нас особый интерес представляют межкультурные контакты на северо-востоке периферии античного мира и проблема восприятия эллинами облика скифов в классическую эпоху. В нашем распоряжении имеются сотни знаменательных античных памятников, которые позволяют судить об облике причерноморских nomadov. Торевтика, иконография и сохранившиеся письменные источники свидетельствуют о том, что представители скифской культуры носили длинные волосы. Выскажем замечания об изображении «косматых варваров» в греческом искусстве.

Образ длинноволосых скифов запечатлен на многих памятниках с изображением бытовых и мифологических сцен: рельефные фигуры на большой серебряной амфоре из Чертомлыкского кургана, изображения скифских воинов на предметах из Куль-Обы, на серебряном сосуде из воронежских Частых курганов, на золотой пекторали из Толстой могилы; фигуры на золотом гребне, позолоченном серебряном сосуде и серебряной обкладке горита из Солохи; рельефное изображение шести скифов на позолоченной серебряной чаше из Гаймановой могилы, сцены сражений скифов с греками на золотых обкладках ножен меча из Чертомлыка, Чаяна и восьмого Пятибратнего кургана, батальная сцена на обломке каменного «Боспорского рельефа», фигуры пеших и конных воинов на пластинах, пряжках, монетах и проч. На наш взгляд, облик «варваров», запечатленный античными мастерами, соответствовал общему восприятию чужаков эллинской

аудиторией, на которую эта продукция и была ориентирована.

Соседей-скифов художники представляли с шевелюрой до плеч, а на некоторых рельефах у фигур волосы ниспадают за спину. Художественные образы, стилизованные *à la grecque*, с уложенными волосами, линии прядей раздельные, обычно четко прорисованные; локоньи имеют различную форму: они переданы прямыми или ленточными и спиральными линиями. У многих мужчин волосы зачесаны назад, а остриженная челка опускается на лоб; длинные волосы распущены либо завиты в косички, обхвачены лентой или с заколками для высоких причесок. На некоторых изображениях волосы скифских воинов выбиваются из-под головных уборов — остроконечных колпаков или башлыков.

В статье «Ношение волос и бороды у скифов» (1991) Р. Ролле поместила прорисовки типовых изображений мужских и женских скифских причесок с античных рельефов — своего рода «модельные стрижки» (*Fassonschnitte*). Немецкая исследовательница не приняла в расчет богатейший «архив» аттической иконографии. Образ «скифоидных лучников» был устойчив в искусстве Афин VI—V вв. до н. э. Большинство изображений «варваров» в вазописи позднеархаической и классической эпох — это бородатые воины в пестрых одеждах и «скифском» колпаке, также с длинными волосами, выбивающимися из-под головных уборов. В «скифоидном» образе есть что-то забавное (часто — комичное) и диковинное, но отнюдь не свирепое и дикое. Иконографические «варвары» обыкновенно «причесаны» и привлекательны, их облик не вызывает у зрителя отвращения или ужаса. Изображения чужаков на памятниках классического искусства свидетельствуют

отчасти о художественном вкусе античных мастеров, но, как было сказано, они отражают общее восприятие «варваров». По-видимому, греческие мастера руководствовались возросшим спросом на восточную экзотику.

Иного рода *imago barbarorum* мы встречаем в античной литературной традиции, где определение *косматый*

зачастую характеризует дикаря-номада. Здесь указание на «стрижку» *à la scythique* стало топосом описания внешнего вида, противного взору грека, *cota longa* «варваров» вызывали отвращение «цивилизованного» европейца. И это еще один аспект наследия межкультурных отношений, который требует специального обсуждения.

E. V. Смыков (Саратов)

РИМСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР (к 100-ЛЕТИЮ ВЫХОДА КНИГИ Т. ФРАНКА)

Под словом «современный» в этом докладе понимается мир за последние сто лет, зигзаги истории которого во многом повторяют концепция «римского империализма».

Понятие «империализм» первоначально означало имперскую систему правления и было впервые употреблено в 1858 г. Изменение его значения происходит в связи с экспансионистской политикой британского правительства, и только с 90-х гг. XIX в. слово приобретает значение, связанное с политикой расширения империи. Для того времени это было модное словечко, и оно быстро нашло применение, среди прочего, в древней истории. Так, его широко употреблял Г. Ферреро в своем известном труде. Окончательно узаконил термин «римский империализм» и придал логическую стройность всей концепции Т. Франк в книге, вышедшей в 1914 г. Он нарисовал картину мирного народа, испытывающего отвращение к экспансии, но вынужденного воевать и расширять пределы своих владений. Эта концепция, выраженная у исследователя на предельно общем уровне, без тщательной работы с источниками, стала основой двух наиболее популярных на Западе концепций — оборонительного империализма и случайного империализма. В ней, несомненно, нашел отражение опыт империализма Нового времени. Характерно, что только в России, остававшейся чуждой европейским колониальным практикам, а затем в Советском Союзе, римский империализм толковался как политика агрессии.

Начиная с 60-х гг. в мировом антиковедении появляется все больше исследователей, которые подчеркивают агрессивный характер римского империализма, что неудивительно в эпоху краха колониальных империй. Знаковыми здесь являются работы Э. Бэдiana (1967) и У. Хэрриса. Последний, в частности, показал военизированный характер римского общества, а также всеобщую заинтересованность в войне и добыче. С его точки зрения, «миролюбие» римлян очень сильно преувеличено. Работа Хэрриса заставила изменить свои взгляды многих приверженцев теории «оборонительного империализма», в том числе и столь маститого ученого, как Ф. Уолбэнк.

Еще одно направление критики традиционных взглядов связано с отрицанием возможности применения термина «империализм» к древней истории. Эта мысль была активно разработана Э. Грюеном. В его фундаментальном труде проблема империализма заменяется проблемой взаимодействия народов, у которых исторически сложились разные, хотя и не антагонистические, типы политической культуры.

Тем не менее, списывать концепцию в архив было еще рано. Вопрос вновь очень остро встал в период глобализации и формирования однополярного мира. При этом ответы на него даются с разных сторон, как сторонников, так и противников глобализации. Один из крупнейших американских романистов А. Экстайн предлагает те характеристики, которые Хэррис выводит для Рима (милитаризм, воинственность, агрессивность дипломатии), применить к другим государствам Средиземноморья. Итогом этого является признание того, что все они характерны и для великих держав, и для государств среднего размера, и даже для мелких. Рим был всего лишь агрессивным государством среди других агрессивных государств, империалистом среди других империалистов. Исходя из этого, он приходит к полному принятию римской агрессии как единственной силы, способной внести порядок в раздираемый анархией мир. Стоит отметить, что в подстрочниках он проводит прямые аналогии с ролью США на постсоветском пространстве и в странах бывшего социалистического лагеря.

С другой стороны, в европейской науке все отчетливее проявляется враждебное отношение к Римской империи. В отличие от «положительной» картины, где материалом служит история завоеваний, «отрицательная» картина концентрируется на романизации завоеванных территорий, которая, в отличие от традиционных подходов, получает более или менее резкую оценку, критерием которой служит уничтожение римлянами самобытных цивилизаций варварских народов.

Таким образом, в постколониальную эру римский империализм вновь оказывается не только историографической, но и острой идеологической проблемой.

А. Б. Сулейманова (Белгород)

ПРЕДПОСЫЛКИ ГАЛЛЬСКОГО И ПАЛЬМИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА В ПЕРИОД КРИЗИСА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III В.

III век стал для Римской империи одним из труднейших исторических моментов. Всеобщий кризис парализовал все сферы жизни общества. Многочисленные узурпаторы стремились завладеть императорским престолом или создать собственные «государства». Особого внимания заслуживают правители двух римских провинций: Галльской и Пальмирской. Именно на этих территориях были созданы два относительно долговечных и независимых государственных образования — Галльская империя Постума и Пальмирское царство Одената. Оба государства возникли в 60-х гг. III в. и были уничтожены императором Аврелианом, просуществовав около 10 лет. Однако само их возникновение стало возможным, благодаря многочисленным предпосылкам экономического, внешне- и внутриполитического характера.

После убийства Александра Севера в 235 г. и воцарения Максимиана Фракийца в Риме начинается период так называемых «солдатских императоров»: правители смениют друг друга с калейдоскопической скоростью, многие из них не могут удержаться на вершине власти и года. Легионы и сенат выдвигали «своих» претендентов на престол. Часто судьба правителей зависела от сиюминутного каприза рядовых легионеров. После прихода к власти Галлиена, при котором «государство было охвачено смутой на протяжении всего круга земель» (SHA. Gall. duo. III.1), один за другим вспыхивают очаги нестабильности и сепаратизма.

И Постум, и Оденат первоначально были представителями императора, его наместниками и военачальниками, призванными обеспечить оборону границ империи на Западе и Востоке (Zos. I. 38–39). Сложившаяся ситуация позволила им значительно укрепить свои позиции. Кроме того, необходимость постоянно отражать атаки на границы, вторжение готов, с одной стороны, и нападок Сасанидов, с другой, привели к тому, что и Оденат, и Постум совершенствовали свои военные формирования и, как следствие, укрепляли свою мощь.

Более того, успешная защита своих территорий привела к росту их популярности и к осознанию жителями своей самодостаточности.

Конечно, возвышение территорий этих окраинных провинций не было возможно без экономического фундамента, который формировался на протяжении долгого времени. И Галлия, и Пальмира представляли собой развитые экономические регионы. В галльской экономике огромную роль играли ремесла: галльская керамика к середине III в. была широко распространена и известна по всей империи, а галло-римские архитекторы и мастера-строители имели лучшую репутацию. Пальмира — «караванный город», который добился политического могущества и экономического благосостояния, благодаря удачному географическому расположению на восточных торговых путях. Пальмира являлась одним из богатейших городов Сирии. Пальмирские торговые колонии создавались не только по всему Востоку, но и появлялись в Риме, Галлии и Испании. Высокий уровень экономического развития способствовал экономической самостоятельности этих регионов.

Не стоит забывать и о роли личности в становлении Галльской и Пальмирской провинций, как независимых государств. Оба правителя являлись представителями привилегированных слоёв римского общества. Однако в случае Постума мы имеем один из многочисленных в то время примеров командующего, а затем — императора, выслужившегося из простых легионеров (SHA. Tigr. trig. III.1), а Оденат являлся представителем местной, пальмирской, знати (SHA. Tigr. trig. XV.1). Судя по характеристикам, которые встречаются в источниках, оба они были талантливыми военачальниками, отличавшимися также личной храбростью (SHA. Tigr. trig. III., XV). Кроме того, мы встречаем упоминания о них как о харизматичных лидерах, способных вести за собой. Сочетание вышеупомянутых факторов и сделало возможным появление на исторической карте Галльской и Пальмирской империй.

А. Г. Чередниченко (Белгород)

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ ОДНОМ ИЗ ДРЕВНИХ НАЗВАНИЙ ДАРДАНЕЛЛ — ΒΟΡΥΣΘΕΝΗΣ

Элий Геродиан, Гесихий Александрийский и Стефан Византийский сохранили указания на то, что название Ворусθένης (-ους) первоначально относилось вовсе не к Данапрису-Днепру, а к Геллеспонту-Дарданеллам (Ael. Herodian. De prosodia catholica III; Hesych. Alexandr. Lexicon s.v. Ворусθένης; Steph. Byz. s.v. Ворусθένης). Данный гидроним имеет греческое происхождение. Этимология его связана к др.-греч. βρυχάομαι ‘реветь, рычать’, др.-греч. поэт. βρύχημα (-τος) п. ‘рёв’, др.-греч. поэт. βρύχιος ‘глубокий’, др.-греч. эп. поэт. σθένος (-εος) п. ‘физическая сила, сила, крепость, могущество’, др.-греч.

σθενώ ‘делать сильным, укреплять’, др.-греч. σθένω ‘быть сильным, иметь силу’, др.-греч. σθενής ‘сильный’. В штормовую погоду воды Дарданелл действительно издают сильный шум, подобный рёву. По всей видимости, название ‘Борисфен’ было перенесено на Днепро-Бугский лиман и низовья Днепра обитавшими на берегах Геллеспонта эолийцами и ионийцами (возможно, выходцами из Кизика), участвовавшими в милетской колонизации Северо-Западного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э. и основании эмпория борисфенитов на острове Березань.

**ЕТРУСК ФЕЛСНА: З ГАННІБАЛОМ ЧИ ПРОТИ НЬОГО
(ДО ІНТЕРПРЕТАЦІЇ НАПИСУ TLE, № 890)**

Епіграфічні пам'ятки могли би суттєво доповнити наші знання про участь етрусків у визначних історичних подіях.

Проте більшість із них — це епітафії на могилах, що містять мало історичної інформації.

Щасливим виключенням є напис з міста Тарквіній II ст. до н. е. (некрополь Вілла Тарантола), який варто навести повністю: «felsnas: la: lethes: svalce: avil: CVI: murce: capue: tleche: hanipaluscle» (TLE, № 890). Напис частково дешифровано і зрозуміло, що його присвячено покійнику Ларту Фелсні, сину Летея, що прожив (svalce, типовий похованний термін), мабуть, рекордні для етрусків 106 років і мав якесь відношення до Капуї та Ганнібала.

Втім, якщо сувро слідувати правилам граматики етруської мови (вони останнім часом досить чітко окреслені), можна не лише розтлумачити весь текст, а й пов'язати його з античною традицією про Ганнібалову війну.

Напис починається дещо незвично — з гентильного імені, а не з преномена, але в Тарквініях це не було рідкістю (наприклад, CIE, № 5424; 5431; 5474). Слово «murce» за закінченням -se визначено як перфект. У інших текстах воно рідко зустрічається, наприклад, у відомій «Книзі мумії» III ст. до н. е. лише раз (TLE, № 1^{XI, 6}). Однак відомі написи, де виділено іменники з основою «mig». Наприклад, у тому ж Загребському тексті «migr» (TLE, № 1^{VII, 13}), «migr» (TLE, № 1^{XI, 8}), написи з Сан Манно (район Перузії) «migrza» (TLE, № 619 = CIE, № 4116), будівельний напис із Тарквіній IV—II ст. до н. е. «migr» (TLE, № 135). Біля цих іменників стоять числівники, а контекст свідчить про їхне приблизне значення «посуд, судина, урна». Тому діеслово минулого часу «murce» доречно було би перекласти «містився, знаходився».

Лише приблизно можна розкрити значення виразу «tleche: hanipaluscle». У написі з Сан Манно маємо вираз із займенникою енклітикою «-sle» «thaure lautne-sle» (у гробниці сімейній) (теж саме у TLE, № 245: «velturuscles» (Велтурова)). Тому весь вираз, враховуючи можливе значення «tleche» (військо, війна), треба розкрити як «у війні Ганнібаловій» (пор.: Appiani Bellum Hannibalicum). Отже, переклад напису буде: «Фелсна Ларт, (син) Летея, прожив 106 років, знаходився у Капуї у війні Ганнібаловій».

Висловлювалися припущення, що персонаж напису був етруським найманцем на карфагенській службі

(Дж. Франко), або воював на боці римлян (Ж.-П. Тюйє, А. Фурньє). Були дослідники, які не надавали переваги жодній із версій (Л. Бонфанте, Дж. Браун). Найбільш привабливо виглядає гіпотеза про участь Фелсни у перузінській когорті, яка, згідно з розповіддю Т. Лівія, разом із когортю з Пренесте тримала оборону міста Касілін (три милі від Капуї) проти карфагенян на чолі з самим Ганнібалом взимку 216 — навесні 215 pp. до н. е. (Liv., XXIII, 17, 11–20, 3).

На її користь свідчить наступне. По-перше, напис навряд чи міг уславлювати ворога Риму. По-друге, етруски загалом підтримували римлян (Polyb., II, 24) (за виключенням Арреція, де у 209 р. до н. е. було повстання (Liv., XXVII, 24, 2)). По-третє, гентильне ім'я «felsna» здебільше зустрічається у написах північної Етрурії, в тому числі й у Перузії. Більше того, столиця етруської колонії у долині річки Пад мала назву «Felsina» (нині Болонья) (Plin., N. H., III, 115; Liv., XXXIII, 37, 3). Етруско-логи вважають, що ця латинізована назва етруською вимовлялася як «velzna», так само як Вольсінії у власне Етрурії. Важлива вказівка Сервія, що засновник Фельзіни Окн був сином (чи братом) Аулета, засновника Перузії (Serv., Aen., X, 198).

По-четверте, промовистим є ім'я батька Фелсни. З одного боку, в етрусків існував міф про гору Летеон, яка простягалася з підземного світу, один із богів якого звався Letham. З іншого боку, прізвиська етруських рабів також мали основу «leth». Очевидно, так етруски нарікали чужоземців, в тому числі й невільників, прибульців з-за гір, горян. Тож Ларт Фелсна, син Летея, міг походити з Перузії, міг взяти участь у війні з Ганнібалом і опинитися серед тих трьох сотень щасливців, які змогли за викуп звільнитися з облоги (Liv., XXIII, 19, 17), а на схилі років оселитися в Тарквініях.

Таким чином, напис із Тарквіній може бути звісткою про долю звичайного етруска у бурямні роки Другої Пунічної війни, учасника римської допоміжної когорти із етруського міста Перузія у боях за місто Касілін, біля Капуї.

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ В VII—XVII ВВ.

B. С. Аксёнов (Харьков)

ПРЯЖКИ-ПУГОВИЦЫ ИЗ РАКОВИНЫ В КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОДОНЦОВЬЯ

В катакомбных захоронениях аланского населения салтово-маяцкой культуры достаточно часто встречаются так называемые пряжки-пуговицы из раковины моллюсков. Так, в коллекции Харьковского исторического музея на сегодня хранится 91 такое изделие, которые происходят из 53 катакомбных захоронений целого ряда могильников региона. Так диски из раковины были найдены: в 6 катакомбах из 22 исследованных на Старо-Салтовском могильнике; в 2 из 18 погребальных комплексов Рубежанского могильника; в 22 из 76 катакомб Верхне-Салтовского-I могильника; в 19 из 109 катакомб Верхне-Салтовского-IV могильника; в 4 из 25 катакомб Верхне-Салтовского-III могильника.

Представленные в коллекции пряжки-пуговицы имеют форму круга или овала, в центре которого расположено небольшое отверстие круглой формы. Некоторые экземпляры имеют еще одно дополнительное отверстие меньшего размера, расположенное между центральным отверстием и краем диска. В двух случаях (кат. № 50, 59 BCM-I) в маленькие отверстия дисков были вставленные бронзовые пластинчатые петельки для подвешивания к ним каких-то предметов. Два диска (кат. № 96, 118 BCM-IV) несут следы ремонта, указывающие на то, что ими дорожили. Размеры дисков колеблются от 2,5 см до 6 см в диаметре. При этом довольно часто диски маленького размера имеют перламутровую, блестящую поверхность, что сближает их с миниатюрными зеркальцами-пуговицами, которые выполняли роль оберегов, призванных отпугивать злых духов. Диски большого диаметра в основном молочно-белого цвета.

Состояние самих дисков, материал из которого они были изготовлены свидетельствуют, что они не могли выполнять роль пряжек или пуговиц, хотя по форме и размерам они совпадают с пряжками бабинской культуры эпохи бронзы, изготовленными из кости или рога. Диски из раковин в аланских погребениях салтово-маяцкой культуры, скорее всего, выполняли роль своеобразных амулетов-оберегов. Подтверждается это присутствием таких дисков в составе нагрудных амулетов

у аланского населения Северного Кавказа X—XIII вв. По-видимому, в XVIII—XIX вв. у адыгов, осетин и чеченцев место таких перламутровых дисков заняли серебряные круглые бляхи с простым орнаментом, нашивавшиеся попарно около воротника рубахи или около плеча.

По данным этнографии, у некоторых народов мира подобные диски белого цвета (из раковин моллюска, из рыбьей кожи, из бересты и т. п.) подвешивались над колыбелью, если ребенок проявлял беспокойство ночью/днем, а с 5–6 летнего возраста — вплетались в накосные украшения девочек, а затем включались в состав комплексных амулетов (связок) детей. Форма и цвет данных изделий позволяет предположить связь данных изделий с символами солнца/луны — ипостасями богини плодородия. В таком случае присутствие таких дисков в аланских катакомбных погребениях детей обоего пола, девочек-подростков, молодых женщин детородного возраста вполне объяснимо, ибо именно эта группа населения наиболее нуждалась в защите богини плодородия и подательницы жизни. В захоронениях взрослых мужчин, а также пожилых женщин такие изделия не встречаются. При костяке обычно находится 1–2 диска, лишь в редких случаях их количество достигало трех (кат. № 30 BCM-I, № 111 BCM-IV).

В погребениях диски располагаются в районе головы, шеи, плеча и грудной клетки, т.е. в районе верхней части тела человека, которая семантически связана с верхним миром (миром богов). Вероятно, перламутровые были вплетены в волосы, прикреплены к головным уборам, нашиты на одежду в районе ворота и плеч, входили в состав ожерелий (например: кат. № 99, 119 BCM-IV). В ряде случаях диски из раковины размещались в районе пояса в комплекте с амулетами, туалетной коробочкой, копоушкой, туалетной кисточкой, ножом и т. п. (кат. № 11, 38, 43, 50 BCM-I).

В хронологическом плане диски из раковин представлены в погребальных комплексах всего периода существования салтово-маяцкой культуры (вторая половина VIII — первая половина X вв.).

Н. И. Винокуров, Л. Ю. Пономарев (Москва)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ)

Античное городище Артезиан расположено в северной части Керченского полуострова (в 2,5 км к СЗ от с. Чистополье). С 1989 г. памятник исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН).

Как и на многих других античных памятниках Керченского полуострова, на территории Артезианского городища разместилось салтово-маяцкое поселение, датируемое в пределах второй половины VIII — первой половины X вв. Стратиграфически с поселением связан слой темно-коричневого суглинка, на уровне которого исследованы многочисленные жилые, хозяйствственные, ритуальные и погребальные комплексы. Время их функционирования отражает керамика, составляющая большую часть находок на поселении.

Условно керамический комплекс можно разделить на две группы. Первая, наиболее многочисленная группа объединяет тарную и столовую керамику, изготовленную в северо-причерноморских, преимущественно крымских гончарных центрах. В зависимости от функционального назначения она разделяется на тарную керамику — пифосы, амфоры, высокогорлые кувшины с плоской ручкой, фляги и столовую керамику — ойнохой скалистинского типа, шаровидные горшки и кастрюли с пальцевым вдавлением на ручке.

Среди тарной керамики преобладают причерноморские амфоры, относящиеся к двум, наиболее распространенным типам. Тип I — амфоры с яйцевидным гладким корпусом, обычно украшенным в верхней части мелким зональным рифлением (вариант 1, 3 по Якобсон, 1979). Тип II — амфоры с бороздчатой поверхностью (вариант 2 по Якобсон, 1979). В зависимости от структуры формочной массы и морфологических особенностей внутри каждого из типов предварительно можно выделить несколько вариантов.

В отличие от амфор остальная тара, в том числе яйцевидные гладкостенные пифосы с подтреугольным в сечении венчиком, высокогорлые кувшины с плоской ручкой и выочные двуручные фляги, представлена немногочисленными, к тому же небольшими фрагментами.

Такая же степень сохранности характеризует и столовую керамику провинциально-византийского круга, изготовленную в крымских гончарных центрах. Среди нее преобладали кувшины или ойнохой скалистинского типа, представляющие собой плоскодонные сосуды с яйцевидным корпусом, воронковидным ойнохоевидным

горлом и ручкой, украшенной на месте верхнего прилипа пальцевым вдавлением. В зависимости от структуры теста и морфологических особенностей они также разделяются на несколько вариантов. Помимо ойнохой к этой же группе относятся шаровидные горшочки и кастрюли с пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки.

Вторая, немногим менее представительная в количественном отношении группа керамических изделий объединяет лощеную и нелощеную салтово-маяцкую керамику.

Лощеная керамика представлена в основном немногочисленными обломками стенок, орнаментированных горизонтальными, вертикальными и сетчатыми полосами лощения. Практически полное отсутствие профильных фрагментов не позволяет реконструировать эти сосуды, хотя некоторые из них могут быть атрибутированы как кувшины, пифосы и кубышки.

Одно из ведущих мест в керамическом комплексе занимала нeloщеная салтово-маяцкая керамика, среди которой преобладали горшки, уступавшие в количественном отношении только причерноморским амфорам. К сожалению, реконструировать и классифицировать их по всей совокупности морфологических признаков, не представляется возможным, поскольку, все они найдены в виде небольших обломков. Исключение, пожалуй, составляют несколько фрагментов принадлежащих большим пифосообразным горшкам яйцевидной формы с массивным, отогнутым наружу низким венчиком, украшенным пальцевыми защипами. Ассортимент нeloщенной салтово-маяцкой керамики дополняют единичные экземпляры пифосов, котлов с внутренними ручками и маслобойками. Большая часть из них, как и горшки, вероятно, была изготовлена в местных гончарных центрах.

Завершая краткий обзор керамический комплекс салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан, отметим один из его недостатков, свойственный впрочем. Речь идет о проблеме выделения отдельных хронологических периодов, а также определения нижней и верхней даты закрытых комплексов. Ведущую роль в решении этих вопросов традиционно отводится керамике, однако за исключением высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, время появления которых относят ко второй половине — концу IX в., остальные керамические формы имеют широкие рамки бытования и могут датироваться лишь в пределах второй половины VIII — первой половины X вв.

Я. В. Володарець-Урбанович (Київ)

НОВІ ЗНАХІДКИ ФІБУЛ VI — ПОЧАТКУ VIII СТ. З ПОЛТАВЩИНИ

За останній час археологічні дослідження слов'янських пам'яток епохи раннього середньовіччя на Дніпровсько-му Лівобережжі не проводяться, а масштаби пограбуван-

ня археологічної спадщини просто вражають. Однак, при проведенні археологічних розвідок за останні роки на території Полтавської області було виявлено невелику

кількість речей VI — початку VIII ст. Серед них знахідки фібул із Малого В'язівка, Павлівки, Шедієво, околиць Засулля та Більського городища.

Знахідка антропозооморфної фібули із Малого В'язівка

Фібула належить до типу антропоморфних, у якої пара голів звірів (копитних тварин?) з'єднані з основою трикутного щитка, а нижче — перетинками з верхнім зрізом ніжки, що завершується порівняно великою, дуже стилізованою голівкою тварини або людини. На полях міститься 8 прорізів. Розміри фібули — 10,6 × 4,2 см. Відлита з мідного сплаву. Прикраса має добрий стан збереженості, незначні тріщинки. Голка не збереглася. На звороті цілими залишилися дві невеликі петлі та вісь для кріплення голки з пружиною.

Знахідка антропозооморфної фібули із Павлівки

Щиток бронзової фібули прикрашений на розширені профільованого виступу чотирма концентричними колами, а в основі закругленої ніжки — трьома меншими концентричними заглибленими. На зворотному боці фібула має виступ із рештками утримувача застібки та вісь для голки. Висота фібули — 5,9 см, ширина щитка — 2,4 см, ширина ніжки — 1,6 см, товщина щитка — 1,5–2,5 мм.

Знахідки пальчастих фібул із Шедієво

1. Фібула дніпровського типу, лита з мідного сплаву, з каймою із зображеннями восьми пташиних голівок та з шестикутною ніжкою з увігнутими боковими сторонами. Зі зворотного боку наявні частково збережені петлі від приймача. Загальна довжина — 9,1 см, ширина голівки — 4,0 см, найбільша ширина ніжки — 2,2 см.

2. Фрагмент літої фібули з мідного сплаву дніпровського типу, прикрашена циркульним орнаментом. Розміри уламка — 3,6 × 3,7 см.

Знахідки фібул із Засулля-Мгару

1. Прогнута підв'язна широкоплатівкова неорнаментована фібула з пластівчастим корпусом, із округленим

виступом ніжки, збереженим приймачем та частиною голки. Довжина фібули — 6,6 см, ширина щитка у верхній частині — 2,1 см, максимальна ширина ніжки — 2,0 см, ширина пружини — 1,7 см, товщина спинки — 0,2 см.

2. Частина голівки бронзової антропозооморфної літої фібули із збереженим виступом голови стилізованої вухатої тварини зверху й двома циркульними заглибленими прикрасами в основі вигнутої назовні двоскатої спинки. Фібула мала із зворотного плаского боку дві трапецієподібні петлі для кріплення вісі пружини з круглими отворами. Довжина уламка — 4,2 см, ширина голівки у верхній частині (реконструйована) — 3,8 см, ширина голівки в основі — 2,7 см. Відстані між петлями по вісі пружини — 1,1 см, ширина спинки — 0,7 см.

3. Уламок верхньої частини малої бронзової пальчастої літої фібули із збереженими 5-ма пальчастими виступами, прикрашеними двома рельєфними крапками-перлинами, невеличким напівовальним щитком із двобічними рельєфними волютами, оточеними тонким рельєфним валиком, вигнутою назовні двоскатою спинкою, канельюваною неглибокими прямими вертикальними заглибинами. На фібулі із зворотного плаского боку є рештки петлі для кріплення вісі пружини. Довжина уламка — 3,7 см, ширина голівки з пальчастими виступами — 4,3 см, ширина щитка в основі — 2,6 см, ширина спинки — 1,1 см.

Пальчаста фібула із Більська

Уламок щитка п'ятипальчастої літої бронзової фібули з пласким щитком та пальчастими виступами, три з яких втрачені. Профільоване звуження спинки вкрите вертикальними валиками. На звороті наявні виступи пошкоджених петель для кріплення вісі та пружини. Збережена висота уламка — 3,1 см, ширина щитка — 4,3 см, товщина виробу — 0,1–0,3 см.

Отже, нові знахідки збагачують наші уявлення як про типологічне різноманіття, так і про ареали знахідок.

I. В. Голубєва (Харків)

СКАРБ ЗОЛОТООРДИНСЬКИХ МОНЕТ З ПОСЕЛЕННЯ «СТРОМОУХОВО»

Нумізматичні дослідження матеріалів будь-якої доби дозволяють, як правило, робити цілу низку висновків щодо грошового обігу, торговельних відносин, характеру державного управління, загального рівню розвитку суспільства тощо. В археології, зокрема, вони часто виступають також хроноіндикаторами як для поселень, так і окремих речей, при умові знаходження їх у культурних шарах та закритих комплексах. Особливої актуальності набуває таке дослідження за умови відсутності або малої кількості писемних джерел. Вивчення monet часів Золотої орди на нашій території, окрім вищезгаданих важливих даних, дозволяє також отримати нову інформацію щодо розташування окремих поселень та відкрити перспективну сторінку їх дослідження.

Скарб золотоординських monet, що став джерелом для нашої роботи, складався з понад 300 monet, серед яких викупити для дослідження вдалось 153 штуки. Саме завдяки відомостям про виявлення цього скарбу стало можливим знаходження, відкриття та введення до наукового обігу синхронного поселення. Останньому (врахо-

вуючи наявність до нього найближчого, хоча вже і не існуючого, хуттору) нами дано назву «Стромоухово».

Для кращого розуміння складу скарбу вважаємо за необхідне розглянути монети за ханами та роками карбування (за роками Хіджри), місцем карбування, а також вагою.

За правителями та роками monet скарбу розподіляються наступним чином: Мухамед Буляк (2 шт. — 773 та 777 р. х., карбовані в Орді); Мухамед Челебі (1 шт. 782 р. х., Еретна); Таш-Тимур (2 шт. 796 р. х., Крим); Тимур-Кутлуг (6 шт., серед яких рік встановлено для трьох — 789, 799 та 801 р. х., Крим). Переважна більшість monet належить карбуванню хана Токтамиша. Серед monet карбування останнього (142 шт.) для більшості екземплярів вдалось встановити рік та місце карбування (від 782 до 796 рр. х.; Азак, Азак-ал-Махруса, Орда-ал-Муазам, Сарай-ал-Джедід, Крим, Орда, Орда Сетудан, Сарай).

Місцями карбування monet даного скарбу є Азак (Токтамиш), Азак-ал-Махруса (Токтамиш), Орда-ал-Муазам (Токтамиш), Сарай-ал-Джедід (Токтамиш), Крим (Таш-Тимур, Токтамиш, Тимур-Кутлуг), Орда (Мухамед

Буляк), Орда Сетудан (Токтамиш), Сарай (Токтамиш), Еретна (Мухамед Челебі).

За вагою можна виділити такі групи: до 1,0 гр. — 4 шт. (Токтамиш); від 1,0 до 1,1 гр. — 32 шт. (Тохтамиш, Мухамед Челебі), від 1,1 до 1,2 гр. — 97 шт. (Мухамед Буляк, Таш-Тимур, Тохтамиш, Тимур-Кутлуг), від 1,2 до 1,3 гр. — 12 шт. (Тохтамиш, Тимур-Кутлуг), від 1,3 до 1,4 гр. — 5 шт. (Тохтамиш) та понад 1,4 гр. — 3 шт. Найменша та найбільша за вагою монети скарбу належать карбуванню Токтамиша та важать відповідно 0,65 та 1,9 гр.

Таким чином, проаналізувавши склад скарбу з поселення «Стromoухово», ми дійшли наступних висновків.

Переважне надходження на нашу територію монет кримського карбування свідчить по-перше, про активізацію монетного двору у Старому Криму в останній чверті XIV ст., по-друге, про орієнтацію місцевого ринку на кримський.

Л. В. Горобець (Київ)

ПТАХИ В ПОБУТІ СХІДНИХ СЛОВ'ЯН

Результати аналізу близько 2 тисяч кісток птахів з понад 30 слов'янських поселень VIII—XIV ст. дозволяють висвітлити деякі маловідомі (або взагалі невідомі) деталі побуту жителів середньовіччя. Більшість досліджених поселень розташовані на території лісостепової зони та зони мішаних лісів сучасної України, решта — на території Курської обл., Новгороду та південних регіонів Республіки Білорусь. Матеріали зберігаються в фондах Національного науково-природничого музею НАН України, куди були передані різними науковцями протягом 1930–1990 рр.

Перша за все привертає увагу видовий склад птахів, що входили до раціону. Як і слід було очікувати, основу здобичі становили птахи ряду Гусеподібні (*Anseriformes*): гуси, качки, лебеді. Проте отримано і не прогнозовані заарання висновки. Так, наприклад, сірий журавель (*Grus grus*) був звичайним в здобичі. В деяких поселеннях частка решток цього виду є близькою до гусей та качок. Практично в усіх поселеннях, де вибірка перевищувала декілька десятків кісток, знайдено рештки воронових птахів (*Corvidae*). Всупереч розповсюдженій думці, жителі минулого не юри були будь-якого птаха, якого змогли впоплювати. Є підстави припускати, що в їжу не споживали лелек (*Ciconia*) та сороку (*Pica pica*). Несподівані результати приніс аналіз співвідношення в раціоні впользованих та домашніх видів. Згідно із літературними даними, серед решток ссавців очевидне переважання домашніх тварин. Тоді як з птахами ситуація протилежна — частка домашніх видів менше половини, а в багатьох поселеннях менше третини спожитих особин.

Значна частина плечових кісток та крижів диких видів містить сліди кігтів ловчих птахів. Це свідчить, що даний тип полювання, який в більш пізні часи став розвагою

— Спостерігаємо зменшення ваги диргемів при хані Токтамиши (в кінці його правління).

— Залишається поки дискусійним питання про час та місце достатньо рідкісного надкарбування на передньоазійській монеті XIV ст. (782 р. х., Мухамед Челебі, Еретна).

— Відсутність у складі скарбу дрібної мідної монети та аналогічна ситуація на синхронних пам'ятках цієї території не тільки у складі скарбів, але і у відповідних шарах та комплексах, свідчить про відсутність дрібної торгівлі та орієнтацію місцевого ринку на «оптову».

— Поселення «Стromoухово» за скарбом та супутніми матеріалами можна попередньо датувати як мінімум другою половиною XIV ст. Скоріш за все, воно припинило своє існування за часів правління хана Тимур-Кутлуга, ймовірно невдовзі після битви на Ворсклі.

знаті, в Середньовіччя був широко розповсюдженім промислом. Традиційно прийнято ловчих птахів називати «соколами». Проте дане слово не відповідає біологічному терміну «рід Сокіл (*Falco*)». В древньоруських середньовічних поселеннях найбільш масовими рештками хижих птахів є яструб великий (*Accipiter gentilis*) та орлан-білохвіст (*Haliaeetus albicilla*).

В деяких поселеннях пізнього середньовіччя (Гродно, Воїнська Гребля, Новгород та ін.) виявлено високе видове різноманіття хижих птахів, що свідчить про наявність в окремих жителів скильності до колекціонування птахів. При цьому деякі види не могли бути зловлені в даному регіоні, і були привезенні із регіонів, віддалених на сотні кілометрів. Очевидно привозили птахів не лише в якості ловчих видів, але і просто для поповнення різноманіття колекції. Свідченням цього є рештки баклана великого (*Phalacrocorax carbo*) в Гродно (XI—XIV ст.), та, можливо, пеліканів (*Pelecanus onocrotalus* та *P. crispus*) і чорного грифу (*Aegypius monachus*) у Воїнській Греблі (XI—XII ст.).

Виявлено поодинокі дані, що можуть свідчити про використання птахів у релігійних обрядах. Зокрема, в Желді (Жовнине) в одній із хат X—XII ст. було знайдено майже повний скелет сірої ворони (*Corvus cornix*), закопаний під посудиною.

Вважаємо перспективним використання решток птахів при реконструкції природних умов минулого. Птахам простіше ніж іншим тваринам подолати значні відстані в пошуках оптимального біотопу. Завдяки цій властивості птахи можуть відігравати роль індикаторів екосистем. В біологічній науковій літературі наявна велика кількість інформації з даного питання, яка може бути використана в археоекологічних дослідженнях.

А. Н. Желтобородов (Харків)

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТАТАРСКИМИ НАБЕГАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ во второй половине XVII в.

После вхождения Крымского ханства в конце XV в. в состав Османской империи захват и продажа в рабство христиан стали очень выгодным промыслом для кочевников Крыма и Северного Причерноморья. Татарские

всадники по «шляхам», проходившим по водоразделам, продвигались на многие сотни километров на север или северо-запад, вторгались в пределы Московского царства и Речи Посполитой. Нападения на мирных жителей,

грабежи и насилие кочевников были мощным дестабилизирующим фактором, который требовал адекватных мер по охране и обороне границ государств, подвергавшихся опустошительным набегам. Стоит отметить, что Московское царство организовывало борьбу с набегами централизованно, привлекая к этой борьбе все силы государства, тогда как в Речи Посполитой борьба с татарскими нападениями оставалась делом крупных магнатов владения которых оказывались на пути орд кочевников.

От Крыма на север по Дикому полю проходили основные «шляхи» меридионального направления: Муравский, Изюмский, Бакаев и др. Контроль над этими «шляхами» становился основной задачей в борьбе с набегами татар для Московского царства со второй половины XVI в.

Основным стратегическим методом борьбы с набегами кочевников было строительство засечных черт, которые затрудняли продвижение татарских отрядов. Однако укрепленные засеками и валами естественные преграды не гарантировали полной защиты от проникновения захватчиков, поэтому возникла необходимость создания системы оповещения о набегах татар. С этой целью в 70-е гг. XVI в. в Московском царстве был принят Устав о сторожевой и станичной службе, который дал начало организации пограничной дозорной службы путем отправки в степь станиц и сторож для оповещения о набегах кочевников. Важность южного направления в организации пограничной службы подчеркивалась тем, что вдоль рек Мжа и Северский Донец к югу от Белгорода были организованы сторожи с порядковыми номерами от первой до седьмой.

Однако сторожевая и станичная служба не обеспечивала круглогодичного наблюдения за степью, и поэтому с завершением строительства Белгородской засечной черты в 30–40-е гг. XVII в. к югу от нее началось строительство крепостей и острогов вблизи основных «шляхов».

Следующий этап борьбы с татарскими нападениями ознаменовался созданием южнее Белгородской черты

Слободских казацких полков, как военно-территориальных формирований. Пассионарный всплеск, вызванный Национально-освободительной войной украинского народа, дал начало массовым переселениям жителей Правобережной Украины на земли Дикого поля, которые продолжались и в период Руины. Переселенцы направлялись русскими воеводами в места, где требовалось усилить оборону Белгородской засечной черты. Таким образом, создавалась буферная область с военизованным населением и системой опорных пунктов. Впоследствии территория которую занимали Слободские казацкие полки получила название Слободская Украина.

В тактическом плане Слободские казаки применяли в борьбе с набегами татар кроме дозорной службы преследование отступавших татар и нападения из засады. Такие засады, как правило организовывались на путях возвращавшихся татарских отрядов, отягощенных добычей. После залпа из ручного огнестрельного оружия следовала стремительная конная атака казачьей конницы. Как правило такого удара татарские воины не выдерживали и отступали, бросая захваченный полон.

Очередной этап борьбы с татарскими набегами на Слободской Украине начался строительством в 80-е гг. XVII в. новой засечной черты по берегам рек Мжа, Северский Донец и Оскол, названной впоследствии Изюмской. В строительстве Изюмской черты активное участие приняли Слободские казацкие полки, на них же возлагалась обязанность по охране и обороне этих рубежей.

Во второй половине 80-х гг. XVII в. начинается качественно новый этап борьбы с татарской угрозой, когда были совершены первые походы русской армии в Крым. Слободские полки принимали непосредственное участие в этих походах. И хотя русская армия не смогла преодолеть степные просторы и ворваться в Крым, эти походы продемонстрировали твердость намерений московских правителей ликвидировать угрозу южным границам государства со стороны степных кочевников.

A. В. Кожушко (Луганск)

К ИСТОКАМ МОНГОЛО-СЛАВЯНСКОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ АРАБСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ XIV–XV ВВ.

Известно, что монголы были одними из тех народов средневекового мира, которые оказали значительное влияние на исторические судьбы многих стран и народов тогдашнего Востока и Европы.

Монгольское завоевание не обошло стороной и Украину, на землях которой в XIII в. существовал ряд княжеств некогда могущественной Киевской Руси, о чем сохранились сведения в исторических источниках. Среди таких источников особый интерес представляют арабские энциклопедии XIV–XV вв.: «Предел желаний в литературном разнообразии» ан-Нувайри (1279–1331), «Пути воззрений по различным государствам и городам» ал-Умари (1301–1349) и «Свет [сквозь] сумерки» ал-Калкашанди (1356–1418).

Необходимо отметить, что проблема истоков монголо-славянского межэтнического противостояния связана с первыми внешними завоеваниями монголов при Чингизхане в начале XIII в. и, в частности, с монголо-по-

ловецкой войной и битвой на р. Калке (1223), в которой приняли участие древнерусские князья.

Своё отражение данные события получили в арабских энциклопедиях XIV–XV вв., в частности, энциклопедии ан-Нувайри, в которой наиболее полно, среди других арабских энциклопедистов XIV–XV вв., освещены события, связанные с вторжением отряда Джэбе и Субэдея в половецкие кочевья и битва на р. Калке. Этот автор использовал, в качестве первоисточника, при реконструкции исследуемых событий, летопись Ибн ал-Асира (1160–1234), в которой, среди всех арабоязычных источников, наиболее полно освещены монгольские завоевания при Чингизхане.

Так, ан-Нувайри, заимствуя рассказ Ибн ал-Асира, пишет, что после того, как монголы разгромили аланов и в одной из битв разбили половцев (кыпчаков), последние «...ушли в страну руссов — большую, длинную и широкую страну, находящуюся по соседству с ними

(половцами)». Далее арабский энциклопедист рассказывает, что половцы и древнерусские князья приняли решение вступить с монголами в битву, надеясь на победу. «Узнав о приближении татар, пишет ан-Нувайри, руссы и половцы приготовились к сражению... и вышли прямо на татар», но те отступили и, недооценив монголов, русско-половецкое войско принялось преследовать их. Автор пишет, что преследование продолжалось 12 дней и в один момент, внезапно, «...напали на них татары... Обе стороны сражались... Бой этот продолжался несколько дней, пока татары их не одолели и не одержали победу».

У других энциклопедистов –ал-'Умари и ал-Калкашанди, информация касательно исследуемой проблемы фактически отсутствует. Так, эти авторы упоминают о том, как украинские земли к середине XIII в. оказались в составе улуса Джучи (Золотой Орды). В частности, уал-'Умари, в главе о «царях Ирана и Турана» (т. е. территории Ирана и Средней Азии) написано, что «...к северу [от Турана] находятся земли кыпчаков... земли славян, черкесов, русских, венгров...»

В. В. Колода (Харьков)

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯМАХ СО СТАНДАРТИЗИРОВАННЫМИ НАБОРАМИ ПРЕДМЕТОВ НА САЛТОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Салтовские памятники (конец I тыс.), отражающие древности Хазарского каганата, более столетия привлекают внимание археологов. Однако, лишь со второй половины XX в. отмечен рост внимания специалистов к его поселениям. Полевые исследования этой категории памятников в последнее двадцатилетие способствовали введению в оборот большого количества материала, что позволяет решать многие вопросы социально-экономического и этнокультурного развития населения Хазарии.

Среди объектов на салтовских поселениях такая категория как хозяйствственные ямы остаются малопривлекательными. Информация о них исправно заносится в полевые отчёты, но в большинстве случаев редко вос требована исследователями для публикаций и анализа. Хозяйственные ямы (и то, как второстепенный материал) крайне редко включаются в общий анализ диссертационных работ и в некоторые обобщающие монографии: С. А. Плетнёва (1989), А. З. Винникова, С. А. Плетнёва (1998); Л. И. Красильникова (2005), В. В. Колода совместно с С. А. Горбаненко (2010, 2013). Отметим, что последнее время, в связи с расширением числа публикаций материалов полевых исследований салтовских поселений, объем сведений о хозяйственных ямах возрастает. И все же, в настоящий момент мы не можем назвать хотя бы одно специализированное исследование по хозяйственным ямам салтовской культуры.

Поводом для написания данной работы стало выявление и публикация необычных по заполнению хозяйственных ям с наборами железных предметов, что отличает их от традиционно интерпретируемых небольших хозяйственных ям «мусорного» заполнения, сложных по конструкции (ступени, ниши, подбои) погребов, зерновых ям (простота конструкции при большом объеме) или амбаров с ямами для хранения зернового запаса. Такие ямы выявлены на памятнике Государев Яр: работы

Его последователь — ал-Калкашанди, сообщает фактически тоже. Во «втором своде», своей энциклопедии он описывает восточноевропейские народы и территории их обитания. Среди них он перечисляет: половцев, хазар, черкесов, волжских булгар, «страну улак», асов и, после этого, «страну руссов». Далее автор пишет: «когда Чингизхан стал правителем, он поручил [все] управление над половецкой землей на своего сына Туши, которого также звали Джучи... Когда умер Чингизхан (1227 г.), то править государством стал Бату — сын Джучи, [а он] — сын Чингизхана...»

Таким образом, среди арабских энциклопедистов XIV—XV вв., проблема истоков монголо-славянского межэтнического противостояния наиболее полно отражена в сочинении ан-Нувайри. Что касается сообщений ал-'Умари и ал-Калкашанди, вместо первого столкновения между монголами и половецко-русским войском на р. Калке, о чем эти авторы непременно знали, но предпочли не освещать в своих сочинениях, они отразили в своих энциклопедиях более поздние события, связанные с периодом расцвета и упадка монгольских государств-улусов, прежде всего, Золотой Орды.

В. В. Давыденко, В. К. Гриб (2011) и В. В. Колоды, 2013), Городище Мохнач, селище Мохнач-П и Маякское-2. Характерной чертой ям выделяемой группы является тот факт, что они содержат значительно количество железного инвентаря, который, за редким исключением, относится к трем категориям изделий: орудия сельского хозяйства, ремесла и домашних промыслов, а также предметы воинского и кочевнического потребления.

Наиболее репрезентативен земледельческий инвентарь, в который обязательно входят орудия всех этапов земледельческого цикла: обработка почвы (наральники, мотыги) и сбора урожая (серпы, косы). Косы, равно как ботала, путы и мясницкие ножи, можно связать со скотоводством. Кроме ремесленных инструментов общего назначения (ножи, топоры), нередко, а порой и довольно представительными по ассортименту наборами, встречаются специализированные инструменты по обработке металла, кожи, кости, дерева. К последней категории предметов мы относим (по мере убывания): остатки котлов, стремена, детали оголовья (удила, псалии, соединительные кольца), пластина от луки седла. В одном случае был выявлен кухонный горшок, в другом — 2 столовых сосуда, в третьем — 5 тарных.

Отсутствие костей, следов от костра, вооружения, украшений, а также место обнаружения ям не позволяют отнести эти комплексы к погребальным. Состав предметных наборов, свидетельствует в пользу того, что это хозяйственные ямы для хранения наиболее важных инструментов, орудий и предметов — наиболее важных в обеспечении жизнедеятельности отдельного домохозяйства, что подтверждается и составом «хозяйственных кладов», которые также обнаружены в пределах поселений: на городищах Коробовы Хутора и Сидоровское — работы В. В. Колоды (2014) и Э. Е. Кравченко (2012). Таких ям — хранилищ наи-

более важных предметов — не могло быть много (достаточно одной в домохозяйстве). Эти предметы должны были переноситься в места переселения, поэтому их обнаружение вызывает новые вопросы, ко-

торые выходят за пределы тематики данной статьи, основная задача которой: привлечь внимание к необходимости выявления и самостоятельного анализа подобных комплексов на салтовских поселениях.

В. В. Корнієнко (Київ)

НОВІ ЗНАХІДКИ ГРАФІТІ З ЗОБРАЖЕННЯМИ ТРИЗУБІВ У СОФІЇ КИЇВСЬКІЙ

Під час планомірних епіграфічних досліджень у Софійському соборі з-поміж великої кількості (близько 7 тисяч) відкритих мною у храмі графіті, у західній внутрішній галереї храму на фресці зображенням орнаменту були виявлені два малюнки княжих знаків, які суттєво доповнюють галерею відомих у науці зображень князівських тризубів на монетах, печатах, вірчих знаках чи інших предметах.

Графіті, про які йде мова, були виконані по сухому фресковому тинку, що засвідчують результати дослідження форми прорізів. Форми леза різця, прикладені сила та напрямок натискання під час видряпування обох малюнків мають відмінності, тож виконані вони різними авторами. Оскільки прорізи одного малюнку частково перекривають прорізи іншого, встановлено, що одне графіті передувало другому.

Князівський знак, який було першим виконано на стіні, знаходить найближчі аналогії серед зображень тризубу на вірчих знаків великого київського князя Володимира Великого, тризуб якого у нижній частині прикрашений пагонами, що розходяться назовні. На відміну від них, Володимирові тризуби на монетах та цеглі з Десятинної церкви мають спрощений вигляд і таких прикрас не мають. З огляду на це, можна зробити висновок, що на вірчих знаках та фресці Софії Київської вміщенні тризуби більш урочисті, парадного типу.

На фресці Софійського собору тризуб Володимира зображений у перегорнутому вигляді. Ця обставина засвідчує, що на момент виконання графіті князь вже був померлим. Ця теза підтверджується дослідженнями графіті зображенням тризуба князя Всеvoloda-Andriя Ярославича у північній внутрішній галереї Софії Київської безпосередньо біля місця розташування велико-князівської усипальниці Всеvolodовичів, у якій його і було поховано (у 1093 р.). Вочевидь, тризуб Володимира був виконаний на фресці невдовзі після спорудження собору, засвідчуючи фундацію Софії Київської саме цим князем (у 1011 р.), подібно тому, як на західному фасаді Михайлівської церкви Видубецького монастиря, фундованої Всеvolodom Ярославичем (у 1070 р.), було виконано напис «Всеволожа».

Другий князівський знак, який було видряпано дещо пізніше, композиційно складається з двох частин-тризубів. Перший, що обернений донизу, аналогічний тризубові сина Володимира полоцького князя Ізяслава, що представлений зображеннями з печатки цього князя та вірчих знаків. Відмінною рисою від Володимирова тризуба є те, що середній зубець Ізяславичевого завершується простим чотириконечним хрестом. Другий тризуб софійського графіті, що обернений догори, складається зі стилізованих під пагони бічних зубців та оформленого у вигляді хреста з розширеними кінцями центрального. Остання обставина знаходить аналогії з тризубом у графіті на фресці з образом св. Марка Подвижника у тій же Софії Київській, що атрибутується як принадливий синові Ізяслава Брячиславові, який по смерті батька очолив Полоцьке князівство (у 1001 р.).

Не випадковим було розташування малюнка так, що зубець Ізяславового тризубу заходить на Володимирів, що демонструвало спадковість роду полоцьких князів від Володимира. Можливо, у такій декларації знайшли відгомін якісі реалії політичної суперечки між Ярославом та нащадками його брата Ізяслава. Не даремно ж Брячислав використовував як основу свого знаку батьків тризуб.

Подібно до розташованого поруч малюнку-графіті Володимирова тризуба, княжий знак Брячислава Ізяславича виконаний у вишуканому парадному стилі. Однак Брячиславів тризуб обернений догори. Ця обставина приводить до висновку, що на момент виконання графіті цей князь був живий. Літописи повідомляють про існування на теренах давнього Києва «Бряиславового двору» (згадується під 1068 р.), тож дослідники справедливо відмічають можливість неодноразового відвідання Києва полоцьким князем Брячиславом. У свою чергу, такі відвідини засвідчують і декілька тризубів Брячислава, видряпаних на стінах кафедрального храму.

Брячислав Ізяславич помер у 1044 р., тож цей рік є верхньою йомвірною хронологічною межею, не пізніше якої мало бути виконане це графіті. Відтак, час появи двох малюнків з зображенням князівських знаків на стіні Софійського собору слід віднести до проміжку часу від кінця 10-х до початку 40-х рр. XI ст.

Ю. О. Пуголовок (Київ)

ЖИТЛА-МАЙСТЕРНІ ЛІТОПИСНИХ СІВЕРЯН

новані житла-майстерні в невеликій кількості відомі серед матеріалів розкопок роменських поселень Дніпровського Лівобережжя. Подібні споруди фіксують і на слов'янських поселеннях Середнього Подніпров'я.

Вперше увагу на такі будівлі звернув увагу І. І. Ляпушкін в контексті досліджень Новотроїцького городища. На його думку, ознакою таких жител-майстерень була

наявність кількох печей та материкових лавок. Однак, в подальшому ця категорія будівельних решток сіверян не стала об'єктом спеціального дослідження. Рештки споруд зазначеного типу, крім Новотроїцького городища, відомі в матеріалах Кам'яного, Полтави. Сучасний стан джерельної бази дозволяє виділити споруди, мешканці яких займалися обробкою металу, кістки та виготовленням посуду.

З обробкою металу пов'язані споруди № 18, 40 та 47 з Новотроїцького городища. Особливістю влаштування внутрішнього обсягу жител № 18 та 40 є наявність додаткових печей не побутового призначення, а також материкових лавок вздовж однієї зі стін. В заповненні котлованів виявлені специфічні знахідки, що засвідчують ремісничу спеціалізацію їх мешканців. В житлі № 47 додаткова піч була винесена за межі котловану і влаштована у спеціальній прибудові.

Житлова споруда, пов'язана з обробкою кістки, виявлена лише на городищі поблизу с. Кам'яне, Лівобережною слов'яно-руською експедицією ІА АН УРСР під керівництвом О. В. Сухобокова. На підставі знахідок сировини та виробів, автор розкопок висунув припущення про спеціалізацію мешканців цього житла. Розвиваючи ідеї попередника, В. В. Єнуков та О. М. Єнукова спираються на давньоруські матеріали та додають ще ряд конструктивних ознак, що вказують на ремісничий характер занять його мешканців. До них належать спеціальна емність для води, що необхідна для виробничого процесу, а також яма для сміття.

Об'єкти, юморіно пов'язані з виготовленням посуду, виявлені на Новотроїцькому городищі (житла № 3 та

44). Їх особливістю є наявність спеціальних сховищ для сировини. Відповідно до виділених О. О. Бобринським ознак організації гончарного виробництва, описані житла можна зарахувати до числа об'єктів з непостійним робочим місцем гончара, що спорадично використовував для випалу кераміки звичайну побутову піч. Іншим прикладом, що вказує на наявність в житловій будівлі робочого місця гончара, є житло № 4 (розкоп 3/1997), досліджене в Полтаві. В котловані споруди неподалік від печі було виявлено ямку діаметром 0,35 м, глибиною 0,25 м, до якої вміщено ліпний горщик з відбитою привінцевою частиною, що був повністю заповнений попелом з вуглинами. Відповідно до етнографічних аналогій, наявність таких сховищ є ознакою постійного робочого місця.

Отже, на підставі аналізу описаних вище об'єктів, основною рисою житла-майстерні є заглиблена в материк частина прямокутних обрисів, цілком аналогічна до житлових. З житлами їх поєднє і наявність побутових опалювальних споруд. Особливістю жител-майстерень є наявність таких ознак: додаткова піч невиробничого призначення, елементи інтер'єру, пов'язані зі спеціалізацією ремісника та знахідки, що характеризують цю діяльність (інструменти, вироби, відходи тощо). Виділені ознаки не є кінцевими, а лише відображають загальні тенденції і можуть бути доповненні внаслідок розширення джерельної бази. Наявність таких поліфункціональних споруд є типовим для середніх віків явищем, що, на думку В. О. Петрашенко, засвідчує відособлення ремісників від основної частини поселенців, задіяних у землеробстві чи тваринництві.

M. C. Сергеева (Київ)

СИРОВИННА БАЗА ДАВНЬОРУСЬКОЇ ДЕРЕВООБРОБКИ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПІВДЕННОЇ РУСІ)

Велика роль дерева як сировини, яку використовували у різних галузях давньоруського виробництва — від будівництва до виготовлення різноманітних виробів, визначає актуальність вивчення деревообробки як на Русі у цілому, так і, зокрема, у Південній Русі.

Давньоруська деревообробна справа була забезпечена достатньою сировинною базою не тільки у лісовій зоні, але й у лісостепу. Дослідники природи лісостепу одностайно погоджуються з тим, що питома вага лісів у лісостеповому ареалі була набагато більшою, ніж у пізніші часи.

На вибір сировини для виробництва впливав насамперед природно-географічний фактор, зокрема наявність деревини з потрібними технічними властивостями — специфічними для кожної галузі (будівництво, різьбарство, токарна справа, бондарство та ін.). Деревина, яку вдалося визначити, презентована місцевими породами. Виключенням є привізний самшит як матеріал для гребенів (гребінь з Городську).

У будівельній справі Київської Русі віддавали перевагу поширеним у регіоні дубу та сосні. При цьому питома вага кожної з зазначених видів деревини неоднакова на різних пам'ятках. Це може поясннюватися: 1) характером досліджених об'єктів та 2) залежністю від місцевої сировинної бази.

Дуб — основна сировина для оборонних споруд. Це пояснюється потребами властивостями деревини. Варто також враховувати переважання дубу у регіоні, особливо у лісостепу, де він є основною лісоутворюючою породою. Матеріалом для масової забудови слугувала сосна. У деяких випадках (простежено у Києві) спостерігається сполучення різних порід дерева: дуб для нижніх вінець, сосна — для решти будівлі. Така техніка є загальноруською.

Третє місце серед будівельних матеріалів посідає береза. Її використання у будівельних конструкціях дуже спорадично, але воно мало місце у широкому ареалі і протягом тривалого часу. У просторово-часових межах, що розглядаються, береза у зазначеній якості зафіксована у Києві та на деяких поселеннях на Чернігівщині.

Нерухомі меблі виготовлялися з того самого дерева, що й самі споруди — дуб, сосна (дані за матеріалами досліджень давньоруського Чучина і Райковецького городища). Декоративні елементи будівель (лиштви, наличники та ін.) та деталі хатнього обладнання виготовлені з різних порід дерева. З них деревина різьбленої баласини (Київ) визначається як клен, різьбленої лиштви (Київ) — дуб, невеличких точених та різьблених баласинок (Чучин) — клен, фрагменти деталей внутрішнього обладнання (Войнська Гребля) — ясен.

Бондарські вироби виготовлені переважно з сосни. Окремими екземплярами репрезентовані вироби з дубу. Матеріал для обручів визначається переважно як верба та ліщина.

Для різних видів посуду використовували різну деревину. Великі різьблені ємності часто виготовляли з липи (аналізувалися екземпляри з Києва та Войнської Греблі). Столовий посуд (різьблений та точений) репрезентований виробами з клену та ясеню (разом понад 90 %). Окремі екземпляри виготовлені з вільхи.

Серед них один екземпляр з Колодяжина і три стінки, ймовірно, від столового посуду з Райковецького городища.

Переважно з клену та ясеню виготовлені також різноманітні дрібні деталі та деякі вироби, включаючи ткацький гребінь і човник з Войнської Греблі (обидва — клен).

Загалом ставлення майстрів до деревної сировини свідчить про їх професіоналізм і добру обізнаність з властивостями деревини різних порід.

O. M. Терещук (Київ)

ВІДОБРАЖЕННЯ СЕРЕДНЬОВІЧНОГО ВІТЧИЗНЯНОГО СВІТОГЛЯДУ В ДАВНЬОУКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

(на ґрунті аналізу «Києво-Печерського Патерика» 1661 року з колекції НМІУ)

Серед пам'яток давньоруської писемної культури особливе місце належить створеному на початку XIII ст. «Києво-Печерському Патерiku». Біля двохсот списків Патерика, які дійшли до наших днів, численні позначки, зроблені тодішніми читачами й переписувачами, різноманітні редакції XIV, XV і XVII ст., низка наступних Патериків: *Волокаламський, Псково-Печерський, Соловецький*, які зазнали його безпосереднього впливу — все це свідчить про надзвичайну популярність і величезну шану до нього серед слов'ян України, Білорусії та Росії впродовж тисячолітнього періоду.

Патерики або «Отечники» (від грецького слова «*πατέρ*» — отець) утворювали в християнській книжності осібну групу творів, що становила собою зібрання оповідей про подвижників, які населяли певну місцевість, монастир. Починаючи з XI ст. на Русі були широко відомі перекладені на старослов'янську мову «Синайський Патерик», «Єгипетський Патерик», цикл житій святих VI ст. — Євфимія Великого, Феодосія Кіновіарха, Івана Мовчальника, автором яких був Кирило Скифопольський. Книжники Київської Русі засвоювали навики таких розповідей, спираючись на досвід візантійських патерикописців. Візантійські патерики приходили на Русь за південнослов'янським посередництвом. «Києво-Печерський Патерик» як цілісний твір постав на початку XIII ст. Основою твору стали оповіді інока Полікарпа, написані впродовж 1223–1233 pp. і послання києво-печерського ченця Симона (?–1226) до Полікарпа. Книга містить послання Полікарпа до печерського архімандрита Акіндіна з оповідями про 13 отців печерських, а також деякі розповіді Нестора-літописця, як-от: «Житіє Феодосія Печерського» та ін. У цьому історико-етнографічному джерелі є і багато матеріалів з історії Києва.

У колекції музею зберігається друковане церковнослов'янською мовою видання Патерика, яке вийшло в світ у 1661 р. «повеленiemъ и благословенiemъ» Інокентія Гізеля, тодішнього архімандрита Печерської Лаври. Ця редакція дає змогу реконструювати ідеяне ядро первісного Патерика XIII ст.

Як зразок давньоруської агіографії, Патерик мав особливе значення на відтворення найсуттєвіших

характеристик світогляду слов'янського народу цієї доби. Зміст твору відтворює три найважливіші компоненти середньовічного вітчизняного світогляду. **По-перше**, уявлення про світ, який протиставляється світу наявного буття, світ ідеально перетворений, «царство Божіє», про яке благовістив Христос і відблиском якого вважався світ святості. **По-друге**, уявлення про моральний ідеал як головне ядро етизованої середньовічної духовної культури. **По-третє**, книга дозволяє не тільки реконструювати сутність морального ідеалу, що стверджується в ньому, а й злагути глибину проникнення давньоруської писемної культури у внутрішній духовний світ людини. Головним героєм твору стає образ святості як зразок, найбільше мірило культури. Через цей образ здійснювалось ідеальне перетворення життя, стверджувався той чистий, світлий і прекрасний світ, що підноситься над повсякденністю і визначає межі, на які має орієнтуватися кожна людина у своєму житті. У творі святе місце і свята людина сприймалися як центр, що збирає навколо себе всіх праугучих спасіння і через це розширює власний простір. Саме таким місцем є Києво-Печерський монастир, і, насамперед, головний його храм-собор Успіння Богородиці, як сакральний центр, що уособлює святість монастиря в цілому. Тому перебування в монастирі й у центральному храмі його вважається за найвище щастя. «Един день в дому Божія матері паче тисячи лѣт», — говорить Симон. Якщо головний собор монастиря є сакральний центр, який організовує навколо себе простір обителі, то й сам монастир розглядається як святий центр землі Руської. Саме так сприймають це місце та його населінників-подвижників автори Патерика.

Ця книга мала далекоякінні цілі, особливо за умов занепаду колишньої ролі Києва на початку XIII ст. Автори твору хотіли нагадати всьому світу про минулу славу Печерської обителі, як винятково святого й чудесного місця, і привернути до нього колишню увагу влади і суспільності. А в умовах посилення децентралізаторських тенденцій потреба в цьому була гостра й наболіла.

М. В. Хоружая (Харьков)

БРОНЗОВЫЕ ПОДВЕСКИ В ВИДЕ КОНЕЙ ИЗ КАТАКОМБНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (из коллекции Харьковского исторического музея)

Археологическая коллекция Харьковского исторического музея на сегодняшний день насчитывает чуть более 55 тыс. музейных предметов, из которых почти 34 тыс. экспонатов связаны с материальной культурой населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Погавляющая часть этих предметов была получена археологическими экспедициями музея под руководством В. Г. Бородулина и В. С. Аксёнова при исследовании Старо-Салтовского (1982, 1983 гг.), Рубежанского (1987, 1995 гг.) катаомбных могильников, I, III и IV участков Верхнее-Салтовского катаомбного некрополя (1984–1992, 1997–2013 гг.), биритуального могильника у с. Красная Горка (2001 г.) и Нетайловского грунтового могильника (2005–2013 гг.). Значительная часть этих материалов связана с мировоззрением аланскою компонента салтово-маяцкой культуры и представлена металлическими подвесками-амулетами разных типов. На сегодня в коллекции музея хранится 247 металлических подвесок.

Достаточно представительной является подборка металлических амулетов, изображающих коней. В коллекции находится 11 подвесок в виде коней, которые происходят из 8 катаомбных захоронений — кат. № 1 (2 экз.), 60, 68 (2 экз.), 69 (2 экз.), 76 BCM-I и кат. № 99, 194, 107 BCM-IV. Все амулеты представляют собой литые односторонние подвески, изображающие коней, развернутых вправо. Фигурки коней представлены двумя вариантами отдела 4 северокавказских амулетов (по классификации З. Х. Албеговой и В. Б. Ковалевской).

Семь фигурок изображают спокойно стоящих коней (кат. № 60, 68, 69, 76 BCM-I, № 107 BCM-IV). По экстерьеру, высоким и тонким ногам, красиво изогнутым шеям видно, что это изображения быстрых, породистых коней (таксон 4.1, варианта 2 по З. Х. Албеговой, В. Б. Ковалевской). На месте, где должно находиться седло, расположена петелька для подвешивания. Хвост у коней короткий, подвязанный узлом. Этот вид подвесок характерен для аланских памятников Подонья. Такие подвески найдены в захоронениях Дмитриевского (2 экз.), Нижне-

лубянского (1 экз.) могильников. Еще четыре амулета происходят из дореволюционных раскопок на Верхнем Салтове. На Северном Кавказе этот вариант подвесок представлен всего тремя находками, происходящими не из закрытых комплексов.

К этой группе амулетов может быть отнесена фигурка коня из кат. 104 BCM-IV. Ее отличает от других больший размер, насечки, с помощью которых передана грива, хвост и шерсть на крупье. Ближайшими аналогами данной подвески служат амулеты из Баксана/Чегема, Кавказа и Верхнего Салтова (кат. VI раскопки В. А. Бабенко 1901 г.), Ютановского и Нижнелубянского катаомбных некрополей — таксон 4.1 варианта 1 (по классификации З. Х. Албеговой, В. Б. Ковалевской). Данный вид подвесок больше характерен для аланской культуры Центрального Предкавказья, чем для алан бассейна Дона.

Три подвески — кат. № 1 BCM-I (2 экз.) и кат. № 99 BCM-IV — представляют собой плоские развернутые вправо фигурки не оседланных коней с небольшим ушком для подвешивания. Передние ноги их слегка подняты и согнуты, задние ноги прямые, хвост прямой и опущен вниз. В целом фигурки выглядят более грубо, чем остальные амулеты с изображением коней. Данные подвески близки к северокавказским амулетам таксона 4.1 вариантов 3 и 4. Хронологически они более поздние, чем остальные верхнесалтовские амулеты в виде коней.

В стилистике данных салтовских амулетов прослеживается северокавказское влияние. Особенно заметна их схожесть с подобными амулетами из могильников Северной Осетии.

Исследователями отмечается связь данных амулетов в большей мере с солнечным культом, и в меньшей — с дружинным культом. Это подтверждает тот факт, что рассмотренные амулеты входили в состав инвентаря взрослых женщин репродуктивного возраста (5 случаев) и девочек-подростков (2 случая), и лишь в одном случае он оказался в погребении мальчика 3–5 лет (кат. № 99 BCM-IV), происходящему из семьи знатного воина.

C. В. Шеломенцев-Терський (Львів)

ПІВДЕННІ ЗВ'ЯЗКИ ГАЛИЦЬКО-ВОЛИНСЬКИХ ЗЕМЕЛЬ У X–XII СТ. ЗА ДАНИМИ АРХЕОЛОГІЇ

Свого часу ще Б. О. Рибаков відмічав, що східні та південні зв'язки руських земель слід пов'язувати не з походами варягів, а з впливами хазарського каганату. Проте, конкретні археологічні характеристики русько-хазарських відносин ще недостатньо висвітлені в атрибутованому археологічному матеріалі. Певні вказівки на матеріальні вияв цих стосунків помітні в асортименті деяких предметів з розкопок прикарпатських та волинських городищ, проведених за останні десятиліття, а саме:

1) односкладові вудила (вигнутий чотиригранний стрижень, завершений з обох кінців петлями, через які пропущені рухомі кільця) зібрани в напластуван-

нях X–XI ст. на пам'ятках Прикарпаття (городища у Ступниці та Тулігловах) та Волині (Володимир, Ринковий пагорб у Лучеську, поселення Ромаш в околиці літописного Всеволожа на р. Західний Буг, городище Листвині, Юрів неподалік Белза). Цього типу вудила зірдка використовувалися і в більш пізні періоди, про що свідчить їх знахідка на Шепетівському городищі.

2) трилопастні вістря стріл. Понад 20 екз. виявлено в Подністров'ї поблизу хут. Гринячка Хотинського р-ну, в околицях Теребовлі, на городищах VII–VIII ст. у Зимно та Хотомелі, у Пересопниці (НМІУ).

3) скорчені тілопокладення, виявлені на курганних могильниках Волині у Білеві (кургани 2 і 9), Колоденці — курган 5.

4) амфори: у Лучеську під час розкопок 1996–1997 рр. в споруді № 2 Х—XI ст. на території середмістя виявлено більшу (тарну) сіроглиняну плоскодонну з вертикальною горловиною амфору. Подібної форми сіроглиняні амфори мали значне поширення у Саркелі. Схожа амфора цього часу відома також з розкопок города Ярослава у Києві.

5) посуд з пролощеним орнаментом, характерний для салтово-маяцької або балкано-дунайської культур знайдено у вузько окресленому регіоні на південні Волині у керамічних комплексах ряду жител X початку XI ст. Дорогобужа, Верби Дубнівського р-ну, Антонівців у Кременецьких горах, у Дубному поряд з кермікою «курганного типу», серед матеріалів розвідкових робіт на городищі Борщівка та селищі-супутнику городища у с. Пахиня у верхів'ях р. Горинь. На Прикарпатті подібний посуд відомий з городища X — початку XII ст. «Вали» у Судовій Вишні (матеріал зберігається у Львівському історичному музеї) та городища Ревно (Х ст.) на Буковині.

6) городище Борисковичі на р. Липі (розкопки автора, 1990 р.): посудина з пролощеним знаком тризуба та конструкція з масивних цегляних блоків у серцевині земляних валів.

7) т. зв. «поховання золи» на долівці споруди кінця IX—X ст. на ур. «Панський город» у Лучеську зафіксовані автором . Подібні спеціально спресовані пласти попелу округлої форми досліджувалися М. Тельновим на поселенні VIII—Х ст. Сокок у Середньому Подністров'ї. Спеціальні зольники, в яких ретельно зберігали золу з домашніх печей, відомі у салтово-маяцькій культурі.

8) підплітові поховання, поширені у Східній Галичині (Подністров'ї), а також на Волині: в околиці Дубного (острів у Тараканові), у Пересопниці (посад Пастівник) та у Перемилі, а також у Крем'янецьких горах (Антонівці, Людвище, літописний Шумськ). На думку В. М. Войнаровського (1992), витоки цього обряду слід шукати на території Першого Болгарського царства, В. В. Седов уважав подібний тип поховань характерним для слов'янського племені білих хорватів, а на думку Я. Р. Бубенка (2004) підплітові поховання Східної Європи були залишенні окремими групами алан, що поширювались у слов'янському середовищі протягом X—XI ст.

Таким чином, більшість знахідок південного походження виявлено на городищах-дружинних центрах Х—XI ст. Їх концентрацію можна пов'язувати із заходами щодо освоєння земель на західному кордоні Київської держави.

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

К. Ю. Бардола (Харьков)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В истории, пожалуй, трудно найти политическое образование, которое так же органично ассоциировалось бы с понятием «дипломатия», как Византийская империя. Несмотря на это, до сих пор нет ни одного серьезного комплексного исследования, посвященного основным принципам и методам византийской дипломатии. В результате многие ключевые моменты зарождения, становления и развития этого явления остались незатронутыми историографией. С другой стороны, многие определения и выводы о византийской дипломатии находятся в плenу устоявшихся «мифов», которые сложились более века назад.

Основная проблема заключается в отсутствии четкого определения объекта исследования при изучении византийской дипломатии. Не редко понятие «дипломатия» включает в себя внешнюю политику, стратегию или всю систему межгосударственных отношений, что конечно же влияет на конечные выводы исследования.

Наиболее популярный, так называемый, «региональный» подход к изучению византийской дипломатии, предполагает ее осуществление исключительно как ответ на внешние вызовы, без учета особенностей социально-экономической и политической ситуации в Империи. Это в конечном итоге, приводит к тому, что исследователи не могут окончательно объяснить причины значительных изменений в методах и принципах византийской дипломатии, которые можно наблюдать на рубеже VIII—IX вв.

Отсутствие четких разграничений между понятиями «церемониал», «дипломатия» и «внешняя политика», в конечном итоге, привело к тому, что долгое время в историографии господствует представление о наличии некой реваншистской «общимперской доктрины», стремлению византийских императоров к непременному воссозданию государства в границах Римской империи. Приходится признать, что сведений источников недостаточно, чтобы утверждать о наличии подобной доктрины. Некоторые риторические приемы, используемые византийцами на переговорах, а также особенности византийского церемониала мог-

ли подтолкнуть исследователей к подобной мысли, но это лишь свидетельствует о необходимости более подробного изучения этих элементов византийской дипломатии.

В «плачевном» состоянии находится тема постепенного отмирания системы «федератов» и формирования «семейных» взаимоотношений византийских императоров с лидерами приграничных политических образований. Для исследователей очевиден процесс упразднения системы федеративных союзников империи, но требуется более подробный анализ причин появления и особенностей взаимоотношений, которые пришли на смену этой системы.

Определенные сомнения вызывает признание исследователями успешного использования религиозного фактора в процессе дипломатических отношений Византии с соседями. Исследователи справедливо отмечают успехи религиозной политики Византии в так называемом Причерноморье. Но следует отметить, что на других направлениях это подход использовался крайне редко и неудачно, что требует дополнительного научного освещения.

Требуют дополнительного изучения византистами и такой важный элемент средневековой внешней политики как «брачная дипломатия». Византийские правители редко использовали этот способ ведения международной политики, что конечно же обусловлено особенностями представлений византийцев о характере императорской власти и способом ее передачи преемникам. Редкие случаи международных политических «браков» не могут рассматриваться как непререкаемый успех византийской дипломатии. В этом случае необходимо соотносить цели и результаты подобных союзов.

Прошло более 50 лет после научного доклада Д. Оболенского на конгрессе византистов в Охриде, и более 20 лет после доклада А. П. Каждана на симпозиуме в Кембриджe, а фраза, которая прозвучала из уст двух византистов, о том, что «византийская дипломатия ждет своего исследователя», все также актуальна.

Н. Н. Болгов (Белгород)

ГОРОД ГИППОС (СУССИТА) В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЕ

Ранневизантийская провинция Палестина II, образованная в 390 г. на севере региона, имела развитую сеть городов (Иерокл, Георгий Кипрский). Одним из них был Гиппос (Суссита), основанный ок. 200 г. до н. э. Селевкидами, часть Декаполиса (Десятиградия). Греческое и арамейское названия тождественны и происходят от внешнего вида горы, похожей на спину лошади. Гора находится в 2 км к востоку от Тивериадского озера, высота — 350 м над уровнем озера. Город занимал всю ее вершину размером 650 м с запада на восток и 170 м с севера на юг. Крутой склон на западной стороне и глубокие ущелья с севера и юга отделяют гору от окружающей местности. Единственный подход к городу был с востока, по узкому перешейку. У подножия перешейка располагается некрополь Гиппоса.

Город был обнесён мощными базальтовыми стенами с двумя воротами на восточном и западном концах главной улицы. Западные ворота позднеримского или ранневизантийского времени имеют один проход с двумя башнями по обе стороны. Уникальной особенностью ворот является отсутствие симметрии в размещении башен-близнецов.

Христианская топография города оформилась в результате перестроек после землетрясения 363 г., когда погибли крупное эллинистическое святилище, римская базилика II в., термы, а также одеон на западе городища.

Форум Гиппоса размером 40 × 32 м был вымощен тщательно отделанными базальтовыми плитами и образовывал широкую прямоугольную площадь, окруженную с трех сторон колоннадами. 14 колонн из египетского сего гранита упали на мостовую в результате землетрясения 749 г. Были найдены многие архитектурные фрагменты, в том числе пьедесталы из местного базальта и известняка, а также импортного мрамора и гранита. По периметру форума открыты остатки мастерских и лавок существовавших в ранневизантийское время.

Христианское присутствие в городе прослеживается с IV в. Постепенно город был христианизирован, более того, с 359 г. он становится центром епархии. В сохранившихся списках участников церковных Соборов 359 (Селевкия) и 362 (Антиохия) гг. указан епископ Петр.

В Соборах в Иерусалиме в 518 и 536 гг. участвовали епископы Конон и Феодор. Но еще в византийский период, вне городских стен, была найдена языческая могила некоего Гермеса, что свидетельствует о сравнительно позднем присутствии язычества.

Всего на городище открыто 8 церквей, главными из которых были 4. Юго-восточная церковь размерами 20 × 40 м была епископальной. Она открыта работами 50-х гг. XX в. к югу от главной улицы (*decumanus*) в центре городища. Найдено 9 мраморных колонн с коринфскими капителями (вторичного использования), богатой декорацией, надпись с именем пресвитера Прокопия. Рядом расположен баптистерий. Его пол украшен геометрическим орнаментом и цветочными мотивами, христограммой, именами Косьмы и Дамиана, медальоном с ритуальными словами «свет» и «жизнь» и датой соответствующей январю 591 г.

Северо-западная церковь размерами 21 × 42 м с притвором (с надписью с именем диакониссы Антонии) важна находящимся в нем мавританием. Уникальна пристройка из трех комнат с южной стороны храма. Найдены мозаичные полы с цветочным орнаментом и надпись с именами Гелиодоры и Петра. Примечательно, что храм построен около 500 г. посреди бывшего эллинистического святилища.

Два храма имели локальное «квартальное» или даже приватное значение. В 50 м к востоку от Северо-западной церкви открыта Северо-восточная церковь, похожая в плане, но меньше по размеру, также с притвором. В ней вторично использованы более ранние римские колонны. Стены и пол имели росписи и мозаики. Найдено несколько захоронений в саркофагах, в том числе женских, фрагменты оконного стекла и литургические предметы.

На западной оконечности городища открыта Юго-западная церковь, имевшая тоже локальное значение.

В целом церкви города (по совокупности археологических элементов) играли важную роль в паломническом движении, культе святых (особенно женщин), имели много реликвий. В городе имелись женские монастыри. Последний цикл археологических раскопок (с 2000 г.) существенно обогатил представления об этом ранневизантийском центре.

A. M. Болгова (Белгород)

РИТОР ХОРИКИЙ ГАЗСКИЙ В ВИЗАНТОЛОГИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В Газе Палестинской V—VI вв. сложился один из наиболее плодотворных вариантов ранневизантийского культурного синтеза. Ритор Хорикий был ярчайшим представителем газской школы. В последние годы в мировой науке констатируется повышенный интерес к творчеству этого автора.

Хорикию нашлось место в двух коллективных монографиях о Газе (*The Christian Gazain Late Antiquity*. Leiden; Boston, 2004; *Gaza dans l'antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire*. Salerno, 2005). В первом издании имеется важная статья Я. Ашкенази «Софисты и священники в позднеантичной Газе по ритору Хорикию». Во

втором томе В. Шуллер поместил работу «Хорикий Деклатор», а Э. Амато — работу о рукописной традиции Хорикия.

В 2005 г. Альдо Корселла (Базиликата) сделал анализ «Хорикианы» в статье в журнале «Пайдея».

Еще одна коллективная обобщающая работа (*Greek Literature in Late Antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism*. Aldershot, 2006) содержит главу «Риторические и театральные вымыслы Хорикия из Газы», написанную Рут Вебб (Лондон).

В 2009 г. в Генте была защищена диссертация Флёр Деклерк «Взгляд оратора. Ритор Хорикий Газский: перевод и изучение вымысла в его дискурсе».

В 2009 г. Роберт Дж. Пенелла издал английский перевод Декламаций и Выступлений Хорикия в дополнение к переводу Речей (1980 г.) Фотиоса Литсаса. В 2010 г. вышли итальянские переводы двух надгробных речей (К. Греко) и декламации «Мильтиад» (С. Лури).

В серии «Revue des etudes tardo-antiques» в 2012 г. появилась работа Кьяры Телески о порядке и композиции корпуса сочинений Хорикия.

Феномену Газской школы была посвящена научная конференция, состоявшаяся в Париже (Коллеж де Франс) 23–25 мая 2013 г. В числе прочих на ней достойное место нашла тематика, связанная с Хорикием.

Н. Н. Болгов и А. М. Болгова (Белгород) открыли заседание теоретическим докладом «Перекресток эпох и культур: Хорикий Газский как зеркало континуитета».

Роберт Пенелла (Фордхэм, Нью-Йорк), один из главных исследователей «Третьей софистики» в целом, и Хорикия, в частности, посвятил свой доклад «Риторика, епископат и культурный энциклопедизм в позднеантичной Газе» одним из наиболее важных речей Хорикия — двум Панегирикам Маркиану, где сообщается много важных подробностей о деятельности епископа в ранневизантийском городе, о Газской школе и о важнейших храмах Газы, украшенных росписями (Св. Сергия и Св. Стефана) и описанных Хорикием.

Клаудия Греко (Флоренция) сделала акцент на редких элементах классического образования в Газской школе на примере одной из речей Хорикия (Dial. XXIV), сделав вывод, что «варвары не приглашены на пир Муз».

Ян Стенгер (Глазго) в докладе «Переосмысливая мифы: Хорикий и автономия литературы в Газе» на ос-

новании сочинений Хорикия сделал вывод об известной самостоятельности газской литературы, которая, даже используя мифы, уже не была опасна для Церкви в силу исчезновения «живого» язычества.

Кристиан Перне (Фрибур) осветила влияние Ливания на Хорикия в «Апологии мимов».

Джан-Луиджи Томаззи (Милан) сделал сообщение о декламации Хорикия «Тираноубийца».

Кьяра Телеска (Базиликата) рассказала о соотношении ученой эрудиции и общественно-исторических реалий в эпиталамах Хорикия.

Фотини Хаджиттофи (Лиссабон) посвятила свое сообщение образу поэта у Хорикия («Гомер как плясун» — образ из Dial. XII).

Доклад Анны Лампадари迪 (Лилль) был посвящен интереснейшему сравнению церкви Св. Сергия в Газе (по описанию Хорикия) и церкви Евдоксианы в «Житии Порфирия Газского».

Катрин Салю (Париж) осветила образ архитектуры VI в., складывающейся под пером Хорикия.

Симона Лупи (Сассари) обратилась к образу «мифолюбивого мужа» и геродотовской традиции хорикиева корпуса.

Паола д'Алезио (Нант) рассказала об аспектах рукописной традиции Хорикия.

Все 12 докладов о Хорикии, сделанные на Парижской конференции 2013 г., стали новым серьезным шагом в изучении его наследия, переживающего ныне период яркого ренессанса, будучи фокусом процесса культурного континуитета.

O. B. Yus (Львов)

О ПОПЫТКЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ «СТРАНЫ ДОРИ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО НА ЕВРОПЕЙСКОМ БОСПОРЕ

Одной из недостаточно исследованных проблем истории Северного Причерноморья является вопрос существования на территории Крыма загадочной «страны Дори», в раннем средневековье населенной готов — военных союзников Византии. Главным источником сведений о стране является трактат Прокопия Кесарийского «О постройках», посвященный военно-строительной деятельности императора Юстиниана I (527–565). Автор трактата сообщает, что в Крыму «есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы», добровольно оставшиеся здесь и пребывавшие в союзе с ромеями. Вследствие относительной доступности «страны Дори» для нападения, «император укрепил все места, где можно врагам вступить, большими стенами и таким образом отстранил от готов беспокойство о вторжении в их страну».

Вопросам локализации «страны Дори» посвящено много исследований. На протяжении XIX—XX вв. ряд ученых вел оживленную дискуссию по этой проблеме. Не утихает она и сейчас. В 2012 г. российский исследователь А. Л. Ермолин в диссертации «Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III—VI вв.» выдвинул новую версию ее местонахождения. По его мнению, «страна Дори» располагалась значительно восточнее — на Керченском полуострове, уточняя, что под ее описание «наиболее

подходит Китейская равнина». В качестве главного города у автора выступает городище Китей (он же Дорос). Какими аргументами оперирует А. Л. Ермолин?

1. Исследователь утверждает, что: «археологические исследования... Тиритакского вала, показали, что... часть Восточной линии обороны была восстановлена. Археологический материал из заполнения рва дает право считать, что он был частично обновлен и частично вырыт заново во 2-й четв. VI в. н. э., после перехода Боспора под власть Византии».

2. Китейская равнина, вытянутая на несколько километров с запада на восток, идеально подходит к описанной «стране Дори». Здесь «археологический материал показывает наличие общности... «поздних боспорян» на территории между Узунларским и Тиритакским валами в IV—VI вв. н. э., южную часть которой (Китейскую равнину) можно отождествить со «Страной Дори» Прокопия».

3. Отождествляя Китей с Доросом, А. Л. Ермолин приводит некую ситуацию, сложившуюся на полуострове (от мыса Такиль до Кыз-Аула), которая «схожа с описанием района Дори — богатый готский могильник Джурга-Оба, сравнимый по статусу... со столичным, Боспорским некрополем, указывает на богатый город с доминированием германского населения (Китей)».

Рассматривая версию А. Л. Ермолина, заметим, что он, почему-то, не обращает внимания на слова Прокопия об укреплении Юстинианом тех мест «страны Дори», «где можно врагам вступить, **большими стенами**». Возможно, А. Л. Ермолину неизвестно, что еще в 1979 и 1984 гг. археологи В. Л. Мыц и В. А. Сидоренко обнаружили руины монументальных оборонных стен (техника — opus quadratum), датируемых эпохой правления Юстиниана I. Только открытия эти были сделаны не на Китайской равнине, а в ущельях Второй гряды Крымских гор (Юго-Западный Крым), у подножия городищ Мангуп-Кале и Эски-Кермен.

В «Книге путешествия» Эвлии Челеби (1611–1682) можно найти упоминание о монументальных стенах в ущелье Ашлама-Дере южнее Бахчисарайя. Руины такого же сооружения в устье Черной речки описал в XVIII в. академик П. С. Паллас. Изображение еще одной «большой стены» у с. Кош-Дегермен можно увидеть в альбоме сенатора П. И. Сумарокова (1767–1846).

В тылу всех оборонных стен обнаружены, хронологически им сопутствующие, гото-аланские поселения и могильники.

«Большие стены», открытые в в ущельях Внутренней гряды Крымских гор — это локальные оборонные узлы, возведенные Византией в первой пол. VI в. с целью отстранить «от готов беспокойство о вторжении». Обозначив на карте места их расположения, становится возможным определить и внешние границы легендарной «страны Дори» — самого северного анклава имперских союзников в VI в.

По нашему мнению, попытка А. Л. Ермолина локализовать «страну Дори» на Керченском полуострове, слабо обоснована. В то же время, его гипотеза, безусловно, оживила дискуссию вокруг недостаточно освещенных вопросов истории Северного Причерноморья, что свидетельствует о позитивной динамике исследований, проводимых российскими византистами.

О. В. Господаренко, О. І. Смирнов (Миколаїв)

РЕЛЬЄФНІ ЗМІНИ НА ДНІПРОВСЬКОМУ-2: ДО ПИТАННЯ АРХЕОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ ЗАМКУ ЛЕРІЧЕ

Весною 2013 р. в рамках планових розвідок НДЦ «Лукомор’є» ОАСУ ІА НАН України та наукового гранту Канадського інституту українських студій Альбертського університету були проведенні огляди пам’яток археології Очаківського р-ну Миколаївської обл., особливу увагу приділено Дніпровському-2.

Пам’ятка була відкрита в 1848 р., а вперше оглянута в 1862 р. У 1913 р. В. Гошкевич надав повну характеристику об’єкта та провів топографічну зйомку. Пізніше топографічний план був перевиданий І. В. Фабрициус у 1951 р. Автори повідомляють, що городище складається з двох частин, кожна з яких обнесена окремим валом.

У 1949 р. невеликі археологічні розкопки тут здійснила С. Капошина. У зведеному звіті Буто-Дніпровської експедиції за 1949–1950 рр. Л. Славін вказує, що з боку степу городище було обнесено двома валами висотою до 1 м. Східна частина за площею становила 2 га, а західна — 0,75 га.

У 1982 р. на території Дніпровського-2 працював Периферійний загін Ольвійської експедиції (С. Буйських, В. Бураков). Проведені роботи дозволили скласти план пам’ятки, який відображав його стан (топограф М. М. Ієлев). Ще на плані В. Гошкевича обидві частини городища розташувалися по лінії північ-південь з невеликим відхиленням на схід. Станом на 1982 р. було зафіксоване збільшення відхилення пам’ятки на схід. Тому більшу частину городища С. Буйських називав північно-східною, а меншу — південно-західною. Площи обох частин становили 1,75 га та 0,45 га відповідно.

У своєму щоденнику С. Буйських вказує на відсутність двох валів, наявність яких зафіксував Л. Славін, а також на помилку В. Гошкевича, який на своєму плані показав в’їзд на південно-західну частину городища з боку лимана.

У 2013 р. були здійснені кілька оглядів пам’ятки. Як вже зазначалося, пам’ятка складається з двох нерівних частин — «дитинця» (південно-західна частина) та «по-

саду» (північно-східна частина). Обидві частини мають сліди природних руйнацій та техногенних змін. Частина оборонних валів зруйнована природними зсувами ґрунту в бік Дніпро-Бузького лиману. Верхні шари пам’ятки пошкоджені грабіжницькими роботами. Вздовж оборонного валу «дитинця» в напрямку північ-південь наявна траншея шириною близько 2 м та довжиною близько 40 м.

Перше обстеження весною 2013 р. дало наступні результати.

«Дитинець». Довжина валу в напрямку північ-південь 37 м. Довжина по лінії захід-схід (вздовж обриву над берегом лиману) — 115 м, з 62 м по 75 м наявна природна ерозія ґрунту шириною 8 м, по лінії захід-схід (вздовж природного обриву) — 43 м.

Між «дитинцем» і «посадом» наявний рів. Довжина рову становить 56 м. При цьому частина його зруйнована природною еrozією ґрунту, наявна розщелина. Ширина рову з боку лиману: зверху — 38 м, внизу — 18 м. З протилежного боку (перпендикулярно обриву): зверху — 42 м, внизу — 15 м.

«Посад» має форму п’ятикутника («пентагона»). Вал вздовж обриву на березі лиману зруйновано часом. Довжина по лінії північ-південь 112 м, по лінії схід-захід (вздовж берега лиману) — 93 м, з протилежного боку по лінії схід-захід довжина — 93 м.

Восени 2013 р. була здійснена нова топографічна зйомка пам’ятки, в результаті чого були уточнені її розміри. Зараз ми можемо говорити про зменшення розміру обох частин городища відповідно до топографії М. Ієлева та робіт С. Буйських і В. Буракова). «Посад» за площею становить 1,42 га, «дитинець» — 0,25 га.

Зазначена пам’ятка потребує негайного дослідження оскільки в результаті природної руйнації та, особливо, грабіжницьких розкопів її площа різко скорочується. З 1982 р. розміри посаду зменшилися на 0,33 га, а дитинця — на 0,5 га.

А. Н. Домановский (Харьков)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ Л. С. ВАСИЛЬЕВА И Ю. И. СЕМЕНОВА

Важным в исследовании прошлого является так называемое «внешисточниковое знание», без которого все исследование сводится к сугубо описательному пересказу. К сожалению, именно он доминирует сегодня в тех сегментах украинской и российской исторической науки, которые занимаются исследованием базовых социально-экономических вопросов развития общества (от древности до современности). Отбросив марксизм как идеологию, его одновременно отбрасили и как методологию, однако так и не смогли заменить его чем-то действительно стоящим. Важными исключениями выступают разве что концепции «политарного способа производства» Ю. И. Семенова и « власти–собственности» и «централизованной государственной редистрибуции» Л. С. Васильева.

Оба исследователя предложили собственные концепции всемирно-исторического процесса, в которых походя упомянута также и Византия. К идеям, высказанным ими на наиболее высоком уровне генерализации, уже приближались отдельные византинисты — М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан, Дж. Хэлдон и др. Однако над этими исследователями довлело избыточное знание источников, которое удерживало их от излишне смелых обобщений.

Как представляется, вполне перспективным будет применить к изучению социально-экономической природы Византийской цивилизации две упомянутые концепции. При этом наиболее интересным представляется ранний период ее становления (IV—VI вв.), поскольку позволит проследить механизмы и динамику перехода от античной модели социальной организации к восточной (первую из них Л. С. Васильев считает уникальной, вторую — типичной), либо изучить воплощение и функционирование «политарного способа производства» по Ю. И. Семенову (утверждает, что «отличный от древнеполитарного, но тоже политарный способ производства возник в Римской империи; он просуществовал на протяжении всей истории Византии»).

М. Є. Домановська (Харків)

ВІЗАНТИНІСТИКА У НАУКОВИХ СТУДІЯХ ТА НАВЧАЛЬНИХ КУРСАХ В. І. САВВИ

Малодослідженю сторінкою історії візантинознавства у Харківському університеті кінця XIX — початку ХХ ст. є студії і навчальні курси викладача кафедри російської історії В. І. Савви. Спільне дослідницьке поле візантиністики і вітчизняної історії являли проблеми русько-візантійських контактів та ромейських впливів на державотворення і культуру Київської та Московської Русі.

Основна цінність магістерського дослідження В. І. Савви «Московские цари и византийские васильевы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи власти московских царей», витриманого у традиціях позитивістської історіографії, полягає у введенні до наукового обігу значного комплексу джерел, серед яких документи церемоніального характеру, зокрема чини вінчання на царство, послання митрополитів та державних діячів, що

Важним в контексте сравнения двух рассматриваемых концепций по отношению к византийскому материалу является вопрос о том, определяли ли постепенную «ориентализацию» ранней Византии по пути к централизованной модели редистрибуции наличие в ее составе Египта и Малой Азии, в целом элементов «Востока» (Л. С. Васильев), или же политархия была ее базовой основой уже со времени Римской империи (Ю. И. Семенов).

Л. С. Васильев утверждает, что «...в Византии шел процесс притирания друг к другу двух разных структур, двух вроде бы несовместимых стандартов существования, как то имело место в свое время в эллинистических городах Ближнего Востока, значительная часть которых вошла в состав Восточной Римской империи». Ю. И. Семенов, в свою очередь, не делает существенных различий между античностью и средневековьем в истории Римской / Ромейской империи, утверждая, что «Восточная Римская империя (Византия), отчасти давно уже бывшая, отчасти ставшая к V в. н. э. политарным обществом, сохранилась. Политаризм в Византии носил своеобразный характер. В целом ряде отношений это общество отличалось от обычного древнеполитарного, но в основном оно относилось к тому же самому типу. ...византийское древнеполитарное общество, как и любое другое общество данного типа, было тупиковым».

Сравнительный анализ двух предложенных исследователями концепций всемирно-исторического процесса на примере Византии представляется важным и перспективным направлением исследований, как для выяснения базовых аспектов формирования и существования Византийской цивилизации, так и функциональности обоих теоретико-исторических подходов и возможности посредством их применения адекватно описывать и анализировать исторический процесс.

розвідка донині залишається одним із найбільш грунтovних досліджень з історії походження царської влади в Московській державі. Основну увагу науковець зосередив на обряді вінчання на царство у Візантії, характеристиці відносин імператора із Церквою, а також на процедурі коронації руських правителів від онука Івана III Дмитря до Олексія Михайловича зі спробою визначення ступеню впливу на неї візантійської традиції.

Ця розвідка донині залишається одним із найбільш грунтovних досліджень з історії походження царської влади в Московській державі. Колега автора П. М. Буцинський позитивно оцінив роботу, зазначаючи той факт, що автор взявся за надмірно широку проблему, а також зазначив переважну увагу В. І. Савви до візантійських джерел більш раннього періоду (Х ст.). Рецензія П. М. Буцинського як офіційного опонента, а також відповідь на

нії дисертанта є одним із небагатьох прикладів наукової полеміки між істориками Харківського університету, що збереглася до нашого часу.

Окрім вже згаданої магістерської дисертації, В. І. Савва присвятив візантійській історії окрім статті, де проаналізував вплив ромейської традиції на ритуали царського двору у Московській державі, доповідь на XII Археологічному з'їзді, а також свою першу наукову розвідку про хрещення княгині Ольги.

Основна цінність його доробку передусім полягає у його історіографічній та джерелознавчий спрямованості, що є цілком закономірним, оскільки на кінець XIX ст. актуальність створення узагальнюючої праці, присвяченої стану дослідження проблеми візантійського впливу на становлення державотворчих традицій Московського царства не підлягає сумніву.

Викладацька діяльність В. І. Савви у Харківському університеті була пов'язана із кафедрою російської історії, він читав лекції і проводив практичні заняття впродовж 1895–1905 та 1909–1919 рр. Практичні заняття

з російської історії передбачали переклад та критичний розбір свідоцтв візантійських письменників, свідоцтв Бертинських анналів та арабських письменників про Русь.

Отже, наукові праці та навчальні курси В. І. Савви з російської історії демонструють значну увагу до актуальних питань візантиністики. Центральними темами став аналіз особливостей русько-візантійських зв'язків на матеріалах договорів кіївських князів з ромейськими імператорами, питання рецепції в Київській та Московській Русі візантійських культурних і державотворчих традицій. Практичні заняття, які наприкінці XIX ст. вже стали обов'язковою частиною навчального процесу, передбачали переклад, тлумачення та критичне осмислення значного кола як візантійських, так і давньоруських джерел. Така увага до візантійського матеріалу цілком відповідала політичній доктрині Російської імперії, яка базувалася на акцентуванні спільногого минулого Візантії та східних слов'ян, і надавала можливості для обґрунтування лідерства російських монархів в колишніх імперських володіннях.

С. В. Дьячков (Харьков)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРБАЛЕТОВ ГАРНИЗОНОМ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV–XV ВВ.)

Как известно, арбалетчики составляли основу гарнизонов в колониальных владениях Генуи. Из Устава для генуэзских колоний в Черном море 1449 г. известно, что в крепости Чембало предписывалось иметь «40 стрелков хороших и надежных со своим оружием и двумя баллистами у каждого».

Раскопками на территории крепости Чембало до 2013 г. было обнаружено около 70 наконечников арбалетных стрел (болтов). Практически все находки были сделаны во время раскопок оборонительных объектов крепости: башни № 1 и № 2, пространства между этими башнями, а также на территории к западу от донжона цитадели.

Летом 2013 г. объединенная археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина во время раскопок башни № 5, расположенной на северном склоне г. Кастрон на территории города св. Николая, обнаружила остатки крепостного арсенала арбалетных стрел.

Общее количество болтов, обнаруженных в слое 2, составило 2247 шт. (подсчет велся по количеству сохранившихся боевых головок наконечников). Помимо этого, найдено 572 втулки болтов без головок. Слой 2 заполнял внутреннее пространство водосборной цистерны, расположенной на нижнем ярусе башни № 5. Он возник в результате обрушения свода цистерны и руин верхних помещений башни. Болты и их фрагменты изрядно коррозированы. Визуальный осмотр позволяет предварительно выделить три типа болтов.

Тип 1. Арбалетный втульчатый бронебойный наконечник. Втулка коническая, сужающаяся кверху, в сечении круглая. Четко выражена боевая головка пирамидальной треугольного сечения с треугольной гранью. Каждая грань представляет собой несколько вытянутый равнобедренный, иногда равносторонний треугольник. Выделяются два условных калибра. «Малый» калибр: длина — до 60 мм,

длина грани головки — 10–12 мм, внешний диаметр втулки — 12–15 мм. «Крупный калибр»: длина — до 100 мм, длина грани головки — до 15 мм, внешний диаметр втулки — до 18 мм. Раскопками 2013 г. выявлен 1431 болт данного типа. Аналогичные болты обнаружены в генуэзской крепости в Судаке.

Тип 2. Арбалетный втульчатый болт. Втулка коническая, сужающаяся кверху, в сечении круглая. Втулка плавно переходит в боевую головку без четко выраженной шейки. Боевая головка имеет пирамидальную форму треугольного сечения с округлыми гранями. Использование болтов этого типа, возможно, предназначалось для нанесения тяжелой травмы. «Малый» калибр: длина — до 50–70 мм, длина грани головки — 10–12 мм, внешний диаметр втулки — 12–15 мм. «Крупный калибр»: длина — до 100–110 мм, длина грани головки — до 18 мм, внешний диаметр втулки — до 18 мм. В ходе раскопок башни № 5 в 2013 г. обнаружено более 500 наконечников данного типа. Болты такого типа выявлены среди материалов генуэзских памятников Чобан-Куле и Фуна.

Тип 3. Черешковые железные наконечники составили самую малочисленную группу среди арбалетных болтов. Выявлено 202 болта. Необходимо подчеркнуть, что болты этого типа подверглись очень существенной коррозии, поэтому их описание имеет исключительно предварительный характер. Длина болтов типа 3 составляет преимущественно 35–60 мм. Боевая головка, как правило, имеет пирамидальную в сечении форму с тремя гранями в виде равнобедренного треугольника. Общая длина головки составляет 25–45 мм. Шейка головки болтов слабо выражена. Черешок болта короткий (10–25 мм), имеет квадратную в плане форму.

После падения Константинополя в 1453 г. в обширный список первоочередных закупок вооружений для усиления крымских гарнизонов протекторы банка св. Георгия в середине XV в. включили также 5000 арбалетных стрел. Визуальный осмотр находок из Чембало не оставляет

сомнений в том, что арбалетные стрелы поставлялись в гарнizon централизовано. Находки железных гвоздей и скрепляющих полос позволяют предположить, что стрелы для арбалетов хранились на втором ярусе башни № 5 в деревянных сундуках или на стеллажах. Очевидно, что обнаруженный в Чембало арсенал арбалетных болтов нуждается в специальном изучении с использованием математических и естественнонаучных методов исследования.

A. В. Кобзева (Белгород)

XIII—XIV КНИГИ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ: ВВЕДЕНИЕ В ВИЗАНТИЙСКУЮ ИСТОРИЮ

Одним из наиболее популярных и важных сочинений ранневизантийского времени является «Хронография» Иоанна Малалы. Существует огромная историографическая традиция, которая активно пополняется в последнее время. Однако поразительно, что до сегодняшнего дня нет современного научного русского перевода этого сочинения (учитывая наличие древнерусской версии).

Одним из наиболее важных является вопрос о структуре «Хронографии» и выделяемых в ней тематических блоках. Если Я. Н. Любарский был склонен выделять в сочинении Малалы две части («бibleйско-греческую» и «римско-византийскую»), полагая водоразделом установление империи, то, по нашему мнению, более логично было бы разделить «Хронографию» по содержанию и смыслу на три раздела: кн. I—VI — события библейской и греческой истории (включая легендарные эпохи); кн. VII—XII — римская история; кн. XIII—XVIII — византийская история. Выделение византийского раздела представляется вполне закономерным, так как XIII книга, повествующая о событиях IV столетия от Константина до Аркадия и Гонория, с одной стороны, продолжает «римские» книги, с другой — меняет интонацию в связи с началом христианской эпохи, а также с переносом столицы в Константинополь. И если определенная «переходность» XIII книги проявляется еще и во включении в нее нескольких императоров, как в целом принято автором для «римской» части, то в дальнейшем каждому отдельному византийскому императору будет посвящена отдельная книга (окончательно с XV кн., посвященной Зинону). Считается, что, начиная с XV кн. Малала пишет о них со слов современников и очевидцев. Поэтому книги XIII—XIV носят переходный характер и тем особенно интересны для исследователя позднеантичной транзитивности.

К признакам традиционной римской истории в данных книгах можно отнести: общий связанный «римский» дискурс, начатый как основной с книги VII; изложение по нескольким императорам в одной книге; наличие выработанного ранее приема визуальной характеристики

основных героев. К элементам нового относятся: начало христианской эпохи; перенос столицы в Константинополь; постепенное нарастание подробностей в изложении; тема стихийных бедствий, катастроф, эпидемий. Особое внимание автор обращает на нее именно в связи с началом христианской эры, т. е. византийской истории, как проявления гнева Божьего. Вместе с тем отношение к язычеству у Малалы достаточно сдержанное, так как, начав сочинение с ветхозаветных тем, он ведет античную тему параллельно с библейской, исходя из перспективы будущей победы христианства.

Обе книги имеют достаточно большой объем в среднем для сочинения Малалы — соответственно 50 и 47 глав по австралийскому изданию Э. Джейффриза. Образ Константина занимает много места, и начало христианской эпохи дается с осознанием исторической важности данного события, но без лишнего пафоса и враждебности к язычникам; основной гнев Малалы направлен против императоров — врагов Константина. Констанций и его времена даны крайне лапидарно (XIII, 17). Напротив, Юлиануделено много места (XIII, 18–23). Очень мало говорится об Аркадии и Гонории. Книга XIV посвящена только Феодосию Младшему и Льву, и «византийские» черты здесь постепенно нарастают.

Таким образом, книга XIII носит еще в значительной мере «римский», но уже и «христианский» и константинопольский характер. XIV книга приобретает уже несколько иной, «византийский» тон, ведя повествование ровно и размеренно, с одним и тем же набором тем из внутренней и внешней политики, затрагивая историю церкви и стихийные бедствия, а также тему Антиохии; отличает эту книгу от последующих, пожалуй, только присутствие в ней двух императоров, а не одного. Но фактор христианизации более важен, чем имперский «римский», поэтому рождение Византии Малала связывает именно с христианством, а не с разделом 395 г., на который он обращает мало внимания.

Следовательно, «византийский логос» Малалы должен охватывать книги XIII—XVIII «Хронографии».

A. I. Кузь (Чернівці)

ВІЙСЬКОВА НАГОРОДНА СПРАВА У ГЕНУЕЗЬКІЙ ГАЗАРІЇ

Нагородну справу та питання грошової винагороди за військову службу у генуезькій Газарії проаналізувати у всіх деталях досить важко, що зумовлено відсутністю необхідних джерел.

Багата аристократія, яка займала ключові командні військові посади, в якості винагороди могла отримувати рицарські титули та пишно оздоблені пояси. Саме цього добивався свого часу адмірал Карло Ломелліні ще до походу в Крим. У 1424 р. за свої заслуги перед герцогом і Міланом він отримав рицарський титул. Під час цього урочистого заходу посвяченій як правило отримував зброю, військовий пояс і золоті шпори. У документах Ломелліні величали «miles»,

що означало «воїн», хоча правильніше перекладати цей термін як «рицар», яким нобіль титулувався з 1424 р.

Археологічні знахідки багато прикрашених поясів західно-європейського походження часто знаходяться у Криму та на Кавказі. На разі найбільш численними є венеціанські й тосканські пояси, які датуються XIV ст.

Прикраси італійських та арагонських поясів відомі з колекції Ермітажу. Гарнітура ермітажного пояса, ймовірно була виконана у Кафі в XIV ст. або в першій половині XV ст. латинським майстром на прохання замовника, який не втратив зв'язків з культурною традицією Арагонської корони на Сицилії чи в Провансі. Швидше

за все, його власник — каталонський найманець на генуезькій службі. Елементи поясного оздоблення археологи знаходили і в Судаку. Так, у куті одного з будинків була виявлена бронзова посріблена бляха із гравірованим шаховим орнаментом і чотирма заклепками в кутках. Подібні бляхи прикрашали рицарські пояси західноєвропейського виробництва, датовані XIII—XIV ст. Крім цього, на підлозі одного з приміщень у нашаруванні пожежі була знайдена ще одна лита бронзова бляха з петлею, прикрашеною рельєфним орнаментом яка, ймовірно, принадлежала до рицарської португес західноєвропейського виробництва. Аналогічна бляха виявлена у 1982 р. на підлозі католицького храму Діви Марії (теж у Судаку).

Про нагороди й заохочення для командирів та їх підлеглих відомо більше інформації. Широкомасштабних воєнних дій постійного характеру генуезці з татарами і феодоритами не вели. Тому про великі нагороди та премії бійцям не йшлося. Зробити військову кар'єру на службі в колоніях було досить складно внаслідок значної мобільності гарнізонів і нетривалого періоду служби. Проте поодинокі випадки все ж були. Так, на основі рахунку стипендій соціїв Солдайї за 1381 р. відомо про переміщення по службовій драбині спочатку простого соція, потім — кавалерія, і нарешті — капітана Томмазо ді Оліва.

Воїни, які виrushали на службу в генуезьку Газарію за наймом Банку св. Георгія, отримували охоронну грамоту (*salvus conductus*). За нею стипендіарії звільнялися від

претензій на стягнення приватних боргів, за винятком тих, що були зароблені в останні два місяці. Це певною мірою можна вважати певним привileєм.

Як правило, премії та заохочення командирям та солдатам видавалися перед величими релігійними святами. На Різдво в Кафі щорічно виділялися наступні суми: на вино поліцейським служителям — 12 аспрів, соціям — 12 аспрів. Значні надбавки та премії видалися на свято св. Георгія. На хліб, вино і сир кавалерію, оргузіям та іншим найманцям передбачалася грошова надбавка в розмірі 70 аспрів.

Певні грошові виплати передбачалися і як щорічні заохочення по службі. Щороку на хліб, вино, м'ясо і сир для кавалерія, його служителів та оргузіїв передбачалося витратити 70 аспрів. Також на пожертвування балістаріям Солдайї та Чембало виплачувалося по 300 аспрів на кожен підрозділ.

Часто в подарунок, а також як нагорода за службу видавалися особовому складу гарнізонів фортець різні тканини, зокрема камка. Вона широко вивозилася східними купцями з Кафи в Самсун і Синоп, цю тканину дарували послам і самодержцям, відправляли найманим воїнам в нагороду за службу, в якості платні та розхідного матеріалу для внутрішнього оздоблення замків. За Статутом 1449 р. таку ж шовкову тканину дарували від імені комуни кавалерію.

Загалом питання винагороди за службу в генуезьких колоніях Криму залишається відкритим і потребує подальших досліджень, оскільки наведені факти тільки в дуже загальніх рисах розкривають вказану проблематику.

A. B. Курбанов (Санкт-Петербург/Белгород)

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИИ ВИЗАНТИЙСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

С IV века при монастырях начали появляться благотворительные учреждения для странников — ксенодохионы (*ξενοδοχεῖον*; *ξενοδοκεῖον*) или ксеноны (*ξενών*); для нищих — птохионы (*πτωχεῖον*) или птохотрофионы (*πτωχοτροφεῖον*); для одиноких пожилых людей — герокомоны (*γεροκομεῖον*; *γερούτοκομεῖον*). На деле оказывалось, что в первое время разнообразные термины были взаимозаменяемы и не несли в себе строгого определения функций. Так, все эти учреждения одновременно служили как убежищем для странников и нищих, так и приютом для стариков и больницею для больных. В течение IV ст. они быстро завоевывают популярность как в восточной, так и в западной части империи.

К царствованию императора Юстиниана эти учреждения становятся все более специализированными. Среди них наиболее многочисленными считаются странноприимные дома (*ξενοδοχεῖον*), которые вытеснили привычные античному человеку гостиницы (*πανδοκεῖον*). Причина кажется очевидной: в странноприимном доме путникам питание и ночлег предоставлялись бесплатно. Следующими по численности были больницы (*υοβοκομεῖον*), превратившиеся из заведений для малоимущих в более престижные институты, в медперсонал которых стали входить опытные врачи, занимавшиеся до этого только частной практикой.

Терминология этих учреждений до сих пор не до конца изучена. Сам термин носокомион был впервые употреблен Палладием Еленопольским в диалоге, датируемом 408 г., где он характеризовал филантропическое учреждение Иоанна Златоуста в Константинополе (*Palladii dialogus de Vita S. Joannis Chrysostomi*, 32). Чуть позже Нил Анкирский уже использует этот термин как метафору (*Epistulae 2, 110*).

Однако после VIII ст. при обозначении лечебных учреждений в источниках вместо носокомиона стал употребляться такой термин как ксенон (*ξενών*). Возможно, это было связано с наступившей необходимостью различения монашеских больниц от таких крупных общественных медицинских центров, каким был ксенон монастыря Пантократора.

В то же время значение ксенона как помещения для приема странников сохранялось. Так, в энциклопедии Суды встречается два значения. Можно предположить, что ксеноны, будучи большими комплексами, служили одновременно и больницами, и странноприимными домами.

Все эти учреждения повлияли и на становление соответствующих современных греческих социальных институтов. В новогреческом языке сохранилась и их терминология: *υοβοκομείο* — больница; *օρφανοτροφείο*, *βρεφοκομείο* — детский дом или приют; *γηροκομείο* — дом для престарелых; *ξενοδοχείο* — гостиница.

A. H. Литовченко (Харьков)

АЛТАРНАЯ ПРЕГРАДА КАК ЭЛЕМЕНТ ВНУТРЕННЕГО УБРАНСТВА БАЗИЛИКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА)

Внутреннее пространство византийской базилики возможно изучать как целостную архитектурную систему,

в которой каждый элемент представляет отдельный вид декора. В данном контексте хотим обратить внимание на

алтарную преграду. Канкела, темплон или алтарная преграда представляет собой невысокою ограду, которая отделяла открытое алтарное пространство от средней части раннесредневековой базилики. Так, темплон использовался для разграничения пространства базилики, отделения алтарной части от нефов. И при этом не скрывая от верующего совершаемые таинства, а позволяли ему быть сопричастным во время литургии.

Материалы заповедника «Херсонес Таврический» хранят множество деталей интерпретируемых, как алтарные преграды. Ценной работой в собрании и систематизации таких материалов является каталог А. Бернацки. Вместе с локализованными деталями из Базилики 1935 г., автор анализирует сохранившиеся в значительном количестве остатки из раскопок за пределами храмов, что особенно важно.

В изучении храмового декора хронологически мы ограничиваемся периодом VI—XI вв. Так как с нижней границей связано строительство базилик византийского Херсона, а с верхней границей принято связывать разрушение храмов и перестройку в меньшие квартальные церкви. То есть на протяжении этого периода можно представить каковым было сакральное пространство храма. Стоит заметить, что отдельно алтарные преграды датируются VI в. и использовались в декоре до момента перестройки храмов.

Подходя к непосредственному анализу сюжетов изображений темплонов не будем ограничиваться детальным описанием изображаемых фигур. Все изображения носят орнаментальный характер, с дополнениями в виде крестов, хризм и произрастающими лозами плюща. Важным аспектом является интерпретация символического значения сюжетов, которая возможна с позиций раннехристианской символики.

В. В. Майко (Симферополь)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТКАНИ СУГДЕИ

Изучение тканей средневековой Сугдеи, несмотря на многолетние раскопки памятника, находится на стадии накопления материала. Исходя из геологических особенностей горизонтов городища, эти раритетные находки в целом сохраняются плохо и по большей части до наших дней не дошли. В основном они только упоминались в отчетах об исследованиях и нескольких обобщающих публикациях.

Наиболее ранние экземпляры тканей были обнаружены И. А. Барановым в 1988 гг. при раскопках некрополя, состоящего из каменных склепов и грунтовых могил, расположенного на участке куртины XIV Судакской крепости. В частности, в склепе № 3, возникновение которого исследователь относил к середине VIII в., на груди одного из первоначально погребенных, находились две параллельные полоски плотного синего шелка от галунов. На этом же костяке в районе коленного сустава и таза также обнаружены несколько небольших фрагментов плотной шелковой ткани темно-синего и темно-бордового цвета. На одном из них сохранились следы набивного рисунка и нити серебряного шитья. К сожалению, в отчете о раскопках какое-либо упоминание об этих уникальных находках отсутствует.

Фрагменты тканей были найдены и в пяти погребениях городского некрополя Сугдеи Судак-II, расположенного на юго-западном участке посада. В грунтовом и плитовом погребениях 64 и 199 фрагменты тканей были обнаружены в районе черепа. В плитовых могилах 6 и 7

Сравнение сюжетов алтарных преград с изображениями напольной мозаики демонстрируют их взаимосвязь и тождественность. Мозаичное искусство в большей мере разнообразно, включая вариации изображений птиц, различных плодов и т. д. Но в них не найти изображений крестов и хризм, за исключением очень ранних мозаичных композиций Загородного крестообразного храма и Уваровской базилики, что и свидетельствует в пользу ранней датировки. Такая характеристика связана с постановлением Вселенского собора 325 г. в Никее, где было запрещено изображать символ креста в напольной мозаики. То есть в декоре базилик VI в. символ креста был перемещен на алтарные преграды, где занял свое место в системе внутреннего убранства.

Материалы и техника выполнения преград обусловлены происхождением и местом изготовления. Это были мраморные плиты, зачастую без сложной витиеватой, ажурной резьбы. Встречаются с односторонними и двухсторонними изображениями, которые привозились в Херсон в готовом виде.

Функциональное значение этого вида декора определяется ведением христианской литургии. Независимо от размера, значения и типа базилики алтарная преграда была в каждом, как необходимый элемент.

Изучение аналогий темплонов среди других византийских базилик на территории современных Греции, Болгарии и стран Малой Азии позволяют вписать в византийское искусство и проследить тенденции общеимперских традиций.

Так, можно говорить о взаимодополнении монументальной живописи, которая призвана была раскрывать смысл основных Символов Веры, и алтарных преград, как элемент иного вида декора.

фрагменты тканей располагались как в районе черепа, так и таза захороненных. В плитовом погребении 95 фрагменты ткани желто-малинового цвета покрывали практически весь костяк за исключением черепа и костей ног. Судя по конструкции плитовых могил и погребальному инвентарю, все эти захоронения могут быть датированы в рамках второй половины X — первой половины XIII вв.

Фрагмент ткани был обнаружен в 1994 г. в коллективном погребении 1 прихрамового некрополя второй половины XIII—XIV вв. на северо-западном участке посада Сугдеи возле дамбы пансионата «Львовский железнодорожник». В частности в районе черепа костяка первого яруса зафиксированы остатки, вероятно, головного убора, составленного из нескольких типов тканей и прошитого серебряной нитью.

В 2007 г. в погребении 16 некрополя храма Параскевы на посаде средневековой Сугдеи с правой стороны погребенного в области пояса и ног обнаружены многочисленные фрагменты ткани бордового цвета с подкраской красным, относительно хорошей сохранности. Судя по малочисленному погребальному инвентарю и датировке самого храма, могила датируется в рамках второй половины XIII—XIV вв.

Наиболее хорошо сохранившиеся и документированные фрагменты ткани были найдены в 1948 и 1953 гг. Н. В. Пятышевой и В. П. Бабенчиковым в двух погребениях некрополя, находящегося на западных отрогах г. Ай-Георгий близ Судака. Они были представлены крупными фрагментами узорной шелковой ткани, укра-

шенными металлической ниткой, шнуром с кистью от пояса и тесемкой из ткани зеленоватого цвета. В могиле 5 были зафиксированы остатки ткани с включением металлической нитки с сохранившимися пришивными петлями и ворваркой от декоративной кисти.

По результатам анализа тканей 1948 г., сделанного в отделе тканей ГИМа, который только упоминался в отчете В. П. Бабенчикова, они, по аналогиям с находками в Херсонесе, были датированы IX—X вв. Данная да-

тировка без критического анализа была воспринята некоторыми исследователями, считавшими их показателем торговых связей средневекового города и Византийской империи. Между тем, немногочисленный погребальный инвентарь данного некрополя и нумизматический материал свидетельствуют в пользу его датировки не ранее второй половины XV — начала XVI вв. Столь поздней датой, вероятно, и определяется хорошая сохранность тканей, наиболее поздних для средневековой Судеи.

O. V. Миловидова (Харків)

ПРО НОВАЦІЇ ВІЗАНТІЙСЬКОГО ПРАВА У ЗВОДІ «ЕКЛОГА»

IX—XII ст. стали для Візантії періодом формування феодальних порядків. Держава поступово набувала риси своєрідної форми необмеженої монархії, імператорська влада досягає в цей час найвищого рівня. Юридичною наукою і викладанням права в цей час займались схолasti-адвокати. Ці юристи у 726 або у 741 році переробили правознавчі збірки попередніх століть («Інституції», «Дигести», «Кодекс» і «Новели Юстиніана»), внесли до них необхідні зміни, результатом чого став новий законодавчий звід — «Еклога». Це законодавство діяло протягом VIII—IX ст.

«Еклога» була створена з метою подолання стану занепаду візантійського права, вона стала своєрідним відходом від правових норм, пропонованих юристами Юстиніана та їх послідовниками. «Еклога» здійснила реформування правового законодавства Візантії. За своєю структурою «Еклога» складалась з вісімнадцяти титулів. Тут містились норми права, які регулювали питання сімейного і шлюбного права, спадкового права, опіки, стану рабів, купівлі-продажу, дарувань, позики, емфітевзису, найму, свідків, майнових відносин стратиотів та інших посадовців, покарань за злочини. Таке розташування нормативного матеріалу в кодексі свідчило про відхід від класифікації приватного права згідно колишньому формальному принципу (право особисте, речове, розділ про позови) і його заміну іншим, більш конкретним і спрощеним принципом, згідно якому факти розташовуються так, як вони виникають в життедіяльності людини. По-перше, реформа стосувалась процесуального права і діяльності судів. Було введено систему видачі жалування зі скарбниці квестору, антиграфесам і всьому судовому персоналу; встановлена безоплатність суду для осіб, які приймають участь у судових тяжбах; проголошувався принцип рівності всіх перед судом, незалежно від рівня майнової забезпеченості. Також вперше вводилось

законодавче регулювання питань військового права візантійським законодавством.

Запропонована «Еклогою» система покарань, яка викладалась у «пенальному» титулі, також відрізнялась від системи колишнього законодавства. В кримінальному праві відбилося звичаєве народне право, згідно з яким злочинець повинен каратися втратою тієї частини тіла, за допомогою якої він вчинив злочин. Не дивлячись на жорстокість, подібні покарання розглядалися законодавцями як більш пом'якшені засоби, адже вони, як правило, застосовувались замість смертної кари, яка призначалась за кровозміщення між близькими родичами, умисний підпал, отруєння, чаклунство, вбивство, розбій, а також за ерес. Еретики караються по «Еклоzi» суворіше, ніж за Юстиніановим законодавством, — «смертною карою мечем». Питання покарання еретиків вирішували не лише церковний суд, але і світський. «Еклога» стала першою законодавчою пам'яткою, система якої ясно передбачала дві основні мети покарання: слугувати засобом відплати за заподіяну шкоду, або спокутування провини, і засобом залякування (превентивна функція покарання).

Законодавчі норми «Еклоги» були спрямовані на урахування потреб суспільства того часу, але тут не були охоплені всі сторони правового життя Візантії. Так, «Еклога» не регулює питань аграрного законодавства, правового статусу селян і ремісників. В «Еклоzi» не вказано форми і способи захисту прав, шляхи придбання і втрати власності, не встановлено інститут давності. Мало уваги в «Еклоzi» приділялось нормам, які визначали покарання за злочини проти віри (віровідступництво, ерес, магія і т. д.), яким присвячено всього лише чотири статті. В зв'язку з цим, перед юристами-схоластами постало завдання створення спеціального доповнення до «Еклоги».

Ю. М. Могаричев (Симферополь), С. Б. Сорочан (Харків)

К ПРОБЛЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА БОСПОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI—VIII ВВ.

Проблема адміністративно-територіального устройства Боспора во второй половине VI—VIII вв. во многом остается неразработанной. Традиционно считается, что административный центр византийских владений здесь располагался в бывшей столице государства — Пантикапе, получившем на заре средневековья название Боспор (Воспор). Однако данные источников, на наш взгляд, позволяют скорректировать эту устоявшуюся гипотезу.

Согласно строительной надписи 590 г., обнаруженной в Тамани в 1803 г., после ухода тюрок византийскими территориями здесь управлял дука Херсона Евпатерий, который по поручению императора Маврикия «на Боспоре великолепное кесарское здание возобновил».

Очевидно, что имперские владения на Европейском и Азиатском Боспоре вошли в состав дуката с центром в Херсоне. При этом Боспором византийцы в конце VI в. именовали не только бывший Пантикапей, но и свои земли на обоих берегах Керченского пролива. Увековечивание надписью «возобновления кесариона» подчеркивает важность данного события, которое вполне могло быть связано с обустройством имперских структур на Таманском полуострове, скорее всего, в Горгипии (Таматархе) или Фанагории — единственных крупных центрах, уцелевших после тюркской экспансии.

В очень близкое время византийцы основывают крепость в Сугдее, на крайних границах бывшего Боспорского

царства. Скорее всего, ранние археологические комплексы могут быть отнесены здесь ко второй половине VI — первой половине VII в. и второй половине VII в. Подтверждают это и данные так называемого судакского архива печатей (на данный момент выявлено не менее 500–600 экземпляров). Среди которых 12 печатей относятся ко второй половине VI — началу VIII вв. и количественно превышают боспорские.

В соответствии с сообщениями Феофана Исповедника и Патриарха Никифора, повествующими о бегстве свергнутого императора Юстиниана II к хазарам и его пребывании в Фанагории, там можно констатировать нахождение двух хазарских чиновников, причем один из них имел должность «архонта Скифского Боспора» и не был хазарином. Представляется маловероятным, что местом их дислокации был другой город. По крайней мере, в источниках об этом нет и намека. Отметим, у Никифора при описании событий 711 г. так же фигурирует архонтия Боспор, которая стоит в едином смысловом блоке с Херсоном и другими территориями, подчиненными Византии. Если наша трактовка надписи 590 г. верна, это, скорее всего, не бывший Пантикопей, а византийские владения на территории Европейского и Азиатского Боспора.

Таким образом, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устрой-

ства Боспора в конце VI в. Избавившись от тюркской угрозы, византийская администрация Крыма, вероятно, несколько корректирует свою систему управления территорией основательно потрепанного бывшего Боспорского царства. В Крыму место разрушенного тюрками города Боспор занимает новая крепость Сугдея. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова, из отстраивавшихся Горгипии или Фанагории. Этим можно объяснить восстановление здесь дукой Евпатерием именно «кесарского здания». Хазары, укрепившись на восточной стороне Керченского пролива, местом расположения своих наместников тоже избрали Фанагорию.

Когда город Боспор вновь стал административным центром? Уже в начале IX в. Епифаний Монах отмечает Боспор как место дислокации епископа Колимвадия и некого «ипопсифия» Георгия. Скорее всего, вернувшись к городу Боспору как административному центру византийцы были вынуждены не ранее середины VIII ст. Появление на Керченском полуострове переселенцев с территории Хазарского каганата, основавших под контролем Византии порядка 250 новых поселений, тем более требовало нахождения здесь административного центра. Это же объясняет, почему именно тогда была создана отдельная от Боспора Сугдейская епархия.

A. A. Роменский (Харьков)

«ОГНЕННЫЕ СТОЛПЫ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Явление «огненных столпов» характерно для византийской, а впоследствии и древнерусской агиографической традиции. Иногда в виде знамения «огненные столпы» появляются и на страницах исторических трудов и летописей. Природа этого феномена может быть различной; тем не менее изучение сведений об этих «знамениях времени» представляется целесообразным (и в аспекте их сущности как природного явления, и в плане символической, иерофанической значимости).

Огонь и свет в Библии выполняют целый ряд функций, символизируя божественное присутствие. Огонь выступает знаком Суда Божия и в то же время средством освящения и очищения, карающим и благодатным. Господь сопровождал Свой народ в огненном столпе в книге Исхода (Исх. 13:12), о чем постоянно помнили византийцы; «огонь пылающий — служитель Господа» для псалмопевца (Пс. 104:4). «Радуйся, огненный столп, наставляй сущия во тьме» — обращается к Богородице автор Акафиста; сообразно этому пишет и Иоанн Дамаскин: «Завета нам предображают Ветхого в среду огня ввергаемые отроки ту деву, что вместила неопально огнь».

Огненный столп выступает знаком присутствия Божия в византийской агиографии: он появляется над нерукотворным отпечатком лика Христа в Иераполисе («Повесть императора Константина об эдесском образе»); столп огня показал место, где прятался Св. Григорий Великий; он же указывает на пещеру, ставшую храмом Св. Савве Освященному. Св. Василий Великий представляется в виде огненного столпа Ефрему Сирину. Для византийской агиографии «огненный столп» — несомненный маркер святости, появляющийся чаще всего в местах подвигания святых или над их мощами; это же значение усвоено впоследствии древнерусской традицией. Так, огненный столп указывает на место сооружения

Успенского собора Печерского монастыря; этот же феномен неоднократно упоминается в Житии Феодосия Печерского как очное свидетельство святости преподобного. «Огненный столп» появляется над телом убитого князя-страстотерпца Глеба в «Сказании и страсти и похвале Свв. Борису и Глебу», а также над телами Свв. мучеников Михаила Черниговского и боярина Феодора. Иногда небесный огонь отпугивал и карал варваров.

Особенно интересно сообщение об «огненных столбах» в «Истории» Льва Диакона (Х, 10). Вместе с кометой 975 г. «огненные столбы» символически указывают на перечень бедствий, обрушившихся на Византию после смерти василея Иоанна Цимисхия. В. Г. Васильевский и В. Р. Розен сопоставляли сведение Льва Диакона с информацией Яхъи Антиохийского о столбе огня в Каире и на основании этого делали вывод о взятии Херсона русами в промежутке между 7 апреля (столб в Каире) и до 27 июля 989 г. (комета Галлея). Однако сопоставление с данными Яхъи неубедительно, текст «Истории» Льва не содержит точных и надежных хронологических указаний о времени захвата Херсона князем Владимиром и вообще не упоминает о крещении самого князя и Руси. Дискуссия о природе самих столбов продолжается: полярное сияние, крайне редкое для черноморских широт, или же горящие газовые факелы — гидраты метана в Черном море.

Чем бы ни было вызвано явление «огненных столпов», для византийцев оно еще раз подтверждало греховность материального мира, необходимость покаяния и неотвратимость Божьего наказания. С другой стороны, это же знамение связано и с благодатью Божией, ведь между наказанием и освящением посредством огня в духовном понимании нет амбивалентности. В богословском понимании огонь и свет природный символически отражают Свет Невечерний, нетварный, свет Фавора и Преображения.

E. H. Столяренко (Харьков)

ОБ ОТНОШЕНИИ ЛАТИНЯН К ЖЕНЩИНЕ В ИТАЛЬЯНСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ XIV—XV ВВ.

Жители Италии редко отправлялись в восточные колонии вместе с женами. Причерноморские итальянские поселения в представлении латинян были опасным местом, поэтому своих супруг искатели заработка оставляли на Апеннинах. В источниках есть несколько свидетельств о том, что оставленные жены просили администрацию того или иного итальянского города освободить их от уплаты налогов за своих мужей, которые отбыли в причерноморские колонии.

Тем не менее, будучи вдали от дома, переселенцы с запада не оставались вовсе без женского внимания. Как известно, в XIV—XV вв. именно в Северном Причерноморье находились самые большие и известные в Европе рынки рабов. Частые случаи купли-продажи женщин засвидетельствованы во многих картуляриях и других нормативно-правовых документах.

О рабынях на причерноморских рынках говорят также и европейские путешественники. Они сами часто покупали себе спутниц, которые прислуживали и скрашивали их долгое путешествие. По мнению покупателей, качество рабынь было высоким, а цены на них — низкими. Поэтому не удивительно, что долгое пребывание мужчин вдали от семей приводило к случаям конкубината.

Об этом сообщают завещания, где упоминаются внебрачные дети от союза хозяев со своими рабынями. Часты случаи, когда после рождения совместного с хозяином ребенка, женщина получала свободу. Однако это не было обязательным условием.

Также были случаи неизвестного в Италии феномена, как брак по контракту. В источниках упоминается некий венецианец Джованни ди Бенедетто, который готов взять в жены вдову генуэзца Джорджо из Солдай Феодору за 10 соммов. 4 сомма положено опекуну Феодоры, а 6 он заплатит своей новой жене в случае, если надумает с ней развестись.

Известны также случаи найма женщины в качестве содержанки. В источниках они упоминаются под названием «сита». Плотник Гаспарино Риццо в завещании отпускает свою беременную рабыню Клару на волю. Однако в завещании утверждается, что если же Клара станет чьей-то «кумой», то будет изгнана из дома в одной рубашке. Если же будет вести себя достойно, выйдет за

кого-либо замуж и воспитает их общего сына Винчверо, а также еще не родившегося ребенка, то получит определенную долю наследства.

Несмотря на частые случаи найма жены по контракту, данное завещание свидетельствует о негативном отношении общества к подобному поведению женщины. Следуя христианской морали, сожительство с женщиной должно быть узаконено и освящено. Об этом косвенно могут говорить достаточно частые случаи выдачи хозяев приданных в размере 600–800 каффинских аспров отпущенными рабыням и служанкам. У женщины «с приданным» было больше шансов выйти замуж.

Наряду с «благородным» отношением к невольницам и служанкам, в источниках упоминаются случаи безнравственного и варварского поведения европейцев по отношению к местным женщинам. Генуэзский дворянин Марко Джентиле совершил «гнусное насилие» над женой своего соседа грека. Власти Кафы позволили преступнику скрыться, чем спровоцировали тяжбу, длившуюся много месяцев. Несмотря на суровые указания метрополии задержать преступника, власти колонии бездействовали. Спустя некоторое время Джентиле удалось отбыть в Геную, собрав при этом все свое имущество, которое находилось в причерноморских колониях.

Вскоре подобные преступления совершили генуэзец Луксардо и житель Кафы Джорджио Фацио. Их насилие над женщинами колониальная администрация также оставила без последствий. Однако из Генуи вскоре пришли письма, в которых протекторы требовали срочно наказать виновных и не настраивать против себя местное греческое население.

Таким образом, в отношении латинян к женщине в колониях Северного Причерноморья можно проследить смешение христианской этики, которая осуждает внебрачные связи, и варварских традиций, ставящих женщину в уничтожительное, рабское положение по отношению к мужчине. Настоящие наблюдения подтверждают мнение многих исследователей истории Латинской Романии о синкретическом характере мировоззрения и быта итальянского населения этих земель.

M. B. Фомин (Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАННEXРИСТИАНСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ХЕРСОНЕСЕ

Особый интерес истории Херсонеса представляет период III—VI вв. — время трансформации мировоззрения, нашедшее отражение в погребальной традиции. Изменения в политической жизни городов привели к идеологическому кризису. С римскими солдатами и моряками, расквартированными в городе, были принесены и новые религиозные течения. Распространяется практика семейных похоронных комплексов, получают распространение склепы с нишами-лежанками. Этот тип погребальных сооружений появился в Северном Причерноморье под влиянием религиозных взглядов принесенных из Малой Азии.

Еще одним свидетельством близневосточного влияния становится распространение сцен «трапезы» на надгробиях.

ях. Во многом аналогичные памятники хорошо известны по некрополям Пальмиры и Эдессы, их коллекции собраны в музеях Стамбула и Дамаска, значительное количество таких памятников было открыто и в некрополе Херсонеса. Они являются отражением представлений о «загробном пире». Склепы, в свою очередь, моделировали помещения, в котором происходили пиры — триклинии.

Идея загробной трапезы не исчезает и с распространением христианства, более того, она приобретает новое значение. Тема «Тайной Вечери» становится одной из важнейших в погребальном искусстве. Она нашла свое отражение и в памятниках некрополя. Херсонесские расписные склепы сохранили уникальные образцы раннехристианского искусства, сформировавшегося под влияни-

ем позднеантичной художественной традиции, и отразили в себе представления о «Рае». Созданные с середины IV в. они стали воплощением трансформации «загробной трапезы» эллинистического мира в христианскую Евхаристию.

На территории херсонесского некрополя к настоящему времени открыто 12 погребальных сооружений сохранивших раннекристианские росписи. Их стены несли фрески, отражавшие модель Рая, сформулированную в «Апокалипсисе Св. ап. Петра» и поэме Св. Ефрема Сириня «О Рае».

В четырех склепах сохранилась монограмма Христа на потолке (склепы № 2114/1904 (1853 г.), № 2245/1907 г., «на земле Н. И. Тура», «Аристона»). Еще в четырех она присутствовала предположительно.

Изображение хризмы на потолке в склепе является своеобразным символом присутствия Бога. Фактически можно говорить, что погребальная камера превращается в помещение, в котором совершается «Тайная Вечеря» — Евхаристическая трапеза, на которой присутствуют погребенные.

Таким образом, можно констатировать, что в первые века происходят существенные изменения в мировоззрение жителей Херсонеса. На смену традиционным верованиям приходят новые культуры, привнесенные с ближневосточного региона. Под их влиянием происходят существенные изменения в восприятии «загробной участи» покойных. Ключевым становится понятие «загробного пира». Этот новый взгляд на загробную участь приводит к существенным мировоззренческим переменам, отчего получает распространение новый вид погребальных сооружений (склепы с нишами-лежанками), распространяются надгробия с сюжетными композициями загробной трапезы. С принятием христианства данная традиция получает новое осмысление. «Загробная трапеза» трансформируется в христианскую Евхаристию, совершающуюся в Раю при «эримоне» присутствии Христа. Фактически можно говорить, что погребальное сооружение становится символическим отражением концепции христианского Рая.

Д. Г. Эюрова (Белгород)

К ИСТОРИИ ПРОСТИТУЦИИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЕ

В ранней Византии каждый крупный город имел хотя бы один публичный дом. Не было исключением и Палестина. В ходе раскопок конца 80 — начала 90-х гг. XX в. в Скифополе (Бейт-Шеан), столице провинции Палестины II (к югу от озера Кинерет), был обнаружен бордель позднеантичного периода (Р. Бар-Натан, Г. Мацор). Заведение существовало на месте римского одеона второй половины II в. и процветало в IV—VI вв. Бордель располагался в центре города, с запада к нему примыкали термы; к юго-западу шел второй ряд магазинов западного портика и оживленная, одна из центральных, улица Палладий. Со стороны улицы часть здания борделя была перестроена и снабжена полукруглыми экседрами 13 × 15 м. Двухэтажное здание борделя представляло собой две экседры, объединенные полукруглым внутренним двором. Каждая половина экседры включала 6 трапециевидных номеров, выводящих на главный вход. Некоторые из этих номеров также имели выход в коридор и в заднюю часть здания. На обоих концах экседр и в центре полуокруга находились апсиды. Фасады комнат были облицованы мраморными плитками, большинство из которых в настоящее время утрачены, археологи нашли только места их расположения и отверстия от гвоздей. Убранство номеров включало ниши с углублениями для деревянных полов. Внутренние поверхности стен комнат были облицованы в два слоя белой штукатурки. Пол большинства номеров украшалась мозаикой с геометрическими мотивами, стихами на греческом языке, животными, растениями. Пол отдельных комнат украшался эмблемой богини Тихе. Одна из эмблем изображала богиню с рогом изобилия в руках, венчающую стены Скифополя. Поврежденная мозаика на полу в некоторых номерах впоследствии была заменена кирпичами или слоем дробленой известки. В некоторых помещениях видны следы ремонтов: замена мозаики и вставка скамеек. Полукруглый внутренний двор размером 21 × 30 м имел вход в 12 номеров, на месте которых ранее были магазины со стороны улицы

Палладий. Возможно, ранее это был главный вход в комплекс, так как портик был вырезан из черного и белого мрамора и по всей длине включен в улицу. Практическая необходимость в увеличении площади, приносящей доход, вынудила перекрыть изысканно сооруженный портик. Внутреннее убранство экседр скифопольского борделя напоминает комнаты лупанария Помпей. Номера для обслуживания клиентов содержали каменную кровать с валиком в качестве подушки. На первом этаже имелись комнаты с потайным выходом. Так как «обитель похоти» располагалась на главной и оживленной улице города, это решение было достаточно востребованным для важных клиентов. Местоположение борделя говорит о том, что целая сеть индустрии сексуальных развлечений располагалась в самом центре города: клиентов искали около терм, цирка и форума, на портике и внутреннем дворе экседры.

Американско-израильская экспедиция (Л. Стейгер, П. Смит, Г. Кахила) в 1986 г. обнаружила в Ашкелоне термы IV—VI вв. с надписью, идентичной найденной в византийском борделе в Эфесе: «Входи и наслаждайся...». В канализации под баней, в водосточном желобе и на дне терм были найдены кости почти 100 младенцев. Канализация забилась до отказа приблизительно в VI в. Состояние костей и зубов показывает, что младенцы жили максимум три дня после рождения. Видимо, проститутки Ашкелона использовали ванны не только для привлечения клиентов, но и для тайных абортов и родов, звуки которых заглушала вода. Убийство преимущественно мальчиков в Ашкелоне подтверждает тот факт, что матери продавали новорожденных девочек, в том числе и для будущих занятий проституцией.

Письменные источники ранневизантийского времени (житие Марии Египетской, «Лавсаик» Палладия, Евагрий и др.), проанализированные Клодин Доффен, сообщают, что в Палестине промысел блудниц процветал не только в городах, но и в связи с паломничествами к святым местам, что придает ему здесь характерную региональную специфику.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Д. С. Гордієнко (Київ)

АНТИКОЗНАВЧИЙ ДОРОБОК УКРАЇНСЬКИХ ВЧЕНИХ-ЕМІГРАНТІВ У МІЖВОЄННІЙ ЧЕХОСЛОВАЧЧИНІ

В історії української соціо-гуманітаристики першої половини ХХ ст. яскраве місце займає діяльність українських вчених у Чехословаччині, де діяла низка українських вищих навчальних закладів, провідне місце серед яких займав Український вільний університет у Празі. Однак для більшого згуртування вчених, продовження наукових традицій, обміну думками тощо 30 травня 1923 р. на установчих зборах було вирішено створити Українське історично-філологічне товариство в Празі. Основними ж друкованими органами в Празі були «Науковий збірник Українського університету в Празі» (тт. 1–3) та «Праці Українського історично-філологічного товариства в Празі» (тт. 1–5).

Головним предметом досліджень українських вчених у Чехословаччині були питання з україністики, однак, частина докладів Товариства була присвячена і питанням античної історії та вітчизняному антикознавству. Так уже протягом першого року існування Товариства А. Артимович виголосив доповідь: «Деякі замітки до ольбійського декрету на пошану Нікерата». Загалом антикознавчий доробок вчених-емігрантів можна поділити на два блоки.

До **першого** блоку належать праці, що безпосередньо стосуються культури та історії Стародавньої Греції та Риму. У статті «Грецька федеральна конституція кінця IV в. пер. Христом» Ф. Слюсаренко зосередив увагу на знайдених грецьким археологом П. Каввадіем в 1916–1918 рр. уривків написів правового характеру. На думку Ф. Слюсаренка, пам'ятка датується часом 303–2 рр. до Р. Хр., відповідно — вона належить до документів відновленого Коринтського союзу. До статті Ф. Слюсаренко додав текст документів, їх український переклад та відповідний коментар.

Відповідаючи на основне завдання свого дослідження «Походження римського консулату» К. Лоський припускає, що уряд консулів походить з посад *tribunus celerum* та *custos urbis*. Натомість цар втратив реальну владу внаслідок посилення його жрецьких функцій, а річний термін римських урядовців визначався не державними міркуваннями, а сутто матеріальними, адже римські магістрати були безкоштовними.

Темою дослідження О. Бараніва був «Привілей жінки на підставі Велєянового санатусконсульства». В розвідці чітко

окреслюється правове поле жінок на підставі цього акта, і зазначається, що вони отримували низку прав, яких не мали чоловіки. З іншого боку, ретельно досліджується і питання юридичної сили жіночого зобов'язання. Загалом щодо історії римського права Веліянів сенатусконсульт має і те значення, що не лише показує розуміння права жінок, а й загалом відображає соціальне розуміння римлянина.

Дещо осторонь стоїть розвідка І. Мірчука «Основи грецької етики», яку вчений виводить з часу формування філософії як цілісної системи — від Сократа, а закінчує Арістотелем, адже основні принципи етичних систем саме цього періоду різняться настільки сильно, «що свою різноманітністю дають нам в загальних рисах образ усіх тих контроверз і суперечностей, які коли-небудь виступали в межах етики».

У **другому** блоці досліджень висвітлюються питання історії вітчизняного антикознавства. Так, С. Наріжний зосередив увагу на історії Одеського товариства історії та старовини та Харківського історично-філологічного товариства. З антикознавчої складової, вчений розглянув постаті низки вітчизняних класиків, та діяльність Одеського товариства з дослідження античних міст півдня України, насамперед Херсонеса, Ольвії та Боспорського царства. Постатей окремих вчених стосувались розвідки Ф. Слюсаренка «Академік В. П. Бузескул, як історик (1858–1931)», в якій зосередив увагу на аналізі праць вченого, як монографічних досліджень, так і популярних праць. При цьому вчений чітко наголосив, що «все життя Бузескула зв'язане з Харковом і харківським університетом, а тим самим і з Україною». Іншу історіографічну розвідку Ф. Слюсаренко присвятив творцю київської історичної школи — В. Антоновичу, безпосередньо його нумізматичним дослідженням, значну частину з яких складали описи і каталогізації греко-римських монет мюнц-кабінету Університету св. Володимира.

Таким чином, попри незначну кількість досліджень з антикознавства, ці праці мають важоме значення як для історії української класики, так і безпосередньо для досліджень з античної історії та культурі, відкриваючи нові проблемні поля досліджень. Все це актуалізує й інтеграцію у вітчизняну історичну науку і праць української діяспори зі всесвітньої історії.

К. А. Гусев (Москва)

О НЕКОТОРЫХ ОТЛИЧИЯХ ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССОВ ПО АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Крупные научные форумы были одной из важных форм научной жизни XIX ст. Проводились они как на международном, так и на «национальном» уровне. Не обошла эта тенденция и Российскую империю. Самыми крупными и представительными собраниями российских ученых, занимавшихся древностью, были Всероссийские Археологические съезды. Наиболее ярко их особенности видны в сравнении с Международными конгрессами по антропологии и доисторической археологии. Первое отличие видно уже из названия. Первые проводились только на территории Российской империи. Вторые не могли быть проведены 2 раза подряд в одном и том же государстве. Археологические съезды ставили своей целью исследование территории России и собирали в основном российских ученых (пусть и с участием иностранных гостей). А Конгрессы по антропологии и доисторической археологии носили интернациональный характер, привлекали исследователей из разных стран, и имели самую разнообразную научную проблематику.

В тематике археологических съездов преобладали доклады, связанные с историей и археологией того края, где они проводились. Перед каждым проводились усиленные археологические изыскания на определенной территории. На международных антропологических конгрессах ученые из разных стран представляли свои исследования последних лет, которые соответственно не были ограничены географическими рамками.

Например, на Московском международном конгрессе 1892 г. было 6 секций: 1) «Геология и палеонтология в их отношении к первобытному человеку», 2) «Первобытная археология (за исключением курганов и городищ)», 3) «Курганы и городища», 4) «Антропология», 5) «Первобытная этнография». А на Всероссийском археологическом съезде 1890 г., также проходившем в Москве, были выделены следующие секции: 1) «Древности первобытные», 2) «Древности историко-географические

и этнографические», 3) «Памятники искусства и художественные», 4) «Русский быт: домашний, юридический и общественный», 5) «Памятники церковные», 6) «Памятники славяно-русского языка и письменности», 7) «Древности классические, славяно-византийские и западно-европейские», 8) «Древности восточные и языческие», 9) «Памятники археографические». Из этого видно, насколько шире была тематика археологических съездов. Однако, необходимо заметить, что состав участников не был абсолютно разным. Многие отечественные ученые принимали участие и в российских, и в международных форумах. Среди них можно назвать, например, Д. Н. Анушина, А. П. Богданова, А. А. Спицына, В. В. Докучаева, Н. Ю. Зографа. Так же и некоторые исследователи из-за рубежа (Э. Шантр, Л. Нидерле), присутствовали на тех или иных российских конференциях.

Имелись и весьма серьезные отличия в организации. Всероссийские археологические съезды проводились при финансовой и организационной помощи правительства Российской империи и во многом зависели от внутренней политики государства. Место их проведения и состав участников определялись Московским Археологическим Обществом конфиденциально. Вопрос же о местах проведения Международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии решался на открытых заседаниях, а политика созыва участников носила принципиально иной характер, основанный на инициативе самих участников. Помощь же государства была исключительно организационной, о финансовой поддержке речи не шло.

Всероссийские археологические съезды и Международные конгрессы по антропологии и доисторической археологии были крупными событиями в научной жизни Российской империи второй половины XIX ст. Обладая рядом как отличий, так и схожих черт они достаточно хорошо сочетались друг с другом.

C. O. Козловський (Львів)

МЕДІЄВІСТИКА ЯК АКАДЕМІЧНА ДИСЦИПЛІНА У ЛЬВІВСЬКОМУ УНІВЕРСИТЕТІ (1840–1850-ті рр.)

Викладання та дослідження з історії середніх віків у Львівському університеті (заснованому ще у 1661 р.) розпочалися з науковою та педагогічною діяльністі відомих німецьких істориків — Людвіга Едварда Ценмарка (1753–1814 рр.), Фоми Вучіча (1768–1818 рр.) та Готфріда Уліха (1743–1794 рр.). Політика реформ освіченого абсолютизму, яка проводилася в володіннях Габсбургів ще з середини XVIII ст., сприяла розвитку історичної науки. Проте, як цілісна академічна дисципліна медієвістика у Львівському університеті до кінця 50-х рр. XIX ст. ще не сформувалася з огляду на ряд причин — відсутність чіткої періодизації світової історії наприкінці XVIII ст. — початку XIX ст.; відсутність опублікованих збірників писемних джерел з періоду

Середньовіччя, що значно гальмувало процес наукового дослідження; відсутність фахової спеціалізованої літератури з історії середніх віків. Негативним фактором було також уніфікація навчання в університеті — викладання історії у всіх університетах в межах володінья Габсбургів велося за єдиним підручником, який затверджувався у Відні, будь-які відступи від установлених принципів суворо каралися керівництвом університету. У 1824 р. на філософському факультеті введено новий навчальний план (діяв до 1848 р.), згідно з яким загальну історію та допоміжні історичні дисципліни заразовано до переліку необов'язкових або вільних наук. Протягом тривалого часу — 1821–1848 рр. професор загальної історії Йосип Маусс був єдиним викладачем

з усіх визначених програмою історичних дисциплін у Львівському університеті.

Всередині XIX ст. у Львівському університеті намітилися процеси поглиблення історичної спеціалізації, відбулося виокремлення галузей історичної науки — особливо медієвістики та новістисти, змінилася тематика лекційних курсів та наукових досліджень. Завдяки старанням Антонія Вахольца (06.II.1814–18.VII.1873, ординарного професора загальної та австрійської історії (1850–1960), ректора Львівського ун-ту (1857)) та Готфріда Муїса у Львівському університеті почали читатися лекції з проблемних питань історії Середньовіччя та джерелознавства цього періоду. Важливим нововведенням, що позитивно вплинуло на фахову підготовку студентів та наукову роботу у галузі історичних наук стало створення системи наукових семінарів. У зимовому семестрі 1852/1853 навчального року було вперше відкрито роботу історико-філологічного семінару. В історичному відділі цього семінару під керівництвом професора А. Вахольца двічі на тиждень відбувались практичні заняття для кандидатів на посади вчителів історії. Запровадження наукового семінару стало важливим етапом у процесі розвитку медієвістики у Львівському університеті, оскільки забезпечило якісну фахову підготовку молодих науковців-істориків.

Відомим медієвістом — викладачем Львівського університету був Карлманн Тагль (17.VIII.1799–12.X.1866) — професор естетики, викладач класичної л-ри, латинської

та грецької філології. К. Тангль — автор більше двох десятків наукових праць на історичну тематику. Сфераю наукових інтересів вченого була середньовічна історія Штирії і Карінтиї, а саме — розвиток середньовічних міст цих країв, релігійне життя і генеалогія знатних родів.

Показово, що поглиблення наукової спеціалізації торкнулося не тільки кафедр історичного профілю, а й філологічного. Це перш за все зміни, котрі відбулися на філологічному напрямку філософського факультету з початком викладання на наукової діяльності професорів Я. Головацького (29.X.1814–13.V.1888, професора кафедри укр. мови та л-ри, 1858/59 — декан філософського ф-ту) та А. Малецького (16.VII.1821–7.X.1913, професора кафедри польської мови та л-ри) — відомих дослідників етногенезу та ранньої історії слов'ян. Серед факторів, котрі спричинили ці зміни, чільне місце належить подіям 1848–1849 рр., після котрих, Львівський університет почав функціонувати за зразком німецьких академій з широкою внутрішньою автономією та розширеними повноваженнями колегії професорів. Хоча, ці процеси сповільнювались через постійне втручанням бюрократичної австрійської влади, все ж початки медієвістики як академічної дисципліни у Львівському університеті, слід віднести до початку 50-тих рр. XIX ст., що в цілому співпадає з розвитком цієї галузі історичної науки у провідних університетах Східної Європи того часу — Московського, Харківського та Київського.

В. О. Колибенко (Київ)

ДО ПИТАННЯ ПРО ЗБЕРЕЖЕННЯ КУЛЬТОВИХ ПАМ'ЯТОК УКРАЇНИ

Питання відродження чи відбудови зруйнованих у різні часи культових споруд стоїть надзвичайно гостро в багатьох регіонах України. Після розвалу Радянського Союзу і своєрідного відродження християнських конфесій почалося не тільки активне спорудження нових культових споруд, але і відбудова чи принаймні спроби відбудови історичних храмів, що були знищені як в 30-ті рр. минулого століття, так і в більш давні часи. Однак серед пам'яток, що безсумнівно підлягають відбудові чи відтворенню, зустрічаються й унікальні, які випадають із загального масиву зруйнованих як в середньовічні, так і радянські часи церков і вимагають серйозного наукового підходу до проблеми відновлення у зв'язку з їхньою надзвичайною цінністю ще й як пам'яток археології.

Більше того, традиційні радянські і частково пострадянські церковні археологічні дослідження фокусувалися в першу чергу на архітектурно-стильових аспектах пам'яток і часто не враховували, або ж мало акцентували увагу на супутньому культурному шарі, який часто розглядався ледь не як перешкода при дослідженні власне архітектурних решток (як приклад можна згадати одну з найбільш вдалих узагальнюючих праць М. К. Каргера по церковній археології, яка яскраво засвідчує архітектурну спрямованість тогочасних досліджень).

В той же час культурний шар пам'яток даного типу, як всередині споруди, так і довкола неї, несе не меншу, а часто і значно більшу кількість інформації про побудову і побутування культової споруди, чи про обставини її руйнації.

Одним із найбільш яскравих прикладів є постійна дискусія довкола решток найдавнішого давньоруського

кам'яного храму — церкви Успіння Пресвятої Богородиці, або ж Десятинної церкви, що в Києві.

Перші археологічні дослідження відбувалися ще в 1635 р. за ініціативою київського митрополита Петра Mogili. Симптоматичним є те, що вони переслідували більш політичну, ніж наукову мету. В подальшому рештки цієї без сумніву унікальної споруди досліджувалися на початку ХХ ст.: 1908–1914 — членом імператорської археологічної комісії, Д. В. Мілеєвим, в 1938–1939 — співробітниками ПІМК РАН, під керівництвом М. К. Каргера. Саме останні дозволили повністю розкрити площу фундаментів та дати матеріали для реконструкції зовнішнього вигляду споруди.

Проте лише останні дослідження 2005–2010 рр. були сфокусовані не тільки на архітектурних рештках храму, але і на супутньому культурному шарі. Це дозволило зафіксувати матеріали більш раннього часу — рештки язичницького могильнику, уточнити будову валу та рову Х ст., який було знесено перед спорудженням храму, зафіксувати конструктивні особливості та кількість етапів перебудови самої споруди, що в свою чергу ставить під сумнів існуючі реконструкції. Проте в 2010 р. дослідження було припинено через незалежні від вчених обставини. В результаті, назвати їх закінченими остаточно просто неможливо.

Відповідно, ми потрапляємо в певний парадокс — займаючись «відбудовою» давніх культових споруд, ми в той же час знищуюмо наявні і часто рідкісні та унікальні джерела з історії цих самих споруд, на догоду існуючій релігійній кон'юнктурі. В якості контрапарменту зазвичай

вказують, що рештки культових споруд вже розкопувалися і саме тому ніякої нової інформації вони дати не можуть. Проте, приклад останніх досліджень Десятинної церкви показує, що це не так. Отже, наскільки етичним є таке відтворення релігійних храмів з точки зору збереження культурної спадщини?

В якості вже втрачених в науковому плані пам'яток можна було б назвати когорту храмів, як давньоруського

так і пізніших періодів, з території всієї України. Але, не зважаючи на багаторічне існування даної проблеми, означене питання рідко підіймається в наукових дискусіях, і відповідно, единого підходу до її вирішення на даний момент не було запропоновано науковим товариством. Що очевидно загрожує подальшою втратою як цінних історичних пам'яток, так і ключів до вирішення тих чи інших питань давньоруської археології та історії.

М. Ю. Ласінська (Миколаїв)

СПРОБА ПЕРІОДИЗАЦІЇ ІСТОРІЇ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ РЕГІОNU НИЖНЬОГО ПОБУЖЖЯ

Вивчення археологічних пам'яток Нижнього Побужжя нараховує понад двохсотрічну історію, котра розпочала- ся ще наприкінці XVIII ст., із завершенням російсько-турецької війни 1768–1774 рр. та приєднанням регіону Північного Причорномор'я до Російської Імперії. Після підписання Кючук-Кайнаджирського мирного договору, у вчених та просто любителів старовини з'являється можливість відвідати Нижнє Побужжя і познайомитись з його старожитностями.

Перший період історії археологічних досліджень триває з 1774 р. до середини XIX ст. (нижня хронологічна межа — пов'язана з епізодичними, випадковими археологічними роботами на території краю, котрі носили характер розшуків старожитностей, монет, ошатних поховань тощо, верхня — із проведенням перших розкопок). До вказаного часу відноситься початок вивчення античного поселення Ольвії та її околиць. Даний етап позначився першими археологічними відкриттями; формуванням перших музеїніх зібрань та переходом від «наукових мандрівок», характерних для вітчизняної археологічної думки кінця XVIII ст., і праць антикваріїв та «кабінетних досліджень» початку XIX ст., до формування перших дослідницьких програм у вітчизняній археології. Дослідники (П. Сумароков, П. Паллас, Г. Келер, П. Кеппен, І. Бларамберг, І. Стемпковський та ін.) відкрили для вітчизняної і зарубіжної громадськості археологічні скарби півдня України, поставили питання про необхідність проведення розкопок, організації наукового вивчення й охорони пам'яток археології.

Переломними в сенсі переходу від випадкових знахідок до свідомих розкопок, стали роботи графа О. Уварова, проведені у 1848 р. в Ольвії, вони означували початок другого етапу в археологічному вивченні старожитностей Нижнього Побужжя. Хронологічні межі вказаного періоду завершуються початком XX ст., оскільки, саме в перші роки минулого століття на території краю було проведено серію дійсно наукових польових досліджень з подальшою їх публікацією у вигляді звітів, нарисів тощо. З середини XIX ст. з'являється ціла низка наукових товариств, музеї-

них установ та навчальних закладів, представники яких займаються археологічним вивченням регіону. Апофеозом даного процесу стала організація Всеросійських археологічних з'їздів, робота яких підбила підсумки плідної наукової діяльності археологів XIX ст.

Значні соціально-політичні зміни в суспільстві привели до переходу до третього періоду, котрий розпочинається з 1900-го р. — рік проведення перших планомірних наукових розкопок на території краю, і завершується 1930-ми рр., позначеними докорінною зміною методології «історії матеріальної культури» на марксистсько-ленинську, утвердженням «теорії стадіальності» в радянській археології та початком крайньої політизованості науки. Характерною рисою даного етапу стала поява краєзнавчого напрямку, створюється низка краєзнавчих музеїв і товариств тощо.

Четвертий період (1930–1990-ті рр.), позначений тим, що у вітчизняній археологічній науці стаються докорінні методологічні зміни, котрі були викликані не лише складною соціально-політичною ситуацією в суспільстві, але й власною, внутрішньо-науковою кризою. На кінець 30-х рр. припадає початок новобудовних археологічних досліджень в Україні, зроблені в результаті котрих, висновки, дали змогу внести істотні зміни у вивчення та розуміння давньої історії Південної України, а також сприяли формуванню нової наукової школи в археології.

Із здобуття Україною незалежності розпочинається п'ятий, якісно новий етап у розвитку археологічного знання, що продовжується до сьогодні. Він характеризується насиченістю та накопиченням великої кількості тематичних публікацій, значущістю археологічних відкриттів, застосуванням новітніх археологічних дослідницьких методів, що відкриває більші можливості для різноманіття наукових гіпотез у трактуванні подій та явищ минулого.

Археологічне знання, щодо пам'яток Нижнього Побужжя пройшло довгий шлях від зародження (кінець XVIII ст.) до бурхливого розвитку (початок XXI ст.), запропонована періодизація є умовою і потребує подальших розробок.

B. В. Левченко (Одеса)

ІНСТИТУАЛІЗАЦІЯ СИСТЕМИ АРХЕОЛОГІЧНОЇ ОСВІТИ В ОДЕСІ В ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ ХХ СТОЛІТТЯ

Одеса, як центр Північного Причорномор'я, багата на археологічні скарби, пам'ятники античної культури та є першим центром в Україні, що акумулював наукові

дослідження з класичної археології. До 1920 р. осередками наукових досліджень з археології в Одесі були Новоросійський університет і Одеське товариство

історії і старожитностей (OTIC). У період 1920–1922 рр. всі дореволюційні науково-дослідні установи Одеси були реорганізовані радянською владою. Здійснення підготовки спеціалістів-археологів набуло нових форм і методів.

Перша спроба заснування Археологічного інституту в Одесі була зроблена 1912 р. Тоді члени OTIC створили спеціальну комісію у складі професорів М. Г. Попруженка, Б. В. Варнеке і С. Д. Пападімітру для розгляду можливості заснування при товаристві Археологічного інституту. Активну участь у роботі комісії взяв Ф. І. Успенський. Члени комісії ознайомилися з матеріалами і планами С.-Петербурзького археологічного інституту, розробили нові методичні матеріали, які були схвалені Міністерством народної освіти, але кінцевій реалізації цих планів зашкодила війна.

Друга спроба відкриття в Одесі Археологічного інституту припадає на літо 1918 р. Приват-доцент М. Л. Окунєв направив до комісії зі заснування Української академії наук матеріали про відкриття в Одесі Археологічного інституту. На перешкоді цього плану стала швидка зміна влади в країні.

У третє організацію Археологічного інституту одеські науковці зробили влітку 1919 р. Професори Б. В. Варнеке, М. Г. Попруженко і Е. М. Щепкін розробили навчальні плани, але чергова зміна влади знову не дозволила реалізувати цю ідею.

У 1920 р. у четверте перед науковою елітою Одеси постало питання про відкриття Археологічного інституту. Навчальні плани цього закладу розробили професори Б. В. Варнеке і С. С. Дложевський. Але фінансова криза і близькість фронту в корте завадили довести справу до логічного завершення.

І тільки з п'ятої спроби — в червні 1921 р. завдяки наполегливим зусиллям «Ініціативної групи професорів Вищої Школи м. Одеси» (Б. В. Варнеке, Р. М. Волков, С. С. Дложевський, Ю. Г. Оксман, М. Е. Слабченко,

Д. К. Третьяков, Є. П. Трифільєв, А. В. Флоровський, О. Я. Шпаков) почав функціонувати Археологічний інститут. Але він проіснував тільки один рік.

21 червня 1922 р. розглядалося питання про відкриття в Одесі наукової установи археологічного напрямку — Науково-дослідна кафедра історії культури й археології (завідувач Б. В. Варнеке) з секціями античної й західно-європейської культури та філософії (завідувач М. І. Мандес, дійсні члени С. С. Дложевський, С. Л. Рубінштейн, М. І. Гордієвський, наукові співробітники І. М. Троцький, К. П. Добролюбський), етнографії, російської й української культури (завідувач Р. М. Волков, дійсні члени Є. О. Загоровський, М. Є. Слабченко, А. В. Музичка) і археології (завідувач Б. В. Варнеке, науковий співробітник М. Ф. Болтенко). Проблеми комплектації штату, інвентарю, оплати праці, забезпечення літературою тощо не дозволили розпочати діяльність.

З 1 квітня 1923 р. за черговим проектом Губернського комітету професійної освіти мала почати існувати Науково-дослідна кафедра археології (завідувач Б. В. Варнеке, дійсний член М. І. Мандес, наукові співробітники М. Ф. Болтенко, І. М. Троцький і С. А. Семенів-Зусер, аспірант Розенблюм і Мотвеєвич). Але втручання радянської влади до організації наукових установ призвела до негативних наслідків. Завідувач Губернського комітету професійної освіти Т. М. Внуков у доповідній записці Я. П. Ряппо вказав, що кафедра археології «зайва». На його думку було достатньо наукової роботи з археології в Одеському історико-археологічному музеї (директор С. С. Дложевський).

З 1 червня 1923 р. підготовка професійних археологів в Одесі проводилася у Науково-дослідній кафедрі Одеського державного історико-археологічного музею. Така ситуація залишалася до 1934 р., коли, у відродженню 1933 р. Одеському університету, була відкрита кафедра Історії стародавнього світу й археології, де й продовжувалася підготовка археологів.

C. В. Палиенко (Киев)

ИСТОРИЯ ОТДЕЛА ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН УССР ПО РАЗНЫМ ВИДАМ ИСТОЧНИКОВ

1. За последние 20 лет возросло количество исследований по истории археологии. Основная масса работ посвящена изучению дореволюционной и дооценной отечественной науки. Советская археология 1950 — начала 1990-х гг. исследована мало. Обширные публикации по истории советской теоретической археологии практически отсутствуют, хотя имеются работы по «Новой археологии», развивавшейся в тот же период. В еще менее изучены проблемы источниковедения истории археологии. Этим и объясняется актуальность настоящего исследования.

2. В 1970–1980-е гг. в СССР было три основных центра теоретической археологии: Ленинград, Киев и Москва, хотя отдельные исследователи работали и в других регионах. В этих городах в это время существовали или научные подразделения, специализирующиеся на теоретических проблемах, или постоянно действующие семинары по теории и методологии археологии. Так, в Киеве в Институте археологии АН УССР в 1979 г. В. Ф. Генингом был образован Отдел теории и методики

археологических исследований, а также работал методический семинар.

3. Источники трех категорий содержат информацию о развитии теоретической археологии в ИА УССР. Они делятся на опубликованные, архивные и записи «устной истории». Исследование особенностей отображение исторического процесса в каждом из категорий позволит полнее познать их специфику и разработать практические рекомендации для дальнейшей работы.

4. Делопроизводственный архив Института археологии НАН Украины за период с 1975 по 1991 гг. не разобран, но автор имел возможность ознакомиться с этими документами. В отличие от других подразделений жизнедеятельность Отдела теории и методики археологических исследований отражена в документах архива гораздо хуже. В наличии имеются только отчеты о работе отдела, обоснования и отчеты о выполнении плановых тем, однако полностью отсутствуют протоколы заседаний. Архивные источники позволяют получить информацию об

основных направлениях работы коллектива, о количественном и качественном составе, проблематике плановых тем и результатах их выполнения, подготовке к печати и публикации результатов научной работы. Также имеется краткая информация о содержании заседаний отдела и докладах на них заслушанных.

5. Опубликованные источники можно разделить на две группы: публикации по истории деятельности отдела и отдельных его сотрудников, а также публикации — непосредственный результат научной работы подразделения. К первой группе относятся юбилейные статьи, посвященные отделу и его заведующему В. Ф. Генингу. Также есть небольшое количество опубликованных воспоминаний о Владимире Федоровиче. Вторая группа — это монографии, сборники и научные статьи сотрудников отдела теории и методики. Изучение этой категории источников позволяет получить общее представление о деятельности научного подразделения, основных ее направлениях, а также ознакомиться и проанализировать непосредственно результаты научной работы.

Отдельные публикации также содержат и личные оценки работы отдела, однако большинство подобных статей связано с юбилеями, поэтому взгляд на прошлое далеко не всегда критический.

6. Сбор «устной истории» осуществлялся непосредственно автором. На данный момент записано 15 интервью, как с бывшими сотрудниками отдела, так и с людьми, работавшими в археологии в то время. Этот вид источников позволяют получить дополнительную информацию о работе отдела, в том числе о функционировании методологического семинара ИА УССР, изучить влияние внешней среды на работу археологов, понять общую психологическую атмосферу в учреждении, влияние межличностных отношений на научный процесс.

7. Таким образом, только использование всех трех категорий источников позволяет исследовать указанную проблему всесторонне и в полном объеме. В частности «устная история» является существенным дополнением к архивным и опубликованным материалам. Поэтому данное направление нуждается в интенсификации.

Л. Ю. Посохова (Харків)

ВІРТУАЛЬНІ МАНДРІВКИ ХАРКІВСЬКИХ СТУДЕНТІВ ТА ВІКЛАДАЧІВ У XVIII СТ.

Православні колегіуми України, в тому числі Харківський, в XVIII ст. були не лише потужними освітніми закладами, а й інтелектуальними центрами, осередками нових культурних віяній. У дослідження увага зосереджена на деяких освітніх та культурних практиках, які розширявали обрії світу колегіантів. Керівництво, викладачі та учні Харківського колегіуму свідомо та несвідомо збирали, упорядковували і зберігали інформацію про той простір, який їх оточував. Свідчення про це зустрічаються в діловодній документації та особових джерелах. В уяві цих людей створювалися певні «ментальні карти» світу, що ґрунтувалися в тому числі й на спеціальних географічних знаннях, які викладали/студіювали в колегіумі.

Харківський колегіум відносився до небагатьох навчальних закладів Російської імперії XVIII ст., в яких отримували географічні знання. Дослідження того, якими були ці знання, їх впливу на формування та розвиток географічних уявлень та формування картини світу студентів та викладачів колегіуму, — виступає важливим завданням. Географічна освіта XVIII ст. й досі не розглядається як соціокультурна передумова розвитку географії як наукової дисципліни, тим більше як складова формування національної або регіональної ідентичності.

У перші десятиліття XVIII ст. географічні відомості повідомляли учням колегіумів при викладанні декількох навчальних дисциплін, але найбільше — у класах пітики та риторики. Географічні знання були присутні у «програмі» навчання в наступних, філософському, й навіть богословському класах. Маємо свідоцтва проте, що професори включали в філософський курс нові факти та висновки науки про природу і всесвіт, яка бурхливо розвивалася. Окрім викладання історії та географії у Харківському колегіумі прагнули розпочати ще в 1740-і рр., але реалізували це наприкінці 1760-х рр.

Учителі колегіуму, як і інші європейські інтелектуали цього часу, збирави книги, в тому числі з географії. Аналіз декількох особистих книжкових зібрань професорів свідчить про їх захоплення спеціальною літературою, яка дозволяла здійснювати «віртуальні мандрівки» країнами та континентами. Okрім навчальних посібників, географічних атласів, зібрання містили і розважальні книжки з географії, записи мандрівників, описи різних країн Світу. Студенти також цікавилися книгами з географії, брали їх читати з бібліотеки, деякі учні мали власні географічні книги.

Отже, студенти під час навчання здобували сучасні географічні знання, які вони могли доповнити спостереженнями, зробленими під час реальних подорожей (в тому числі й «освітніх»).

Показово, що деякі викладачі Харківського колегіуму (Іван Переєрзев, Лаврентій Кордєт, Андрій Прокопович), поза межами виконання своїх навчальних обов'язків, почали досліджувати свій край. Перші спроби таких досліджень приводили авторів до порівнянь економіко-географічних характеристик регіонів, до розуміння культурних та національних особливостей власного народу.

Студенти та викладачі Харківського колегіуму розширявали обрії свого реального світу через «віртуальні мандрівки», які породжувалися та стимулювалися інтересом до географічних відкриттів, так званим «географічним вибухом», який спостерігався у цей час, виокремленням самостійного курсу географії в навчальній програмі колегіуму, а також загальною гуманістичною спрямованістю навчання, яке базувалося на «книжковій мудрості» багатьох народів. Водночас процес «відкриття світу», «розширення простору» студентами та викладачами в XVIII ст. мав вплив не тільки на формування географічної свідомості окремих осіб, становлення дисциплінарних основ географії як науки, але і на формування національної та регіональної ідентичності.

O. В. Принь (Луганськ)

АРХЕОЛОГІЧНІ ТА ПАМ'ЯТКООХОРОННІ ДОСЛІДЖЕННЯ КОНОТОПСЬКОГО ОКРУЖНОГО МУЗЕЮ наприкінці 1920-х — на початку 1930-х років

16 січня 1928 р. до Луганська на ім'я Олександра Малиношевського надійшла телеграма від заступника керівника НКО УСРР А. А. Приходько: «*Призначаю завідувачем Конотопського окрмузею*».

1929 р. завідувач Конотопського окружного музею О. В. Малиношевський, разом з громадським кореспондентом музею у справі охорони пам'яток культури В. Я. Захарченком, працівниками Глухівського та Сосницького музеїв М. Я. Рудинським та Я. М. Морачевським, представниками Кабінету антропології імені Х. Вовка УАН, провів археологічну розвідку, зосередивши увагу на пунктах на узбережжі річки Десни та Сейму в межах Кролевецького району. Кролевецький район розташований у північно-західній поліс'кій зоні Сумської області. Він межує на півночі з Шосткинським, на схід — з Глухівським, на південному сході — з Путивльським, на півдні — з Конотопським районами Сумської області, а на заході — з Коропським районом Чернігівської області.

Обмеженість часу та коштів, що були у розпорядженні керівників наукових установ, не дали можливості експедиції повно та глибоко дослідити узбережжя Сейму. Вона обмежилася дослідженням найбільш цікавих пунктів, що їх було виявлено головним чином на поверхні, і не заглиблювалась у розкопки. На Глухівщині виявлено пункт Мар'янівка у верхній частині Сейму, у басейні ж середньої частини річки неабиякий інтерес викликав пункт біля села Заболотове Кролевецького району.

Серед знахідок були отримані крем'яні вироби, пряслиця, кавалок бронзи, горщики цілі та у розвалах, велика кількість орнаментованого посуду. Виокремлено різні групи з орнаментами: гребінцевим, шнуром, обвито вір'ювочками та наліпним. Окрімій групі кераміки присвоїли назву «мар'янівський тип». Крім того, було

з'ясовано, що Хим — це давня майстерня керамічних виробів, та вилучено в обійттях селян Павла Костеля та Чортка пристосовані ними до селянського побуту археологічні речі: кам'яний молоток, зернотерки. У селянина Чортка ця зернотерка правила дійсно за жорна, він молов на них борошно, казав, що найкраще було молоти гречку, навіть не хотів з цієї причини передавати зернотерку до музею, бо ця ж, як він запевняв, «вещь» і йому самому потрібна.

У подальшому попередній аналіз отриманих археологічних даних дозволив зробити невеликі публікації — Я. М. Морачевський «Кераміка Мар'янівської стації» (1930) та М. Я. Рудинський «Мар'янівська станція» (1930).

Крім сухо археологічних дослідів, як свідчить відкритий лист № 346, Олександр Малиношевський проводив обстеження пам'яток архітектури — зразків старовинного будівництва, серед них і культових споруд — молитовень, церков, монастирів. Упродовж 1930 р. на Сумщині було оглянуто 21 культову споруду. Серед церковного майна виявлено велику кількість культових речей, що мали історико-культурне значення: предмети старовинного шитва, килимарства, малярства, різьбарства та золотарства. Усі вилучені речі були передані до фондів Конотопського окружного музею і збагатили його історико-культурний відділ. Крім того, за дорученням Київської країнової інспекції охорони пам'яток дослідили стан будівель таких архітектурних пам'яток, як Новгород-Сіверський заповідник та Мовчанський монастир у м. Путивлі.

Таким чином, діяльність Конотопського окружного музею на чолі з Олександром Малиношевським сприяла дослідженням та збереженню археологічної спадщини краю, формуванню музейної фондою археологічної колекції, сприяла державним органам охорони у питаннях інспекторського нагляду за пам'ятками архітектури тощо.

B. В. Скирда, I. M. Скирда (Харків)

АРХЕОЛОГІЧНА ПРОБЛЕМАТИКА НА XII АРХЕОЛОГІЧНОМУ З'ЇЗДІ

Археологічні проблеми, які розглядалися на XII АЗ умовно можна розподілити на дві частини: публікації та повідомлення, що були отримані, в ході його підготовки та такі, що обговорювалися безпосередньо на з'їзді. Ми зупинимося на останніх.

Археологічна проблематика стала об'єктом безпосереднього розгляду однієї із 9 секцій (відділень), що працювали під час з'їзду — секції «Первісних старожитностей». В ході роботи XII АЗ відбулося шість засідань цієї секції, на яких було заслушано й обговорено 22 тематичні доповіді (із 93 представлених на з'їзді в цілому).

Перше засідання секції відбулося вже на другий день після урочистого відкриття з'їзду — 16 вересня 1902 р. Головним доповідачем на ньому був В. О. Городцов, доповідь якого була присвячена проблемі поховань із конем на території європейської Росії. Через відсутність на з'їзді у Харкові В. В. Хвойка його доповідь була прочитана професором Новоросійського університету І. А. Ліннічен-

ком. Вона була присвячена городищам Середнього Подніпров'я та їх мешканцям. Обидві доповіді охоплювали великий часовий проміжок.

Наступне (друге) засідання відбулося 20 серпня 1902 р. На ньому був представлений широкий діапазон доповідей, у яких піднімалися і розглядалися актуальні для того часу археологічні проблеми. Серед них, зокрема, слід звернути увагу на виступ вченого секретаря Московського історичного музею В. І. Сізова, присвячений дослідженням керамічного посуду середньовічного Гніздівського могильника. Доповідь Е. Р. фон Штерна була присвячена результатам досліджень трипільських пам'яток на території Північної Бессарабії. Професор Київської духовної академії В. З. Завітневич у своїй доповіді провів порівняльний аналіз артефактів Херсонесу Таврійського та давньоруських курганів.

22 серпня 1902 р. відбулося третє засідання секції. На ньому були представлені три ґрунтовні доповіді,

присвячені проблемам середньовічної археології. Так, В. О. Городцом і Д. Я. Самоквасовим були винесені на обговорення результати дослідження Донецького городища та поховань, виявлених поблизу нього. О. М. Покровський у своєму виступі підвів підсумки дослідження нещодавно відкритого катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів. М. А. Янчук виступив із невеликим повідомленням про розкопки кургану бронзової доби у Лубенському повіті.

Основна тематика доповідей четвертого засідання секції «Первісних старожитностей», яке відбулося 23 серпня 1902 р. була присвячена розкопкам курганних поховань. Є. П. Трифільев та В. О. Городцов доповіли про результати розкопок в Харківській губернії, які відносилися до різних епох. Важливим підсумком археологічних досліджень В. О. Городцова стало виокремлення ямних, катакомбних та зрубних підкурганних поховань, що в подальшому привело до виділення нових археологічних культур доби енеоліту-бронзи. М. І. Веселовський присвятив свою доповідь дослідженням курганів римської доби Кубанської області. На закінчення роботи секції Л. М. Савьолов продемонстрував, складену ним карту Коротоякського повіту Воронезької губернії, на якій були позначені всі відомі досліднику пам'ятки зазначеного регіону.

Г'яте засідання секції відбулося 24 серпня 1902 р. Воно стало логічним продовженням курганної тематики на з'їзді. К. М. Мельник доповіла про результати розкопок курганів в Охтирському і Куп'янському повітах, а О. М. Покровський — у Зміївському та Ізюмському повітах Харківської

губернії. Останній також прочитав реферат Д. М. Анучина, присвячений результатам дослідження черепів із розкопок В. О. Городцова, проведених на Харківщині. На цьому ж засідання Д. І. Багалій виступив із доповідлю «Про археологічну карту Харківської губернії», яка була складена ним на основі різноманітних джерел (археологічних, писемних тощо).

Заключне, шосте засідання секції «Первісних старожитностей» відбулося 26 серпня 1902 р. На ньому В. Ю. Данилевич підняв питання трупоспалень в курганних похованнях, які були виявлені ним (у співпраці з К. М. Мельник) на території Охтирського і Богодухівського повітів Харківської губернії. М. І. Веселовський у своєму виступі виділив новий тип кам'яних баб, який запропонував назвати «лежачим». Ще одна спроба нанесення археологічних пам'яток Воронезької губернії на археологічну карту була зроблена В. О. Перелешиним. Священик В. Ф. Спесівцев повідомив членів з'їзду про результати своїх археологічних досліджень біля с. Райгородка.

Однак, археологічна проблематика на XII АЗ не обмежувалася лише роботою відділення «Первісних старожитностей». Велике значення мали, так звані, археологічні екскурсії, на місця археологічних розкопок. 18 серпня 1902 р. така екскурсія була організована на Донецьке городище, а 25 серпня — поблизу с. Ніцах Охтирського повіту.

Таким чином, основна археологічна проблематика на XII АЗ була присвячена вивченю курганних поховань та складанню археологічних карт різних регіонів.

A. A. Четверикова (Одесса)

ПОТОП В ЧЕРНОМ МОРЕ КАК ТОЛЧОК К ОТКРЫТИЮ ДРЕВНОСТИ ВАРНЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕТКО ДИМИТРОВА

Почти все ученые, изучавшие Библию и Шумерский эпос, единодушины в том, что они являются ценным источником информации. В частности, теория болгарского исследователя П. Димитрова заключается в том, что выходцы из Балкан были свидетелями Черноморского потопа, что и послужило началом легенды.

Ни в Библии, ни в Шумерском эпосе не указано местонахождение Потопа. Это дает повод искать новые факты, которые проливают больше света на недостающие страницы истории. Так полагают некоторые исследователи, далеко не всегда специализирующиеся в области исторических дисциплин. Идея заключается в том, что критический анализ древних мифов, новые геологические и археологические данные о бассейне Черного моря опровергают существующие догмы и могут по-новому освещать библейские мифы.

П. Димитров ссылается на Харалда Хаарманна, профессора мультилингвистики при Католическом Университете в Брюсселе, который утверждает, что именно на Балканском полуострове найдена самая древняя в мире письменность. Его датировки глиняных табличек из Тартарии — 5300 лет до н. э. Определение варненской культуры как одной из «несостоявшихся цивилизаций» уже не в состоянии противостоять новым фактам о су-

ществовании древней неолитической культуры на всем побережье Черного моря и прилежащем шельфе. Проанализировав подобные идеи мы пришли к выводу что, даже не сомневаясь в своей правоте, они утверждают, что открытия Варненского и Дуранкулакского неолитических некрополей, старейшего в мире обработанного золота, поставили ряд вопросов, в первую очередь о роли культуры «Варна», в истории человечества.

Уже в эпоху Ренессанса появляются первая критика и первые доказательства того, что основные постулаты Библии отражают реальные исторические события. К примеру, пересказывает события до, во время и после Потопа на основе Шумерского эпоса. Сравнив его идеи с первоисточниками, автор статьи выявил, что не указано место, поскольку они считали его глобальным. Соответственно, начался он одновременно по всем континентам: «...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились...» Быт. 7:11, «...И навел Бог ветер на землю и воды остановились. И закрылись источники бездны, и перестал дождь с неба» Быт. 8:1–2. Гильгамеш, как и Ної, житель Палестинского Междуречья. Об этом месте как раз и свидетельствуют оба письменных источника. Даже если локализовать этот потоп, то логичнее предположить,

что начался он как раз с этой территории. А то, что черноголовые уплыли или уехали с насиженных мест из-за засухи много лет назад, еще не свидетельствует о том, что причерноморцы ассимилировали местное население и стали шумерами, напротив, свидетельствует об одном очаге расселения человечества по всему лицу земли. Иначе не было бы упоминания о разных странах и разделении языка в Эпосе. Сходства есть, и в Эпосе, и в Писании. Будь то описание сотворения мира, возникновение человека, появление мотыги и земледелия, переселение народа в более благоприятные земли из засушливых и т. д. Море в эпическом описании фигурирует, но совсем не в связи с затоплением. Пересялся народ разными способами, из-за того, что пустынные земли плохо орошались, и не было возмож-

ности прокормиться в полной мере. Совсем другой вопрос ком были те, кто теснил шумерийцев с севера и востока и чей язык они не понимали.

Таким образом, теория, подобная изложенной Димитровым, может претендовать лишь на идею из разряда, «а бывает и такое мнение». Многие, кто пытался исследовать Черное море в подобном контексте не пришли к общему знаменателю относительно временных рамок и причин, признавая теорию рабочей. Даже географически, самый близкий обширный водоем к территориям современного Ирака это Индийский океан. Быть может, даже это было Красное, Средиземное, Каспийское море или же Персидский Залив. И вообще принято говорить не об истории создания, а об истории развития эпоса о Гильгамеше.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА Международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины»	5
--	---

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Берестнев С. И. (<i>Харьков</i>). О символике красного цвета в археологическом материале	12
Горбенко К. В. (<i>Николаев</i>). Топография и структура городища Дикий Сад	13
Дмитриев В. А. (<i>Харьков</i>). Медные украшения в погребениях эпохи ранней бронзы	13
Іслямов Е. М. (<i>Сімферополь</i>). До питання історіографії дослідження оздоблення кераміки енеоліту-бронзи степів Північного Причорномор'я	14
Кислий О. Є. (<i>Сімферополь</i>). Нові пам'ятки зображенальної культури енеоліту-ранньої бронзи з Криму	15
Коваленко П. П. (<i>Луганськ</i>). Результаты археологических разведок у с. Обозное Славяносербского района Луганской области	15
Красильников К. И., Красильникова Л. И. (<i>Луганск</i>). Образ катакомбных древностей спасательных раскопок кургана 2 могильника у г. Червонопартизанска Луганской области.....	16
Попова Л. В. (<i>Київ</i>). Проблеми комплексної реконструкції природного середовища в гоцені України і мікротеріофауна	17
Пробейголова А. С. (<i>Луганск</i>). Погребения финала бронзового века в бассейне Северского Донца.....	18
Сніжко І. А. (<i>Харків</i>). Десять років дослідження стоянки біля с. Кам'янка.....	18

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Бабенко Л. И. (<i>Харьков</i>). О составе пластинчатой аппликации из кургана Верхний Рогачик.....	20
Гречко Д. С. (<i>Киев</i>). Особые виды погребений VII в. до н. э. у с. Медвин в Поросье	21
Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. (<i>Каменец-Подольск</i>), Могилов О. Д. (<i>Киев</i>). Курган ранньоскіфського часу в Позбруччі.....	21
Дьяченко А. Г. (<i>Белгород</i>). Новые памятники скіфского времени в бассейне Ворсклы.....	22
Задников С. А. (<i>Харьков</i>). Северный участок Восточного Бельского городища: итоги и перспективы исследования.....	23
Каравайко Д. В. (<i>Киев</i>). О термине «местонахождение»: поселения скіфского времени на Сейме.....	23
Кашуба М. Т., Левицкий О. Г. (<i>Санкт-Петербург, Кишинэу</i>). Погребальные обряды гальштатских (карпато-дунайских) культур Восточного Прикарпатья: задачи систематизации, классификации, изучения	24
Крюченко А. А. (<i>Харьков</i>). О городищах-убежищах в бассейне р. Северский Донец	25
Ліфантій О. В. (<i>Київ</i>). Золоті платівки скіфського одягу з зображеннями птахів.....	26
Махортых С. В. (<i>Киев</i>). К вопросу хронологии раннескифской культуры.....	26
Пелященко К. Ю . (<i>Харьков</i>). Ритуальный сосуд из Циркуновского городища.....	27
Плещивенко А. Г. (<i>Запорожье</i>). Памятнико-охранная деятельность Б. Н. Грекова на Каменском городище.....	27
Полидович Ю. Б. (<i>Донецк</i>). Найдены скіфских изваяний на территории Донецкой области.....	29
Полтавець В. І. (<i>Чигирин</i>). Просторове спiввiдношення поселень i курганных могильникiв у Потясминнi в скiфськi часi	29
Попандопуло З. Х. (<i>Запорожье</i>). К вопросу об этнической принадлежности грунтовых некрополей Нижнего Поднепровья.....	30
Радзиевская В. Е. (<i>Харьков</i>). Неизвестные артефакты жаботинского типа из Среднего Поворслья	31
Чурбанов М. О. (<i>Ростов-на-Дону</i>). Тамги Танаиса и сарматов Левобережной Украины: связи кочевого населения региона с античным городом	31
Шелехань О. В. (<i>Київ</i>). Еволюція клинкової зброй «klassичної Скіфії».....	32
Шрамко И. Б. (<i>Харьков</i>). Землянка раннескифского времени из зольника № 28 Западного Бельска	33

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Bragvadze Z. (<i>Tbilisi, Georgia</i>). Greek imports of the V—IV centuries B.C. from Sairkhe and some questions of the trade-economic relations	34
Козленко Р. А. (<i>Николаев</i>). «Киммерийские укрепления» Геродота (к возможной локализации Hdt. IV. 12. 1).....	34

Колесников К. М. (<i>Дніпропетровськ</i>). Зовнішньополітичні відносини та статус Херсонесу Таврійського в 170–110-х рр. до н. е.....	35
Котенко В. В. (<i>Київ</i>). Особливості облаштування західної башти з поселення Maslini у Північно-Західній Таврії.....	36
Мезенцева І. В. (<i>Київ</i>). Письмові приладдя з розкопок античних міст Північного Причорномор'я в збірці Національного музею історії України	36
Николаев Н. И. (<i>Николаев</i>). Хронологические квоты — новая особенность эпонимных каталогов античного мира	37
Новичихин А. М. (<i>Anapa</i>). О роли климатического фактора в истории Синдики VI—IV вв. до н. э.	38
Ручинская О. А. (<i>Харьков</i>). Система рекреации в представлении граждан античных городов Северного Причерноморья (I—III вв. н. э.).....	38
Сорочан С. Б. (<i>Харьков</i>). К вопросу о местоположении рыбного рынка в Херсонесе Таврическом	39
Строков А. А. (<i>Воронеж</i>). Фанагорийский склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского	39
Шейко І. М. (<i>Київ</i>). Ручки-петлі від світильників з Ольвії	40

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Казаров С. С. (<i>Ростов-на-Дону</i>). Голубь как символ Додоны	41
Литовченко С. Д. (<i>Харьков</i>). «Эра Помпея» в Великой Армении	41
Нефедов К. Ю. (<i>Харьков</i>). Культ основателя города и культ правителя в эпоху раннего эллинизма	42
Петречко О. М. (<i>Дрогобич</i>). Damnatio memoriae у добу принципату	43
Сергеев И. П. (<i>Харьков</i>). Об участии гражданского населения Римской империи в политической жизни государства в период кризиса III века.....	44
Синицын А. А. (<i>Саратов/Санкт-Петербург</i>). IMAGO BARBARORUM—I: о восприятии облика причерноморскихnomadov в греческой художественной традиции	44
Смыков Е. В. (<i>Саратов</i>). Римский империализм и современный мир (к 100-летию выхода книги Т. Франка).....	45
Сулейманова А. Б. (<i>Белгород</i>). Предпосылки галльского и пальмирского сепаратизма в период кризиса Римской империи в III в.	46
Чередниченко А. Г. (<i>Белгород</i>). Античная традиция об одном из древних названий Дарданелл — Βορυθένης	46
Янко А. Л. (<i>Полтава</i>). Етруск Фелсна: з Ганнібалом чи проти нього (до інтерпретації напису TLE, № 890)	47

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ В VII—XVII ВВ.

Аксёнов В. С. (<i>Харьков</i>). Пряжки-пуговицы из раковины в катакомбных погребениях аланского населения Подонцова	49
Винокуров Н. И., Пономарев Л. Ю. (<i>Москва</i>). Керамический комплекс салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (Керченский полуостров)	50
Володарец-Урбанович Я. В. (<i>Київ</i>). Нові знахідки фібул VI — початку VIII ст. з Полтавщини	50
Голубєва І. В. (<i>Харків</i>). Скарб золотоордынських монет з поселення «Стромоухово»	51
Горобець Л. В. (<i>Київ</i>). Птахи в побуті східних слов'ян.....	52
Желтобородов А. Н. (<i>Харьков</i>). Особенности борьбы с татарскими набегами на территории Слободской Украины во второй половине XVII в.	52
Кожушко А. В. (<i>Луганск</i>). К истокам монголо-славянского межэтнического противостояния в освещении арабской энциклопедической традиции XIV—XV вв.	53
Колода В. В. (<i>Харьков</i>). О хозяйственных ямах со стандартизованными наборами предметов на салтовских поселениях	54
Корніenko B. B. (<i>Київ</i>). Нові знахідки графіті з зображеннями тризубів у Софії Київській.....	55
Пуголовок Ю. О. (<i>Київ</i>). Житла-майстерні літописних сіверян	55
Сергєєва М. С. (<i>Київ</i>). Сировинна база давньоруської деревообробки (за матеріалами Південної Русі)	56
Терещук О. М. (<i>Київ</i>). Відображення середньовічного вітчизняного світогляду в давньоукраїнській літературі (на ґрунті аналізу «Києво-Печерського Патерика» 1661 року з колекції НМІУ).....	57
Хоружая М. В. (<i>Харьков</i>). Бронзовые подвески в виде коней из катакомбных захоронений салтово-маяцкой культуры (из коллекции Харьковского исторического музея)	58
Шеломенцев-Терський С. В. (<i>Львів</i>). Південні зв'язки галицько-волинських земель у X—XII ст. за даними археології.....	58

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Бардола К. Ю. (<i>Харьков</i>). Основные проблемы изучения истории византийской дипломатии	60
Болгов Н. Н. (<i>Белгород</i>). Город Гиппос (Суссита) в ранневизантийской Палестине	61
Болгова А. М. (<i>Белгород</i>). Ритор Хорикий Газский в византологии последнего десятилетия	61

Вус О. В. (<i>Львов</i>). О попытке локализации «страны Дори» Прокопия Кесарийского на Европейском Боспоре.....	62
Господаренко О. В., Смирнов О. И. (<i>Миколаїв</i>). Рельєфні зміни на Дніпровському-2:	
до питання археологічного дослідження замку Леріче.....	63
Домановский А. Н. (<i>Харьков</i>). Социально-экономическая природа Византийской цивилизации в свете теоретических построений Л. С. Васильева и Ю. И. Семенова	64
Домановська М. Є. (<i>Харків</i>). Візантиністика у наукових студіях та навчальних курсах В. І. Савви.....	64
Дьячков С. В. (<i>Харьков</i>). Новые данные об использовании арбалетов гарнизоном генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).....	65
Кобзева А. В. (<i>Белгород</i>). XIII—XIV книги «Хронографии» Иоанна Малалы: введение в византийскую историю.....	66
Кузь А. И. (<i>Чернівці</i>). Військова нагородна справа у генуезькій Газарії.....	66
Курбанов А. В. (<i>Санкт-Петербург/Белгород</i>). К вопросу о терминологии византийских благотворительных учреждений.....	67
Литовченко А. Н. (<i>Харьков</i>). Алтарная преграда как элемент внутреннего убранства базилики (по материалам византийского Херсона).....	67
Майко В. В. (<i>Симферополь</i>). Средневековые ткани Сугдеи	68
Миловидова О. В. (<i>Харків</i>). Про новації візантійського права у зводі «Еклога».....	69
Могаричев Ю. М. (<i>Симферополь</i>), С. Б. Сорочан (<i>Харьков</i>). К проблеме административно-территориального устройства Боспора во второй половине VI—VIII вв.....	69
Роменский А. А. (<i>Харьков</i>). «Огненные столпы» в византийской и древнерусской агиографии	70
Столяренко Е. Н. (<i>Харьков</i>). Об отношении латинян к женщине в итальянских колониях Северного Причерноморья в XIV—XV вв.....	71
Фомин М. В. (<i>Харьков</i>). К проблеме формирования раннехристианского мировоззрения в позднеантичном Херсонесе.....	71
Эюпова Д. Г. (<i>Белгород</i>). К истории проституции в ранневизантийской Палестине.....	72

ИСТОРИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Гордієнко Д. С. (<i>Київ</i>). Антикоznавчий доробок українських вчених-емігрантів у міжвоєнній Чехословаччині	73
Гусев К. А. (<i>Москва</i>). О некоторых отличиях Всероссийских археологических съездов и Международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии.....	74
Козловський С. О. (<i>Львів</i>). Медієвістика як академічна дисципліна у Львівському університеті (1840–1850-ті рр.).....	74
Колибенко В. О. (<i>Київ</i>). До питання про збереження культових пам'яток України	75
Ласінська М. Ю. (<i>Миколаїв</i>). Спроба періодизації історії археологічних досліджень регіону Нижнього Побужжя.....	76
Левченко В. В. (<i>Одеса</i>). Інституалізація системи археологічної освіти в Одесі в першій половині ХХ століття.....	76
Палиенко С. В. (<i>Киев</i>). История отдела теории и методики археологических исследований Института археологии АН УССР по разным видам источников.....	77
Посохова Л. Ю. (<i>Харків</i>). Віртуальні мандрівки харківських студентів та викладачів у XVIII ст.....	78
Принь О. В. (<i>Луганськ</i>). Археологічні та пам'яткоохоронні дослідження Конотопського окружного музею наприкінці 1920-х — на початку 1930-х років	79
Скирда В. В., Скирда І. М. (<i>Харків</i>). Археологічна проблематика на XII Археологічному з'їзді	79
Четверикова А. А. (<i>Одесса</i>). Потоп в Черном море как толчок к открытию древности Варненской культуры в исследованиях Петко Димитрова.....	80